№ 2872.
М17

УКРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

ИЗДАННЫЯ

МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА I. Украинскія *Думы.*

КНИГА II. Пѣсни Козацкія *былевыя.*

КНИГА III. Пѣсни Козацкія *бытовыя.*

Інв. № 69453
2473
592
КІЕВСК. МУЗЕИ ИМП. НИКОЛАЯ II
Zentralbibliothek der Kaiser Schule

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1834.

1964
85
2023
Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Марта 23 го дня 1834 года.

Ординарный Профессоръ, Цензоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

(Цѣна 3 руб.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну *народности*; начинаетъ уже сбываться желаніе — да создастся Поэзія истинно Русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя; но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной Поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная.“

Этими словами начинается мое Предисловіе къ Сборнику *Малороссійскихъ пѣсенъ*, изданному мною въ 1827 году. Въ немъ помѣщено только 130 пѣсенъ; но я имѣлъ удовольствіе видѣть полный успѣхъ онаго, оправданіе и распространеніе нѣкоторыхъ тамъ высказанныхъ мыслей и замѣчаній моихъ о языкѣ и пѣсняхъ Малороссійскихъ.

Въ теченіе семи лѣтъ я продолжалъ начатое Собраніе: и оно теперь простирается уже до $2\frac{1}{2}$ тысячъ пѣсенъ и отрывковъ, и со-временемъ безъ сомнѣнія можетъ быть удвоено, ибо это предметъ неистощимый. Настоящимъ богатствомъ мое Собраніе обязано участію въ трудѣ моемъ Князя *П. П. Цертелева* — перваго издате-

ля Украинскихъ Думъ, *Н. В. Гоголя* — новаго историка Малороссіи и автора Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки, *И. И. Срезневскаго* — издателя Запорожской Старины, *А. Г. Шпигоцкаго* — переводчика Валленрода, почтеннаго *И. В. Крамаренка*, *О. М. Бодянскаго* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, коимъ всѣмъ приношу мою благодарность. Кромѣ того я пріобрѣлъ извѣстное Собраніе народныхъ пѣсенъ покойнаго *З. Я. Ходаковскаго*, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными.

При такомъ множествѣ пѣсенъ, находящихся иногда у меня въ пяти и болѣе спискахъ, я имѣлъ возможность часто усматривать ясно тѣ измѣненія, какія происходили съ ними частію отъ долговременнаго и неправильнаго пѣнья оныхъ, частію и отъ изобрѣтательности самихъ пѣвцовъ и пѣвицъ: такимъ образомъ я могъ представить очень многія пѣсни въ исправнѣйшемъ видѣ.

Предлагаю просвѣщенному вниманію читателей Первую Часть моего новаго Собранія, менѣе другихъ полную, но для многихъ можетъ быть самую занимательную: ибо въ ней помѣщены *Думы* Украинскихъ бандуристовъ и *пѣсни собственно-Козацкія*, выражающія Козацкую жизнь, въ ея отношеніи къ общественному, Историческому быту, и отчужденіи отъ быта семейнаго, домовитаго; первыя изъ нихъ я называю *былевыми*, вторыя *бытовыми*.

Это надгробные памятники и вмѣстѣ живые свидѣтели отжитой старины. Другіе народы въ память важныхъ произшествій своихъ, чеканятъ медали, по которымъ Исторія часто разгады-

ваетъ минувшее: событія Козацкой жизни отливались въ звонкія пѣсни, и потому онѣ должны составить самую вѣрную и вразумительную Лѣтопись для новаго бытописателя Малороссіи.

Во II й части будутъ помѣщены *пѣсни женскія* — отголоски души страстной, — выраженія жизни, исполненной любви пламенной, нѣжной, но обреченной на тоску, и только изрѣдка разцвѣтающей счастьемъ. Сюда же отношу и тѣ пѣсни, гдѣ Козакъ является подъ господствомъ женскаго чувства, въ быту домашнемъ.

Въ III й части собраны *пѣсни гуляшія*, въ коихъ господствуетъ болѣе прихотливое и затѣйливое расположеніе души, разгулъ, каррикатура и т. п.

Въ IV й части помѣщаются всѣ *обрядныя пѣсни*, относящіяся къ празднествамъ и общественнымъ занятіямъ домовитой жизни, и отличающіяся отъ другихъ бо́льшею придуманностію, то восходящею до символической восторженности, то облекающеюся въ прелесть идиллическаго простодушія.

Дѣленіе это довольно соотвѣтственно съ своимъ предметомъ; впрочемъ оно только приблизительное, и я вовсе не думалъ вводить строгой и подробной классификаціи въ этотъ гармоническій міръ живой Поэзіи народа. Благоуханные вѣчносвѣжіе цвѣты ея прорастаютъ сквозь цементъ систематическихъ сводовъ и дружно переплетаются между собою.

Сколько могъ теперь, я дѣлалъ поясните́льныя замѣчанія къ Думамъ и пѣснямъ; къ нѣкоторымъ приложилъ переводъ; на всѣхъ словахъ ста-

вилъ удареніе и ко многимъ изъ нихъ прибавлялъ объясненіе ихъ: впрочемъ общій *Словарь* и *Грамматика* Малороссійскаго языка будутъ изданы мною въ особомъ прибавленіи къ сему Собранію (*). Я хотѣлъ-было въ сей части изложить подробно свои мысли о характерѣ, складѣ пѣсенъ, о языкѣ и правописаніи онаго; но долженъ отложить это впредь, поспѣшая перемѣщеніемъ моимъ въ Кіевъ, гдѣ мои занятія будутъ посвящены преимущественно Отечественной Словесности. Такимъ образомъ я буду имѣть возможность продолженіе моего труда исполнить съ бо́льшимъ успѣхомъ.

Чувствуя живо красоту нашихъ народныхъ пѣсенъ и ихъ важность въ настоящее время *народности*, находя, что ни у кого не была такъ богато развита *Поэзія народная*, какъ у Сѣверныхъ (**) и Южныхъ Руссовъ, и желая моимъ собраніемъ сколько можно полнѣе и совершеннѣе открыть богатства *Поэзіи Украинской*, прошу всѣхъ

(*) Начатки *Малороссійскаго Словаря* (сравнительнаго съ другими Славянскими языками) находятся въ моемъ Сборникѣ, 1827. Краткая Граммашика Малороссійскаго языка у насъ издана *Г. Павловскимъ* 1818. Въ 5 No Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1834) извѣщено объ изданіи двухъ Малороссійскихъ Граммашикъ Г-дами *Левицкимъ* и *Лозинскимъ*, 1833. — Въ Лембергѣ издано *Вацлавомъ* Собраніе Галицкихъ пѣсенъ, коего однакожъ, къ сожалѣнію, я не получилъ еще: бо́льшая часть Галицкихъ пѣсенъ не только сходны съ пѣснями Украинскими, но многія пѣсни даже однѣ и тѣже — въ слѣдствіе однородства, сказаннаго на стр. 68.

(**) *П. В. Киртевскій* собралъ уже Русскихъ народныхъ пѣсенъ и стиховъ болѣе 1500. Ему обязанъ я многими замѣчаніями о семъ предметѣ.

Малороссіянъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ: ибо оно можетъ свершиться только общимъ содѣйствіемъ; прошу всѣхъ, кто имѣетъ случай, доставлять мнѣ *списки* Украинскихъ пѣсенъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ поются въ народѣ, безъ перемѣнъ, пропусковъ и добавленій, съ поясснительными примѣчаніями о мѣстахъ, лицахъ и мало извѣстныхъ словахъ, какія могутъ иногда случиться въ пѣсняхъ, а кто можетъ, то и съ напѣвомъ. Списывать пѣсни лучше во время пѣнья, ибо пѣвцы и пѣвицы наши часто не умѣютъ хорошо пересказывать того, что̀ умѣютъ вполнѣ *пропѣть*. Всякая пѣсня, *какого бы ни была содержанія*, для меня любопытна и пригодна, и будетъ принята съ благодарностью; но особенное вниманіе я желалъ бы обратить на пополненіе сей первой части.

Голоса Украинскихъ пѣсенъ, поэтическія не менѣе словъ ихъ, составляютъ у меня особое изданіе. Первая тетрадь онаго, содержащая 25 пѣсенъ, (*) положенныхъ на ноты для пѣнья и фортепьяно *А. А. Алябьевымъ*, уже вышла въ свѣтъ.

М. М.

Москва, 21 Мая.

(*) Въ подтвержденіе сказаннаго мною прежде о нѣкоторыхъ чертахъ Кавказскихъ, встрѣчающихся въ Украйнѣ, кстати замѣчу: 1) что напѣвъ *Веснянки* (No 8) имѣетъ удивительное сходство съ напѣвомъ одной Черкесской пѣсни; 2) напѣвъ извѣстной пѣсни *Антонъ козу веде*, существуетъ у Нагайскихъ Татаръ, которые подъ него пляшутъ или лучше сказать толкушся на одномъ мѣстѣ, сцѣпившись въ длинную вереницу.

ЗАМѢЧАНІЯ О ПРАВОПИСАНІИ И СЛОВОПРОИЗНОШЕНІИ (*).

I) Въ Украинскомъ языкѣ любимый гласный звукъ есть І, имѣющій два видоизмѣненія: 1) *острое*, какъ и въ Великорусскомъ языкѣ, на пр. въ словахъ: мои, твои; 2) *мягкое*, болѣе гортанное, склоняющееся къ звуку Э. (*Твердаго* Великорусскаго Ы въ Украинскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ.)

Буква И *послѣ гласныхъ* и буква Ѣ всегда произносятся *остро*. Такимъ же образомъ часто произносятся и прочія гласныя буквы, и въ такомъ случаѣ я, удерживая ихъ, отмѣчаю особымъ значкомъ (*паеркомъ* ^) — â, ê, и̂, î, ô. ŷ.

(*) Употребляемое здѣсь правописаніе Малороссійское предложено мною въ 1827 году. Я старался въ немъ соблюсти грамматическую правильность языка, согласивъ оную съ произношеніемъ, измѣнчивымъ по разнымъ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Въ основаніе сего правописанія, по многимъ уваженіямъ принято: 1) *Правописаніе Библейское*, которое Малороссіяне читаютъ сообразно своему выговору природному; 2) употребительнѣйшій способъ писанія въ Малороссіи. — Нѣкоторымъ Малороссіянамъ мое правописаніе кажется слишкомъ книжнымъ и неудобнымъ для письма; я съ ними отчасти согласенъ въ этомъ, и думаю, что для домашняго обихода простѣе *Слобожанскій* способъ писанія, по

Въ остальныхъ случаяхъ буквы Ы, І, И (не означенныя *паерколѣ*) произносятся какъ *мягкое* І.

Примѣры: мы ходили битыми шляхами; якій ты милый: въ этихъ словахъ вездѣ одно *мягкое* І. (по Слобожанской методѣ писанія: мы ходылы быгымы шляхамы.) — Мôй кôньнêсъ вôдсêль крâй дороги мêжъ камêньями; îхъ конî дорогіи; дѣвка пôшла за-мŷжъ, слêзми обливается; у сына синîй нôсъ. (по Слобожанской методѣ должно бы писать: мій кинь нисъ видсиль крій дорогы мижъ каминьнямы; ихъ дивка пишла за-мижъ, слизмы облываецьця; у сына сыній нисъ.)

которому, отбросивъ всякое словопроизведеніе, стараются писать, слѣдуя только одному выговору: такъ на примѣръ, отбросивъ букву Ѣ (вопреки всегдашнему употребленію оной Малороссіянами) для изображенія остраго І употребляютъ только И, І, а для мягкаго — Ы; пишутъ гнуцьця, облываецьця и т. д. Такимъ же образомъ и по Русски для многихъ гораздо легче писать *малако, кажетца, майо, святова* — но это не есть *правописаніе*, и въ Граммашикахъ называется *какографіей*. Впрочемъ надобно сказать и то, что правописаніе есть такой предметъ, по которому не бываетъ полнаго соглашенія и въ самыхъ образованныхъ литературахъ, и мѣлкія отщѣпки онаго болѣе или менѣе составляютъ особенность писателей. Тѣмъ менѣе могло существовать единогласіе въ правописаніи Малороссійскомъ. Однакожъ, если надобно уже выводить что-либо похожее на общее мнѣніе, по большинству случаевъ: то, сличая старинныя письмена и множество

II) Буква Е въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ выговаривается *остро;* послѣ согласныхъ выговаривается *твердо;* и тогда только выговаривается какъ *іо*, когда пишется съ двумя точками (ё).

III) Буква Г произносится чисто, какъ Латинское h (какъ у Чеховъ, Словаковъ). Иногда она прибавляется въ началѣ словъ къ гласнымъ буквамъ, на пр. гарапникъ, гей, гострый; въ немногихъ словахъ, кажется только иностранныхъ, Г выговаривается какъ Латинское g, и въ такимъ случаяхъ можно писать КГ, либо отмѣчать особымъ значкомъ, по примѣру Сравнительнаго Словаря.

списковъ пѣсенъ, полученнымъ отъ разныхъ лицъ (большею частію не заботившихся объ искуственной и какой-либо опредѣленной методѣ писанія), я нахожу, что къ наибольшему и привычному употребленію, ближе всѣхъ правописаніе Г. Котляревскаго, въ которомъ и буква Ѣ удержана, и буква Ы употребляется почти въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ оно ставится по правописанію Библейскому. Посему я и принялъ это правописаніе, сдѣлавъ къ нему два прибавленія: а) отмѣтку паеркомъ буквъ й, î, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они выговариваются остро; б) введеніе коренныхъ гласныхъ буквъ ô, ê, â, ŷ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они выговариваются какъ острое î. Ставьте вмѣсто ихъ букву И, отбросьте паерокъ — и правописаніе мое будетъ правописаніе Г. Котляревскаго. О всемъ этомъ подробно изъяснено будетъ въ Граммашикѣ моей, въ дополненіе къ тому, что̀ сказано уже въ прежнемъ Сборникѣ.

IV) Буква В не выговаривается какъ *ф*; она, особенно послѣ гласныхъ, произносится какъ краткое У, обращаясь иногда и въ длинное У — (всѣ, усѣ; взявъ, узявъ; вслѣдъ, услѣдъ; въ лѣсѣ, у лѣсѣ). Наоборотъ, У иногда сокращается и какъ бы обращается въ В — (ужѐ, вже; у ёго, въ ёго; умираю, вмираю). Часто В прибавляется къ словамъ (начинающимся буквою О): вôнѣ, вонá, воно́, вôвса, вôвця, въ вôчи̑ (вмѣсто онъ, она оно, овца, овса въ очи); часто В замѣняетъ букву Л: повный повкъ, вовкъ, жовтый. Такимъ образомъ окончаніе 3го лица прошедшаго времени мужескаго рода, вмѣсто *лъ*, всегда имѣетъ *въ* (ходивъ, гулявъ).

V) Когда послѣ ЛЬ, НЬ слѣдуетъ гласная, тогда предъ нею Л и Н повторяются, напримѣръ: *зѣлья*, зѣльля; *коханья*, коханьня; въ слогѣ МЯ слышно послѣ М не только Ь, но часто Н; напримѣръ: имьня, времня, памнять. Глагольное окончаніе *тся* или *ться*, выговаривается *цця* или *цьця*; да и вообще *тс* выговаривается какъ Ц.

VI) Часто О выговаривается какъ У (на пр. въ глагольномъ окончаніи оваши, въ словахъ: табуръ и проч.). Иногда О скрадывается въ выговорѣ, подобно тому какъ И сокращается въ Й — и въ такихъ случаяхъ можно употреблять ŏ, что̀ и будетъ *ъ*, прежде употреблявшійся въ срединѣ словъ (вълкъ).

VII) Частица *да* выговаривается *та*.

ПОПРАВКИ.

Въ сію часть вкралось нѣсколько опечатокъ и ошибокъ; почитаю необходимымъ и прошу читателей исправить слѣдующія:

Въ книгѣ первой.

Стр. 21 стихъ 1. Украйнѣ — *чит.* Украйнѣ.
— 33 сизые орлы — *чит.* быстрые орлы.
— — степью розлеглась — *чит.* степью разлеглась.
— 56 внизу, Вмѣсто: Надо́локъ — заступъ? кажется должно поставить: надѣ́локъ — ножны?
— 57 стихъ 5. пипала — *чит.* пыпала.

Въ книгѣ второй.

— 67 —— 1340 г. два раза ошибкою поставленъ вмѣсто 1320.
— 68 —— Дума X — *чит.* Дума IX.
— 74 —— Пѣсни о *Морозенкѣ* должно перенести въ третій отдѣлъ; ибо онъ былъ современникъ Дорошенка (по замѣчанію Г. Евецкаго, полученному мною отъ Г. Срезневскаго).
— 111 стр. 10. 32 пѣсня относится къ 1731 (1761 явная опечатка).
— 115 Внизу опечатка: ра́поръ *чит.* Пра́поръ.
— 126 Землею Донскою *чит.* Землю Донскую.

КНИГА ПЕРВАЯ.

УКРАИНСКІЯ ДУМЫ.

Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше,
Нъ своя вѣщія пърсты на живая струны въскладаше —
Они же сами Княземъ славу рокотаху!

Пѣснь Игорю.

КІЕВСКІЙ МУЗЕЙ ИМП. НИКОЛАЯ

А. — *Думы* суть пѣснопѣнія исключительно принадлежащія Бандуристамъ. Отъ *пѣсень* отличаются характеромъ болѣе *повѣствовательнымъ* или эпическимъ и *вольнымъ* размѣромъ, состоящимъ въ неопредѣленномъ числѣ тоническихъ стопъ, хотя иногда (по *лирическому* характеру Украинской Поэзіи) онѣ вдаются въ пѣсню: тогда и размѣръ принимаютъ опредѣленный, пѣсенный. Стихи почти всегда риѳмованные. Содержаніе ихъ большею частію историческое.

Князь Цертелевъ первый издалъ въ свѣтъ 10 Думъ подъ именемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсенъ* 1819, коими я здѣсь вполнѣ воспользовался. Потомъ издали нѣсколько Думъ Гг. *Шпигоцкій* — въ Украинскомъ Альманахѣ 1831, и *Срезневскій* — въ Запорожской Старинѣ 1833; изъ первой книжки ея заимствовалъ я Думу 5 и 6 во второмъ отдѣлѣ, а въ ней читатели найдутъ двѣ любопытныя Думы, принадлежащія къ первому періоду Козачества: одна *о дарахъ Баторія и смерти Богданка* (Ружнаго) другая *о походѣ Сербяги* (И. Подковы).

Я слышалъ, что у Бандуристовъ есть большая Дума, въ которой воспѣвается *Дашковичъ*, одинъ изъ первыхъ вождей Запорожскихъ козаковъ. Безъ сомнѣнія, въ памяти Бандуристовъ сохранились Думы и пѣсни и о другихъ геройхъ первыхъ временъ козачества. Не уже-ли народъ не воспѣвалъ *Конашевича-Сагайдачнаго*, *Тараса*, *Павлюка* и другихъ? Но къ сожалѣнію эти пѣсни еще неизвѣстны намъ, и съ смертію стариковъ-Бандуристовъ многія изъ нихъ могутъ совсѣмъ погибнуть.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ДО-УНІЯТСКИХЪ.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна — тугою взыдоша по Руськой землѣ. . . .

Пѣснь Игорю.

Б. — **Сѣчью** называлось укрѣпленіе (подобное *острогамъ* либо *городкамъ*), гдѣ находился главный Запорожскій таборъ или *кошъ*, по имени коего и начальникъ Сѣчи назывался *Кошевымъ Атаманомъ* или просто *Кошевымъ*. Первая (*старая или великая*) Сѣчь была на Днѣпровскомъ островѣ Хортицѣ или Хоршицѣ, находящемся за Порогами близь мыса Кичкаса. Этимологія *Сѣчи* таже что и *Засѣки*.

В. — Сѣчь дѣлилась на части, называемыя **куренями**, управляемыя *Куренными Атаманами*. Эти *куренi* или *холивы* состояли изъ землянокъ, мазанокъ и шалашей, въ коихъ жили Запорожцы. При Баторіѣ Украйна раздѣлилась на 10 *Полковъ* (каждый съ своимъ *городомъ*), Полки дѣлились на *Сотни* (каждая съ своимъ *мѣстечкомъ* или сотеннымъ городомъ), а Сотни на *Курени* (съ слободами, селами, и хуторами). Но кромѣ такого собирательнаго значенія, *Куренемъ* въ Украйнѣ и на Дону называется и одинокій шалашъ, обыкновенно изъ тростника (очере́та), либо орѣшника крытаго соломой, дѣланный для лѣтняго жилья на лугахъ и проч., да и въ Великороссіи (гдѣ большею частью избы *курныя*) *куренемъ* иногда называется шалашъ или полатка торговая. Въ Игоревой пѣсни упоминается о ку́ряхъ Тмутараканя (т. е. жилищахъ). *Куренемъ*, ку́рею называлось жилье потому же, почему и теперь еще въ разныхъ мѣстахъ Россіи дворы называются *дымами*.

Г. — Кромѣ Кошеваго и Куренныхъ Атамановъ въ Сѣчи были еще старшины: *Войсковой Судья*, *Войсковой Писарь*, *Асаулъ*.

Всѣ старшины выбирались на *Радѣ*, т. е. Совѣтѣ (мірской сходкѣ, вечѣ). *Громадою* называлась общая сходка на Раду; у Куреней были свои частныя Рады *(до Куреня)*.

ДУМА ПЕРВАЯ.

О ѲЕДОРѢ БЕЗРОДНОМЪ.

Сей Куренной Атаманъ, можетъ быть, есть тотъ самый Безродный (Ѳома), который былъ Войсковымъ Писаремъ при отважномъ Гетьманѣ Богданкѣ (1576).

По-надъ саго́ю (1) Днѣпрово́ю
Молоды́й коза́къ обѣ́дъ обѣда́е; не ду́мае, не гада́е,
Що на ёго молодо́го, ще́ й на чу́ру (2) мало́го бѣда́ настига́е.
То не ве́рбы луговы́и зашумѣ́ли . . .
Якъ безбо́жны ушкалы́ (3) налетѣ́ли,
Хве́дора Безро̂дного, Ота́мана Куре̂нного,
Постреля́ли, поруба́ли — то̂льки чу́ры не по̂йма́ли.
То малы́й чу́ра до козака́ прибува́е (4),

(1) Сага́ — заливъ. Боло́ньемъ называется собст. лугъ, лугомъже назывался лѣсъ, покрывающій низменныя мѣста (какъ у южныхъ Славянъ вообще); отъ того *лугъ* называется въ пѣсняхъ *темнымъ*, — часто говорится о *шумѣ* луга. Отъ пороговъ за Днѣпромъ идетъ *великій лугъ*, и у Запорожцевъ *(Лугарей)* была пословица: *Сѣчь мати, а великій лугъ батько.* (2) Чу́ра — вѣрный слуга или оруженосецъ. (3) Ушкалы́ — разбойники. Не суть-ли это Русскіе *ушкуйники*, разъѣзжавшіе на судахъ, называемыхъ *ушкуями.* (4) Прибува́ти — прибывать приходить. Бу́ти — быть.

Ра́ны ёму́ глыбо́кіи промыва́е. То коза́нъ ёму промовля́е (5):

„Чу́ро мо́й, чу́ро! Ве́рный слу́го!
По́йди́ ты степо́мъ по-надъ Днѣпро́мъ.
Послу́хай (6) ты, чу́ро: чи (7) то гу́сы кричя́ть,
чи ле́беди́ ячя́ть,
Чи ушкалы́ гуду́ть, чи мо́же (8) козаки́ Днѣпро́мъ
иду́ть?
Коли́ гу́сы кричя́ть, або́ ле́беди́ ячя́ть — то
сжени́ (9);
Коли́ ушкалы́ гуду́ть — мене́ зхорони́;
Коли́-жъ козаки́ иду́ть — то объяви́,
Неха́й воны́ човны́ до бе́рега привертаю́ть,
Мене́ Хве́дора Безро́дного навѣщаю́ть.“ —

То чу́ра малы́й по бе́регу пробѣга́въ,
Козако́въ забача́въ (10), ша́пкою маха́въ, слова́ми
промовля́въ:

— Пано́ве-молодци́! до́бре вы дба́йте (11),
Човны́ привертайте, до Опа́мана Курѣнного поспѣшайте!

То козаки́ тее зачува́ли (12),
До бе́рега привертали, Опа́мана навѣща́ли.

(5) Промовля́ти — говорить, промолвить. Мовъ — словно. Мо́ва — рѣчь. (6) Слу́хати — слушать. (7) Чи — ли, ставится въ началѣ слова. (8) Мо́же — можетъ быть; ма́бутъ — видно, знать. (9) Жену́, гна́ти — гоню, гнать. (10) Забача́ти — савидѣть; ба́чу — вижу; ба́читься — кажется, сдаётся. (11) Дба́ти — здѣсь знач. поступать; чаще употребл. вм. пріобрѣтать; до́бре — хорошо. (12) Чу́ти — слышать.

Тогдѝ козáкъ чýру выхваля́е, слова́ми промовля́е:
„Чýро мóй, чýро! вѣ́рный слýго!
Колѝ ты бýдешь вѣ́рно пробува́ти,
Бýдуть тебе́ козакѝ поважа́ти!“
То тѣ́е промовлявъ, опроще́нье зо всѣ́ми бравъ,
Милосе́рдому Бо́гу дýшу отда́въ. —
Тогдѝ козакѝ ша́блями суходо́лъ (13) копа́ли,
Ша́пками, припо́лами (14) пе́рсть выйма́ли,
Хве́дора Безро́дного хова́ли,
Въ семинья́днѝ пища́лѝ грема́ли,
У суре́мки (15) жало́бно выхваля́ли:
То ще до́бре коза́цька голова́ зна́ла,
Що безъ во́йська коза́цького не вмѝра́ла.

ПЕРЕВОДЪ.

Надъ заливомъ Днѣпровскимъ молодой козакъ обѣдаетъ обѣдъ. Онъ не думаетъ, не гадаетъ, что его молодаго, и его малаго чуру бѣда настигаетъ.

То не вербы лѣсныя зашумѣли. . , безбожные разбойники налетѣли; *Ѳедора Безроднаго* Куреннаго Атамана пострѣляли, порубили, только не поймали его чуры.

Вотъ ма́лый чура приходитъ къ козаку, промываетъ ему глубокія раны.

Молвитъ ему козакъ: „Чура мой, чура! вѣрный слуга! Пойди ты степью по-надъ Днѣпромъ; прислушай ты, чура:

(13) Суходо́лъ — земля сухая. (14) Припо́лы — концы полъ. (15) Сурма́ и Суре́мка — труба, Сурма́чъ — трубачь. Сурми́ти — трубить.

гуси-ль то кричатъ, ячатъ-ли то лебеди, разбойники-ль гуляютъ, или можетъ, козаки Днѣпромъ идутъ? Коли кричатъ гуси или ячатъ (*) лебеди, то сгони; коли разбойники гуляютъ, схорони меня; коли жь козаки идутъ, то скажи, пусть они челноки свои приворачиваютъ къ берегу и навѣстятъ меня козака Ѳедора Безроднаго.

Вотъ, малой чура пробѣжалъ по берегу, завидѣлъ козаковъ, машетъ шапкою, говоритъ словами: Паны-молодцы! сдѣлайте доброе дѣло, приворачивайте челноки, поспѣшайте къ Атаману Куренному.

Козаки то услышали, къ берегу причаливали, Атамана навѣстили.

Хвалитъ козакъ чуру и говоритъ такія слова: „Чура мой, чура! вѣрный слуга! коли ты будешь вѣрно жить, будутъ тебя козаки чтить.“ —

Такъ говорилъ онъ, со всѣми прощался, милосердому Богу отдалъ душу.

Тогда козаки саблями копали суходолъ, выгребали землю шапками и приполами, хоронили Ѳедора Безроднаго; гремѣли изъ семипяденныхъ пищалей, и жалобно выхваляли его въ трубы: дѣло козацкая голова знала, что безъ войска козацкаго не умирала!

(*) Ячáть — говорится про крикъ лебедей, который въ Русскомъ языкѣ кажется, не выражается особымъ словомъ. Кукушка (*зозуля*) — куéтъ; воронъ — крячетъ, грýетъ (въ Пѣс. Игор. *граетъ*); кречетъ — кýркуетъ и проч.

ДУМА ВТОРАЯ.

ПОБѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

*Муравскій шлях*ъ (дорога), о которомъ говорится здѣсь, идетъ отъ *великой сѣчи* (остр. Хортицы на Днѣпрѣ) на сѣверъ къ верховьямъ Ворсклы и С. Донца. Между Азовомъ и симъ шляхомъ находятся большіе *байраки* (овраги или буераки); а за шляхомъ у верховья р. Самарки, какъ видно изъ думы, должна быть *могила* (курганъ) *Саворъ*, о которой упоминается и въ пѣснѣ *о Морозе́нкѣ* (кн. II No 6). —

Въ думѣ сей къ списку Кн. Цертелева я сдѣлалъ пополненіе изъ списка Г. Шпигоцкаго (Укр. Альм. 1831).

Изъ го́рода изъ Азо́ва не вели́кіи тума́ны вста-
ва́ли,
Три бра́та ро̂дне́нькихъ зъ тя́жкои нево́лѝ втѣ-
ка́ли (16).
Два ко̂нныхъ; тре́тій пѣ́шій за ни́ми по̂дбѣга́е,
На сыре́ корѣ́нья, на бѣ́ле камѣ́нья
Но̂жки́ свои́ коза́цькіи посѣка́е, кро́вью слѣ́ды
'заслива́е,
До ко̂нныхъ брато̂въ добѣга́е, слова́ми промовля́е.

(16) Утѣка́ти — убѣгать, уходить.

„Ста́ньте вы, бра́тця! ко́ней попасѣ́те, мене́ по̂-
дождѣ́те,
Зъ собо́ю во̂зьмѣ́те, до городо̂въ хрестя́нськихъ
по̂двезѣ́те.“
То середу́льшій (17) те́е зачува́въ, ста́ршого пы́-
та́въ;
То ста́ршій ёму́ слова́ми промовля́въ:
– Чи ще́-жъ тобѣ́ не дала́ся тя́жкая нево́ля зна́ти?...
Якъ бу́демъ мы бра́та дожида́ти,
Бу́де насъ пого́нь доганя́ти, бу́де насъ стре-
ля́ти, руба́ти,
Або́ (18) въ тя́жко̂й робо́тѣ бу́демъ пропада́ти. —
„Коли́-жъ мене́, бра́тця, не хо́чете жда́ти —
Ставъ ме́ньшій промовля́ти —
То прошу́ васъ, бра́тця: на пра́ву сто́рону звер-
та́йте,
Ша́бли̂ изъ по̂хвъ (19) вини̂ма́йте, тѣ́ло мое́
поруба́йте,
Въ чи́сто̂мъ степу́ похова́йте (20),
Звѣ́рю да пти́цѣ на пота́лу (21) не да́йте!“ —
То середу́льшій те́е зачува́въ,
Слова́ми промовля́въ:
— Сёго́, бра́те, изъ-ро́ду ни̂где́ не чува́ли,
Щобъ ро̂дною кро́вью ша́бли̂ обмыва́ли,
Або́ го́стрымъ спи́сомъ (22) опроще́нье бра́ли. —

(17) Середу́льшій или середу́щій — середній. (18) Або́ — либо. (19) По̂хва — ножны. (20) Хова́ти — хоронить, прятать. (21) Пота́ла — покормка. (22) Списъ — копье, пика. Го́стрый — острый.

„Коли́-жъ не хо́чете, бра́тця, мене́ руба́ти,
То прошу́ васъ, бра́тця, якъ бу́дете до байра́-
ко́въ прибува́ти,
Терно́вѣ вѣ́тки въ запо́лье (23) руба́йте,
Менѣ́ призна́ку покида́йте!“ —
То вже́ два казаки́ въ байраки́ въѣзжа́е;
Середу́льшій бра́тъ милосе́рдіе ма́е:
Верховѣ́тья у терно́въ зпина́е (23′),
Ме́ньшому бра́ту приме́ту покида́е.
А якъ спа́ли на Мура́вськім шляхъ выѣзжа́ти,
Нѣчѣмъ ёму́ призна́ко́въ покида́ти;
Во́нъ черво́ну (24) кита́йку зъ-по́дъ жупа́на (25)
выдира́е,
По шляху́ розкида́е, ме́ньшому бра́ту приме́ту
зоста́вляе.
То якъ ста́въ пѣшехо́дець зъ терно́въ выходи́ти,
Ста́въ черво́ну кита́йку находи́ти:
У ру́ки хвата́е, дро́бными слёза́ми облива́е.
„Не-ду́рно (26), промовля́е, черво́на кита́йка по шля́-
ху валя́е,
Ма́бутъ (27) мои́хъ брато́въ на свѣ́тѣ нема́е!...
Ма́бутъ за ни́ми зъ го́рода Азо́ва пого́ня вставала,
Мене́ въ терна́хъ на спочи́вѣ (28) мина́ла,
Брато́въ мои́хъ догаля́ла, стреля́ла, руба́ла!

(23) Запо́лье — завороты полъ. (23′) — ссѣкаетъ. (24) Чер во́ный — красный (чермный). Червонная китайка весьма часто упоминается. (25) Жупа́нъ — кафтанъ. (26) Неду́рно, неда́рма — не даромъ. (27) Ма́бутъ — можетъ быть, видно. (28) Спочи́въ, опочи́вка, — отдыхъ, сонъ.

Колúбъ менѣ Бôгъ
Милосéрдый помôгъ
Тѣло козáцьке находúти,
Въ чúстôмъ степý хоронúти!“ —
Що одно́ безвôдье, дрýге безхлѣбье,
Трéтье бýйный вѣтеръ въ пóлѣ повѣвáе,
Бѣдного козака́ зъ нôгъ валя́е . . .
— „Ой гóдѣ-жъ менѣ за кôнными братáми уганя́ти,
Часъ менѣ козацькúмъ ногáмъ пôльгу (29) дáти!“
То тéе промовля́въ, до Сáворъ-могúлы прибувáвъ,
Пôдъ Сáворъ-могúлою спочивáвъ.
Въ той чáсъ сúзы орлы́ налѣтáли,
Пúльно (30) въ óчи́ козакóвi заглядáли.
Козáкъ тéе забачáе,
Словáми промовля́:
„Орлы́ сизо-пѣры,
Гóстi мои́ мúлы!
Прошý я васъ тогдú налѣтáти,
Зъ лóбу óчи́ менѣ высмыкáти (31),
Якъ не бýду я свѣта Бóжого видáти. . .“
То тéе промовля́въ,
За чáсъ, за годúну милосéрдому Бóгу дýшу оддáвъ.
Тогдú орлы́ налѣтáли, зъ лóбу óчи́ высмыкáли,
Тогдú ще й дрóбна птúця налѣтáла,
Коло жóвтои кóстi тѣло оббúрáла.
Вовкú-сѣромáньцú (31′) набѣгáли, тѣло козáцьке
рвáли,

(29) Пôльга — льгота (польза! такъ вм. *нельзя*, говорятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *нель*). (30) Пúльно, спúльна́ — пристально; пильнова́ти — прилѣжать. (31) Смыкати — дергать. (31′) Вовкъ сѣромáнецъ — волкъ-сѣрякъ.

По те́рнахъ, по ба́лкахъ жо́вту ко̂сть жвакова́ли (32),
Жало̂бне́нько кви́лили, проквиля́ли (33):
То́ жъ воны́ коза́цькіи похоро́ны одправля́ли!
Де́-ся взяла́сь си́за зозу́ленька,
Въ голо́вкахъ сѣда́ла, жало̂бно кува́ла;
Якъ сестра́ бра́та, або́ ма́ти сы́на оплака́ла. —
Ста́ли ко̂нны браты́ до городо̂въ хрестя́нськихъ дохожа́ти,
Ста́ла къ ихъ сердця́мъ вели́ка ту́га наляга́ти.
То середу́льшій братъ до ста́ршого бра́та слова́ми промовля́е:
„Не-ду́рно къ на́шимъ сердця́мъ вели́ка ту́га наляга́е:
„Ма́буть на́шого бра́та живо́го на свѣ́тѣ нема́е!
„Якъ бу́демо, бра́те, до отця́ й ма́тери̂ прибува́ти?
„Якъ бу́дуть воны́ насъ пыта́ти, то що́ ста́немо каза́ти?
То ста́ршій братъ те́е зачува́е,
До середу́льшого слова́ми промовля́е:
„Ска́жемъ: не въ одного́ па́на въ нево́лѣ бува́ли,
Но̂чно́и до́бы (33′) зъ нево́ли̂ втѐка́ли,
Его́ со́нного буди́ли не збуди́ли,
Тамъ ёго́ въ нево́лѣ й зостанови́ли!“
То середу́льшій братъ те́е зачува́е,

(32) Жвакова́ти — жрать, жвакать. (33) Кви́лити, проквиля́ти — выть, завывать. (33′) Ночною порою. До́ба — пора, время.

До ста́ршого бра́та слова́ми промовля́е:
„Якъ не бу́демъ опцю́ й ма́тери́ пра́вды каза́ти,
То бу́де насъ опце́вська й матери́ньска моли́тва
кара́ти. —
Тоди́ ста́рши́й браты́ на поля́ Сама́рськи́ выѣзжа́ють,
Надъ ре́чкою Сама́рською опочи́вку собѣ́ ма́ють,
Ко́ней попаса́ють.
Въ той ча́съ безбо́жныи бусурма́ны набѣга́ли —
И тыхъ двухъ брато́въ поруба́ли,
Тѣ́ло коза́цьке карбова́ли (34),
Въ чи́сто́мъ по́лѣ розкида́ли,
Го́ловы на ша́бли́ вздыйма́ли, до́вго глумова́ли!

ДУМА ТРЕТЬЯ.

ЧЕРНОМОРСКАЯ БУ[illegible]

Въ Цертелевскомъ спискѣ сей Думы атаманъ Запорожскій *Грицько* названъ *Зборовскимъ*, а въ спискѣ Г. Шпигоцкаго *Грицькомъ Коломыйченкомъ*: кто онъ такой, навѣрно опредѣлить не могу. По названію *Алексѣя Поповича* козакомъ *реестровымъ* видно, что это было уже послѣ Богданка. — Островъ *Тентревъ* или *Тентра* недалеко отъ Днѣпровскаго лимана, противъ Кинбурнской косы.

---

(34) Карбова́ти — нарубать, рубить, — отту́да карбо́ванець — цѣлковой рубль (съ насѣчками вокругъ).

На Чо́рному мо́рѣ на бѣ́лому ка́мнѣ
Ясне́нькій со́кôлъ жалôбно кви́лить, проквиля́е,
Сму́тно себе́ ма́е, на Чо́рнее мо́ре спи̂льна́ погляда́е.
Що на Чо́рному мо́рю недо́бре ся-почина́е,
Що на не́бѣ усѣ́ звѣ́зды пошмари́ло (35),
Полови́ну мѣ́сяца въ хма́ры (36) вступи́ло.
А изъ ни́зу бу́йный вѣ́теръ повѣва́е,
А по Чо́рному мо́рю супроти́вна хви́ля (37) встава́е,
Су́дна коза́цьки̂ на три ча́сти̂ розбива́е.
Одну́ часть взяло́ — въ зе́млю Ага́рську занесло́,
Дру́гу часть гôрло (38) Дуна́йське поже́рло (39),
А тре́тя—где́ ся-ма́е? —въ Чо́рному мо́рю потопа́е.
При тôй ча́сти̂ бу́въ Грицько́ Зборо́вській
Ота́манъ коза́цькій Запоро́зській,
Той по су́дну похожа́е, слова́ми промовля́е:
„Хто-сь мêжь на́ми, пано́ве, вели́кій грѣхъ на собѣ́ ма́е!
Що-сь ду́же зла́я хуртови́на (40) на насъ наляга́е.
Сповѣда́йтесь, пано́ве, милосе́рдому Бо́гу,
Чо́рному мо́рю, и менѣ́ Ота́ману Кошово́му;
Въ Чо́рнее мо́ре впадѣ́те,
Вôйска коза́цького не губѣ́те!“
То коза́ки те́е зачува́ли, усѣ́ замовча́ли,
Бо въ грѣха́хъ себе́ не знава́ли.
Тôльки обôзва́вся Пи́сарь Вôйсько́вы́й, коза́къ лестро́вый,

(35) Пошма́рити — помрачить. (36) Хма́ра — туча. (37) Хви́ля — волна. (38) Гôрло, — устье. (39) Поже́рло — пожрало. (40) Хуртови́на — напасть, буря.

Пиря́тиньскій, попо́вичь Олексѣ́й:
„До́бре вы, бра́тця, вчинѣ́те (41), мене́ само́го, вобъмѣ́те,
„Менѣ́ чо́рною китайкою о́чи завяжѣ́те,
„До ши́и бѣ́лый ка́мѣнь причепѣ́те (42),
„Да й у Чо́рнее мо́ре зо́пхнѣ́те!
„Неха́й бу́ду оди́нъ погиба́ти,
„Коза́цького во́йська не збавля́ти!“
То козаки́ тѣ́е зачува́ли, до Олексѣ́я По́повича промовля́ли:
„Ты-жъ святе́е письмо́ въ ру́ки бере́шъ, чита́ешъ,
„Насъ про́стыхъ люде́й на все до́бре наставля́ешъ,
„Якъ-же найбо́льше одъ на́съ на собѣ́ грѣхо́въ ма́ешь?
— Хоча́ святе́е письмо́ я чита́ю,
Васъ про́стыхъ люде́й на все до́бре наставля́ю,
А я все са́мъ недо́бре почина́ю.
Якъ я́ изъ го́рода зъ Пиря́тина, пано́ве, выѣзжа́въ,
Опроще́нья зъ пан-опце́мъ и зъ пани-ма́шкою не бра́въ,
И на свого́ ста́ршого бра́та вели́кій гнѣ́въ покла́въ,
И бли́зькихъ сусѣ́до́въ хлѣба-й-со́ли безневи́нно збавля́въ (43′),
Дѣ́ти малы́и, вдо́вы стары́и стре́мнямъ въ гру́дитовка́въ,

(41) Чиню́, чини́ти — дѣлаю. (42) Причепи́ти — прицѣпить; чепъ, ланцю́гъ — цѣпь. (43′) Збавля́ти — лишать, убавлять.

Безпе́чне по у́лицямъ коне́мъ гуля́въ,
Пропи́въ це́ркви, до́му Бо́жого проѣзжа́въ,
Ша́пки зъ себе́ не зни́ма́въ, хреста́ на се́бе не кла́въ.
За пе́ я, пано́ве, вели́кій грѣхъ ма́ю, тепе́ръ по-
гиба́ю!
Не е́сть се, пано́ве, по Чо́рному мо́рю хви́ля встава́е,
А е́сть се — мене́ отце́вська й матери́нська моли́т-
ва кара́е!
Коли́бъ мене́ ся́я хуртови́на зла́я въ мо́рѣ не втопи́ла,
Одъ сме́ртй моли́тва борони́ла:
То зна́въ бы я отця́ й ма́тѣръ шанова́ти, поважа́ти,
То зна́въ бы я спа́ршого бра́та за ро́дного отця́
почита́ти,
И сестру́ ро́дне́ньку за не́ньку (44) у се́бе ма́ти!“ —
То якъ спа́въ попо́вичъ Олексій грѣхи́ свои́
сповѣда́ти,
То спа́ла зла́я хуртови́на по Чо́рному мо́рю спи-
ха́ти,
Су́дна коза́цькй до-горы́ (44′) якъ рука́ми по́дойма́ла,
До Те́нтрева о́строва прибива́ла.
То всѣ тогдй козаки́ ди́вомъ дивова́ли,
Що по яко́му Чо́рному мо́рю, по бы́строи хви́лѣ
потопа́ли,
А нй одного́ козака́ зъ-межы́ во́йська не втеря́ли! —
Отъ-же тогдй Олексе́й Попо́вичъ изъ су́дна выхожа́е,
Бере́ свяще́е письмо́ въ ру́ки, чита́е,
Усѣхъ про́стыхъ люде́й на все до́бре научае, до
козако́въ промовля́е:

(44) Не́ня, не́нька — родимая, матушка. (44′) До-
горы́ — вверхъ.

Державна історична бібліотека

„Оп-тымъ-бы то, пано́ве, тре́ба люде́й показа́ти,
„Пан-отця́ й пани́-ма́тку до́бре шанова́ти;
„Бо кото́рый чоловѣ́къ пе́е уробля́е (45),
„Повѣ́къ той сча́стье собѣ́ ма́е,
„Смертельный ме́чъ того́ мина́е:
„Отцёва й ма́тчина моли́тва зо́ дна мо́ря выйма́е,
„Одъ грѣхо́въ смерте́льныхъ ду́шу одкупля́е,
„На по́лѣ й на мо́рѣ на по́мо́чъ помага́е!

---

(45) Роблю́, роби́ти — дѣлаю, дѣлать.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ОТЪ ВОЗСТАНІЯ ПРОТИВЪ УНІИ ДО СМЕРТИ БОГДАНА.

Уже́ бо, братіе, не веселая година всстала: всстала обида въ силахъ Дажь-божа внука ... Ваю храбрая сердца́ въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ бу́ести закалена ... Мужаимъся сами! преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ ... А чи диво ся, братіе, ста́ру помолодѣти? Коли соколъ въ мышехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду!
... Луце-жъ бы потяту быти, неже полонену быти!

Пѣснь Игорю.

Д. — **гетьманщиною** называлась Украйна отъ своихъ вождей, кои именовались **гетьманами**, по примѣру вождей Литовскихъ, называвшихся *Гетманами*, *Гедманами* или *Гедиманами*, вѣроятно по имени славнаго *Гедимина*. Можетъ быть, названія: *Король* произошло отъ *Карла, Carolus; Цесарь* отъ великаго *Цезаря; Султанъ* отъ имени *Салтана*. На время отлучки Гетьмана изъ Резиденціи поставлялся въ Украйнѣ **наказный гетьманъ**; а въ отсутствіе съ поля битвы, власть его принималъ **гетьманъ напольный**.

Е. — **московщиною** называлась Великая Россія, Московія; **шведчиною** Швеція; **волощиною** Валахія и Молдавія; такимъ же образомъ **туретчина, татарщина; бѣлгородщиною** называлась Татарская сторона между Днѣпромъ и Днѣстромъ; **полѣсьемъ** — Бѣлостокская область; **подольемъ** — Подолія; **покутьемъ** — Буковина.

ДУМА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОЗСТАНІЕ НАЛИВАЙКА.

Дума сія относится къ 1596 году, когда Гетьманъ *Павелъ Наливайко* разбилъ Жолкевскаго при Чигринѣ. По Лѣтописямъ, на трехъ крестахъ вывѣшены были Жолкевскимъ захваченные подъ Каневомъ козацкіе спаршины: *Богунъ*, *Сутичъ* (или *Сутига*, а въ думѣ *Сомино*), и *Войновичъ;* а Наливайко выставилъ такую надпись: *Миръ Христіянству, а на зачинщика Богъ и Его Крестъ.*

Ой у нашой у славной Украйнѣ
Бували коли-сь (46) преспрашныя злыгодни, бездольни годины;
Бували й моры й войскови чвары; (47)
Нихто Вкрайнцевъ не рятовавъ; (48)
Нихто за ихъ Богови молитвъ не посылавъ;
Тольки Святый Богъ нашихъ не забуваве,
На великі зусилья, на водповѣдья державъ.
Тольки Богъ святый знавъ, що вонъ думавъ, гадавъ, замышлявъ,
Якъ незгодины на Украйнську землю посылавъ.
Опъ-же й пройшли, изойшли злыи незгодины:
Немае нікого, що-бъ насъ подолѣли!
Тольки Богъ Святый знавъ
Що вонъ думавъ, гадавъ, замышлявъ . . .

(46) Когда-то. (47) Чвара — гроза. (48) Рятовати, ратовати — избавлять, спасать.

Не день и не два Ляхи Украйну плíндровáли,
Ни на часíночку одпочíнья не мáли,
Кóней на-взáводах день и нóчь держáли,
До Гéтьмана Наливáйка дорóгу верстáли.
А Гетьмáнъ хорóбрый Наливáйко — щó вонъ дýмае гадáе?
Щó вонъ за дóлю товáришóвъ своíхъ замышляе?
Тôльки Богъ Свяпый знáе, що ёмý на пóмôчь помагáе!...
Изъ-за горы хмáра выступáе — выступáе, выхожáе,
До Чигринá грóмомъ вигрêмляе,
На Украйнську зéмлю блúскавкою блискáе.
То Полякú черезъ три рѣкú три перехóды мáли,
Да й бúля трéтёго перехóду стáномъ стáли;
Пустúли кóней на попасáнье,
Самú собѣ далú на три годúны одпочиванье. —
А щó Гéтьманъ Наливáйко дýмае, гадáе?
Що вонъ на незгóду Ляхôвъ замышляе?
Тôльки Бóгъ тéе знáе, що ёмý на пóмôчь помагáе! —
То не хмáры по нéбу грóмомъ святымъ выгрêмляють,
То не святúхъ воны до Бóга проважáють:
То Ляхú у бýбны вдаряють,
У свистéлки да у трýбы выгравають,
Усé вôйсько своé до-кýпы у громáду скликáють,
Що-бъ ишлú усé до громáды на послуханье,
Слýхати Гéтьмана Жовкóвського одповѣданье.
Отъ-то й прійшлú усé, рядомъ стáли,
Усé рядомъ стáли, да й замовчáли,
Гетьмáнське отповѣданье слухáти зачáли;
А послýхавши, кóней сѣдлáли,

Черéзъ Бѣлу-рѣчку перехóдъ велúкій мáли:
Мосты́ мостúли, грéблѝ гатúли, кôлья забивáли,
Горзúну да дряни́цю клáли,
Черезъ Бѣлу-рѣчку перехóдъ велúкій мáли;
А, перейшóвши, огорóды да шанцѝ робúли,
У-въ окрѣпъ гармáты (50) становúли,
А по-перéдъ гармáтами три хрести́ вколотúли.
А що пéрвый хрéстъ, то Сóмино висúть —
Сóмино висúть, бáрзо голосúть;
А що другíй хрéстъ, Богýнъ висúть —
Богýнъ висúть, шаблю́кою лопотúть;
А що трéтíй хрéстъ, то порóжнíй стоúть,
Усѣхъ úншихъ козакôвъ до сéбе пôджидáе, —
Козакôвъ пôджидáе, козакôвъ оглядáе:
Хто пéрвый пôдôйде, того́ гармáта убьé;
Хто другíй добѣжúть, того́ самопáлъ (51) цапнé;
Хто трéтíй пôдлетúть, той хрестúться бýде, —
Хрестúться бýде, й молúться стáне;
Що хрéстъ зъ осокú — то ёго́ надбáне! . . .
А козакú глядѣли, у вôчѝ вбачáли,
Пре-мѣжъ сéбе бурковáли, раховáли,
Три корогвы́ на забачéнье Ляхáмъ становúли,
На корогвáхъ уговóръ-рядну писáли:
„Вѣрному православному Христíянсыпву мúромъ мúръ;
А Ляхáмъ-ворогáмъ пекéльный пúръ.
Въ кóго хрéстъ — на тóго й Хрéстъ!“ —
Отъ-сé-жъ и пôйшлú нáши на чотырѝ пóля
Що на чотыри пóля, а на пя́шее на Подóлье;

(50) Гармáта — пушка. (51) Самопáлъ — ружье.

Ляхо̂въ на всѣ сто́роны, по всѣмъ хреста́мъ ко-
лоти́ли;
Ляхи́ опроще́нья проси́ли, да не допроси́лись:
Не тако̂вськи козаки́, що-бъ опроще́нье дали́,
Не тако̂вськи й Ляхи́, що-бъ напа́сть забули!

Бу́де й на́шимъ ли́хо, якъ зозу́ля кува́ла.
Що́ вона кува́ла, про-мѣ́жъ свя́тыхъ чува́ла;
Що́ вона́ кува́ла, тому й бу́ти-ста́ти, —
Якъ ста́нуть бѣсы́ пра́выхъ й непра́выхъ ѣдна́ти,
Ду́ши забира́ти, у пе́кло до-ку́пы склада́ти.
Во̂дъ то́го й сёго́, одъ ино́го чого́ Бо́же намъ помо́же.
Про те́ во̂нъ и зна́е, що во̂нъ ду́мае, гада́е,
Що Павло́вѣ Налива́йковѣ да на по́мо̂чь помага́е.
Не на́мъ про те́е, за те́е рахова́ти:
На́ше дѣ́ло Боговѣ моли́ться,
Спаси́телю хрести́ться!

ПЕРЕВОДЪ.

Какъ въ нашей славной Украйнѣ бывали когда-то страшные злые дни, бездольныя времена; бывали и моры и войсковыя свары: никто Украинцамъ не помогалъ, никто за нихъ Богу молитвъ не возсылалъ; а только Святый Богъ нашихъ не забывалъ, для великихъ усилій, для отвѣта (врагамъ) сохранялъ; только Богъ Святый зналъ, что Онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ, когда невзгодья на Украинскую землю посылалъ!

Вотъ и прошло, разошлось злое безвременье; — нѣтъ никого кто̀бъ одолѣлъ насъ! только Богъ Святый зналъ, что онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ!

Не день и не два Ляхи грабили Украйну, ни на часъ не имѣли отдыха, день и ночь коней во всѣ повода гнали, къ Гетьману Наливайку дорогу держали.

А Гетьманъ храбрый Наливайко — что́ онъ думаетъ, гадаетъ? что́ онъ на долю товарищей своихъ замышляетъ? Только Богъ Святый знаетъ, что ему Онъ помогаетъ.

Изъ за горы туча выступаетъ, — выступаетъ, выходитъ, до Чигрина громомъ гремитъ, на Украинскую землю молніей блещетъ. То Поляки́, черезъ три рѣки́ шли три перехода; а возлѣ третьяго перехода стали станомъ, пустили коней на пастьву, а себѣ дали отдыха на три часа.

А что́ Гетьманъ Наливайко думаетъ, гадаетъ? — что́ онъ на невзгодье Ляховъ замышляетъ? — Только Богъ Святый то знаетъ, что ему Онъ помогаетъ.

То не тучи по небу святымъ громомъ гремятъ, то не Святыхъ къ Богу онѣ провожаютъ: то Ляхи бьютъ въ бубны, играютъ на свистkахъ и трубахъ; все войско свое въ одну громаду скликаютъ, чтобы всѣ шли въ громаду на послу́шанье, слушать отповѣдь Гетьмана Жолкевскаго. — Вотъ и пришли; всѣ рядомъ стали, — рядомъ стали и замолчали. Гетьманскую отповѣдь начали слушать; а выслушавъ, коней сѣдлали, черезъ Бѣлую-рѣчьку большой переходъ держали: мосты мостили, гати гати́ли, вбивали колья, клали хворостъ и дрань, — черезъ Бѣлую-рѣчьку переходъ великій держали. А перейдя, дѣлали огорожу и шанцы, ставили пушки въ окрѣпѣ, а передъ пушками три креста вколотили. А что первой крестъ, — то *Со́мино* виситъ, — Сомино виситъ, громко голоси́тъ. А что другой крестъ, то *Богунъ* виситъ — Богунъ виситъ, саблею стучитъ.

А что третій крестъ, то порожній стоитъ, — всѣхъ другихъ козаковъ къ себѣ поджидаетъ, козаковъ поджидаетъ, козаковъ оглядаетъ. Кто первый подойдетъ, того пушка убьетъ; кто другой подбѣжитъ, того самопалъ хватитъ; а кто третій подлетитъ, тотъ крестится будетъ, крестится будетъ молится станетъ: крестъ изъ осоки — его участь!.. А козаки глядѣли, своими очами видѣли, про-между себя переговаривались, судили; — три хоругви на видъ Ляхамъ становили, на хоругвяхъ уговоръ-рядную писали: *Вѣрному православному Христіанству миромъ миръ, а Ляхамъ-врагамъ адскій пиръ. У кого крестъ — на того и Крестъ!* —

Вотъ и пошли наши на четыре поля, что на четыре поля, а на пятое на Подолье; — Ляховъ на всѣ стороны окрестъ себя колотили. Ляхи прощенья просили, да не допросились: не таковскіе козаки, чтобъ прощенье дали! не таковскіе и Ляхи, чтобъ напасть забыли.

Будетъ и нашимъ бѣда, какъ кукушка куковала. Что она куковала, то она промежь Святыхъ слыхала! что она куковала, тому и быть-стать: какъ станутъ бѣсы правыхъ и неправыхъ единить, сбирать души и въ аду въ кучу валить. Опъ того и сего, и другаго чего — да спасетъ насъ Богъ! Про то Онъ и знаетъ, что Онъ думаетъ, гадаетъ, что Павлу Наливайку Онъ помогаетъ! Не намъ о томъ и про то судить. Наше дѣло Богу молиться, къ Спасителю креститься!

Прим. Нѣкоторыя измѣненія въ сей Думѣ слѣланы по списку, полученному мною отъ Г. Срезневскаго.

ДУМА ПЯТАЯ.

ПОХОДЪ НА ПОЛЯКОВЪ.

Превосходная Дума сія относится къ 1637 году, когда козаки ополчились снова, послѣ ужасной смерши *Павлюка*. О Хорунжемъ *Самкѣ Мушкетѣ*, который представленъ идущимъ чрезъ поле битвы, усѣянное трупами, я не знаю по Исторіи. — Подъ именемъ *Степана Кукурузы* здѣсь разумѣется, я думаю, *Степанъ Остраница*, который послѣ побѣды своей захваченъ ночью въ Каневскомъ монастырѣ и въ Варшавѣ колесованъ. *Карпо Повтора-Кожуха*, бывшій послѣ Остраницы въ 1639 предводителемъ козаковъ, былъ точно разгульная голова, — онъ и жизнь кончилъ въ степяхъ Крымскихъ, похороненный своею дружиною въ горѣлочной бочкѣ. Пѣсня его и нынѣ любима въ народѣ, который передѣлалъ ее въ разные виды (см. Кн. III).

Ой пошли́ козаки́ на чоты́рй по́ля,
Що на чоты́рй по́ля, а на пя́те на Подо́лье.
Що одни́мъ по́лемъ — то пошо́въ Самко́ Мушке́тъ,
А за Па́номъ Хору́нжимъ мало-ма́ло не три́ пы́сячи,
Усе́ хоро́брыи това́риши Запоро́зьцй.
На ко́никахъ выграва́ютъ, шабелька́ми блиска́ютъ,
у бу́бны вдаря́ютъ,
Бо́говй моли́твы посыла́ютъ, хресты́ покла́даютъ.

А Самко́ Мушке́пъ — то вонъ на коню́ да й не
выграва́е,
Коня́ удержу́е, до се́бе притягу́е, ду́мае, гада́е.
Да що́-бъ сто чортовъ ли́хомъ вби́ли ту ёго́ ду́му,
що гада́нье! —
Самко́ Мушке́пъ ду́мае, гада́е, слова́ми промовля́е:
— „А що́, якъ на́ше коза́чество, мовъ у пе́кли́, Ляхи́
спа́ляпь,
Да зъ на́шихъ коза́цькихъ косте́й пиръ собѣ́ на
похме́лья зва́рятъ! . . .
А що́, якъ на́ши го́ловы коза́цьки по степу́-по́лю
поля́жутъ,
Да ще́ й ро́дною кро́вью вмы́ються,
Поперероско́лотыми шабля́ми покры́ються! . . .
Пропаде́, мовъ порши́на зъ ду́ла, та́я коза́цькая
сла́ва,
Що по всёму́ свѣ́пу ды́бомъ ста́ла,
Що по всёму́ свѣ́пу сте́помъ розляглась, про-
стяглась,
Да по всёму́ свѣ́пу луго́вымъ го́мо́номъ роздала́сь,
Туре́ччинѣ да Таша́рщинѣ до́брымъ ли́хомъ зна́пи
дала́сь,
Да й Ляха́мъ-ворога́мъ на спи́съ оддала́сь!“ . . .

Закря́че во́ронъ сте́помъ летю́чи,
Запла́че зозу́ля лу́гомъ скачу́чи,
Заку́ркуютъ кречѐты си́зи́,
Загада́ються о́рлики хи́жи́ —
Да все́, усе́ по своихъ брата́хъ,
По бу́йныхъ това́ришахъ козака́хъ! . . .
Чи то́ ихъ зга́рбомъ занесло́?
Чи то́ ихъ у пе́клѣ потону́ло?

Що невидко чубатыхъ, не то по степахъ, не то
й по лугахъ,
Не то й по Татарськихъ земляхъ, не то й по
Турецькихъ горахъ,
Не то й по Чорныхъ моряхъ, не то й по Ляцькихъ
поляхъ? . . .

Закряче воронъ, загуе, зашумуе,
Да й полетить у чужую зимлю. . . .
Анъ-ба! костки лежать, шаблюки сторчать;
Костки хрустять, шаблюки попереросколонй
бряжчять! . . .
А чорна, сива сорока зоскалилась да й басуе!
А що головы козацькй — то мовъ Швець-Семенъ (52)
шкуру загубивъ (53),
А що чубы — мовъ чортяка джгуты поробивъ: —
У крови усе, да й позасыхали —
От-то й славы набрали! . . .

Ой пошли козаки на чотыри шляхи,
Да на чотыри шляхи, а на пяте на Подолье.
Що одним полемъ — то пошовъ Самко Мушкетъ,
А другимъ полемъ — Стецько Кукуруза:
Сизою голубкою голову свою буйную до-долу (54)
закинувъ!

(52) Въ Украйнѣ былъ какой-то знаменитый *Семенъ Швець* (сапожникъ), вошедшій въ поговорку. Говорится, на пр. онъ его смялъ, *мовъ Швець-Семенъ шкуру*. (53) — Потерялъ. (54) До-долу — внизъ, на-полъ.

А за ни́мъ иду́ть ма́ло-ма́ло не три ты́сячи,
Усе́ хоро́брыи това́риши Запоро́зьцѝ,
На ко́никахъ выграва́ють, шабелька́ми блиска́ють,
у бу́бны вдаря́ють,
Бо́говѝ моли́твы посыла́ють, хресты́ поклада́ють,
До Стецька́ Кукуру́зы ось-та́къ (55) промовля́ють:
— Чи ты жи́въ, чи здоро́въ, па́не Степа́не?
Чи ты вме́ръ, що твою́ голо́воньку ду́бомъ до-до́лу
приши́бло?
Рахова́нье (56) — не въ помина́нье!
Коли́-жъ не́будь тре́ба (57) да по на́съ поми́нки
роби́ти!
Що по на́съ, Па́не, старѝ ба́бы ста́нуть у по́лѣ
свисте́ти,
А по тобѣ́, Пане, молоды́и дѣвча́та зачну́ть го-
лоси́ти!
— „Да те все́ одна́ко,
Що Яки́мъ, що Яко́въ!
Ось, якъ приста́немо до пя́того я́ра,
То хочъ и сере́дъ лѣ́течка — зашуми́ть, загуде́
не-дай-свѣта - чва́ра!
Бу́де й на́шимъ ли́хо, якъ зозу́ля кува́ла,
Сте́помъ лепю́чи, лу́гомъ скачу́чи.
Що вона́ кува́ла, то пра́ву каза́ла;
Налѣтя́ть орлы́ хи́жѝ, ста́нуть жалкова́ти;
А во́роны налѣтя́ть, да й ста́нуть здобы́чи жда́-
ти й по́джида́ти.

(55) Ось — вотъ; - сь — частица то. (56) Рахова́ти — считать, разсуждать. Рахова́нье — размышленье. Раху́нокъ — разсчетъ. (57) Тре́ба — надо, потребно.

То я̂къ нале̂тя̂ть отъ-тѣ зозу́ли̂,
Що насъ не забу́ли! . . .
Що жи̂дъ, а що дѣдъ, а що й Запоро́зькій коза́къ! —

— Ой по̂шли̂ козаки́ на чоты́ри̂ шляхи́,
Що на чоты́ри̂ шляхи́, а на пя́те на Подо́лье.
Що одни́мъ по́лемъ, то по̂шо́въ Самко́ Мушке́тъ;
А други́мъ по́лемъ, то по̂шо́въ Стецько́ Кукуру́за;
А тре́тѣмъ по́лемъ, то по̂шо́въ Карпо́ По̂впора́-Кожу́ха —
На ко́нику выграва́е, пѣсню спѣ́вае.
А за ни́мъ иду́ть ма́ло-ма́ло не три ты́сячи,
Усе́ хоро́брыи това́риши Запоро́зьци̂:
На ко́никахъ выграва́ють, шабелька́ми блиска́ють,
у бу́бны вдаря́ють,
Бо́гови̂ моли́тву посыла́ють, кресты́ покладаю́ть.
А Карно́ Панъ Ге́тьманъ на ко́нику выграва́е,
пѣсьню спѣва́е:

— „Пресу́чая та журба́,
Мене́ изсуши́ла,
Вона́ мене́ молодо́го
Изъ но̂гъ извали́ла.

А я́ то̂й журбѣ́
Да й не по̂ддаю́ся.
Ой по̂йду́ я до шинка́рки,
Горѣлки напью́ся. . . .

Ой хто хóче мéду пúпи —
Ходѣмъ до жидóвки!
А въ жидóвки чóрнй брóвки,
Высóки пóдкóвки...

И юпочка рябéнька,
Й самá молодéнька;
Да якáя-жъ хорóшая,
Якá чепурнéнька!

Шинкарóчко моя́!
Насы́пь мéду й винá,
Да щó-бъ моя́ голóвонька
Веселéнька булá!

— Колú ты жонáтый,
То идú до-дóму;
А áкъ нéжонатый,
То ночýй зо мнóю. —

Ой é въ мéне й жóнка
И дѣ́почокъ двóе:
Да не пригорпáются,
Сéрденько мóе!“

ПЕРЕВОДЪ.

Вотъ пошли козаки на четыре поля, — что на четыре поля, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ, то пошелъ *Самкó Мушкéтъ*; а за Паномъ Хорунжимъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы — на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Самко́ Мушкетъ — онъ на конѣ не гарцуетъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ притягиваетъ, — думаетъ гадаетъ... Да чтобы сто чертей бѣдою пришибли его думу, гаданье! Самко Мушкетъ думаетъ гадаетъ, говоритъ словами:

„А что̀ какъ наше козачество, словно въ аду, Ляхи спалятъ? да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сварятъ? . . .

„А что́ какъ наши головы козацкія молодецкія по степи-полю полягутъ, да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются?.... Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, та козацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала, — что по всему свѣту степью розлеглась, протянулась, — да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась, — Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знать далась, — да и Ляхамъ-ворогамъ на копье отдалась? . . .

„Закрячетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсомъ скачучи,
Заку́ркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы —
И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ товарищахъ коза́кахъ! . . . .

„Или ихъ сугробомъ занесло, али въ аду потопило: что не видно чубатыхъ — ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по Татарскимъ землямъ, ни по Черными морямъ, ни по Ляшскимъ полямъ? . . .

Закрячетъ воронъ, загру́етъ, зашумитъ, да и полетитъ въ чужую землю. . . . Анъ нѣтъ! кости лежатъ, сабли торчатъ; кости хрустятъ, пощепанныя сабли бренчатъ. . .

„А черная, сивая сорока оскалилась и скачетъ. . . А головы козацкія — словно швецъ-Семенъ шкуру потерялъ!

А чубы́ — словно чортъ жгуты повилъ: въ крови всѣ засохли: то́-то и славы набрались!

Вотъ пошли козаки на четыре дороги, — что на четыре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ—то пошелъ Самко́ Мушкетъ, а другимъ полемъ *Степанъ Кукуруза;* какъ сизая голубка, свою буйную голову повѣсилъ. А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцуютъ, сабельками поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ, къ Степану Кукурузѣ такія слова говорятъ:

— Живъ-ли ты, здоровъ-ли, Панъ Степанъ? Или ты умеръ, что твою головушку какъ дубомъ пришибло къ землѣ? Раздумье не въ поминанье! Когдажъ нибудь да надо по насъ поминки творить. Какъ по насъ, Пане! старыя бабы станутъ въ полѣ свистѣть; а по тебѣ, Пане, молодыя дѣвицы зачнутъ голосить! —

— „Да то все одинако, что Якимъ, что Яковъ! Вотъ какъ дойдемъ до пятаго яра, то хоть и середь лѣта — зашумитъ, загудетъ не-приведи-Богъ-буря. . . Будетъ и нашимъ бѣда, какъ куковала кукушка степью летучи, лѣсомъ скачучи. Что она куковала, то правду говорила. Налетятъ орлы сизые, станутъ горевать; а во́роны налетятъ, станутъ добычи ждать, поджидать. Вотъ какъ налетятъ тѣ кукушки, что насъ не забыли... Что̀ жидъ, а что̀ дѣдъ, а что̀ и Запорожскій козакъ. . . .

Вотъ пошли козаки на четыре дороги, — что на четыре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ—

то пошелъ Самко́ Мушкетъ; а другимъ полемъ — то пошелъ Степанъ Кукуруза; а третьимъ полемъ — то пошелъ Карпо Полпора́-Кожуха: на конѣ гарцуетъ, поетъ пѣсню. А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Карпо Панъ Гетьманъ (?) на конѣ гарцуетъ, поетъ пѣсню:

Разсукина та тоска меня изсушила,
Она меня молодаго, она съ ногъ свалила.

А я той ужь тоскѣ да не поддаю́ся:
Ой пойду я къ шинкарочкѣ горѣлки напьюся.

Ой кто хочетъ меду пить, пойдемъ до жидовки —
У жидовки чёрны бровки, высоки́ подковки,

Юпочка пестре́нька, сама молоденька —
Ужь и что́ за пригожа́я, что́-то удалая!

Шинкарочка моя! лей мнѣ меду, вина,
Да чтобъ моя головушка веселе́нька была!

„Коли ты женатый, то иди до дому;
Колижъ не женатый, то ночуй со мною!“

— Есть у меня жонка и дѣточекъ двое —
Да не приголубятся, серденько мило́е!

ДУМА ШЕСТАЯ.

О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ И БАРАБАШѢ.

Въ 1646 г. Войсковой Асаулъ *Иванъ Барабашъ* былъ уже Наказнымъ Гетьманомъ; *Богданъ Хмельницкій* Войсковымъ Писаремъ; *Бѣлоцерковскій Климъ* мнѣ неизвѣстенъ (не Полковникъ ли *Гира*?).

Въ семъ году Король Владиславъ писалъ къ Барабашу: „Когда вы есте воины добрые, саблю и силу имѣете, кто-же вамъ за себя стать воспрещаетъ?“ Барабашъ скрылъ эту грамату; но Хмельницкій узналъ содержаніе оной отъ самаго Короля, въ бытность свою въ Варшавѣ по дѣлу съ Чаплицкимъ за извѣстную обиду.

Произшествіе, описанное въ сей Думѣ, случилось въ концѣ 1647 года. Вслѣдъ за онымъ Барабашъ былъ отъ Польскаго Правительства сдѣланъ Гетьманомъ; а Хмельницкій воздвигся на Польшу. — Не знаю какимъ Старостою былъ тогда *Кричевскій* (убитый въ 1649 г.), Чигиринскимъ же старостою былъ Александръ Конецпольскій.

Въ стихѣ: *Ку́момъ ёго́ до́ сёбе прохáвъ* — я выпустилъ слова: *до го́рода Чигринá*, ибо это ошибка вѣрно позднѣйшихъ Бандуристовъ. Слова эти я поставилъ вмѣсто *до го́рода Черкáса*, въ другомъ стихѣ (*Чу́ру свою посылáвъ*); а въ стихѣ: *днёмъ и но́чью изъ Чигрина поспѣшáвъ* — было въ спискѣ *до Чигринá*.

Изъ день-годи́ны (58),
Якъ ста́ла трево́га на Украи́нѣ.
То ни̂хто́ не мо́же обôбра́ти (59)
За вѣ́ру Христія́нську односта́йне (60) ста́ти;
Тôлько обôбра́лись Бараба́шъ, да Хмельни́цкій,
да Кли́мъ Бѣлоцерко́вській;
До Короля́ выступа́ли, ли́стôвъ, Наверса́лôвъ (61)
проха́ли,
То Коро́ль Наверса́лы писа́въ,
Самому́ Барабашу́ до ру́къ подава́въ;
А Бараба́шъ ли́сты якъ взя́въ,
Три́ го́ды козака́мъ зна́ти не дава́въ.
То Хмельни́цкій те́е догада́въ,
Ку́момъ ёго́ до се́бе проха́въ, до́бре угоща́въ.
А якъ ста́въ Бараба́шъ на пôдпи́тку (62) гуля́ти,
Ста́въ ёму́ Хмельни́цкій каза́ти:
„Го́дѣ (63) тобѣ́, Па́не ку́ме, ли́сты Короле́вськи̂
держа́ти,
Дай менѣ́ хочъ прочита́ти!“
— „На́ що тобѣ́, Па́не ку́ме, и̂хъ зна́ти,
Мы да́чи̂ не дае́мъ,
Въ вôйсько По́льске не йде́мъ;
Не лу́ччебъ на́мъ зъ Ляха́ми,
Мосци̂выми (64) пана́ми,
Ми́рно пробува́ти;
А нêжъ пôйти́ лугôвъ потира́ти, (65)

(58) Съ поры-времени. (59) Обôбра́тися — вызваться. (60) Односта́йне — въ одну стаю, единодушно. (61) Ниверса́лъ — Универсалъ. (62) На-пôдпи́тку — на́-веселѣ. (63) Го́дѣ, бу́де — довольно, полно, будетъ! (64) Мосци̂вый — знатный, вельможный. (65) Нежели пойти луга тереть.

Своймъ тѣломъ комарôвъ годова́ти (66)?“
То Хмельни́цькій тée зачува́въ,
Ще лу́ччихъ напи́ткôвъ подава́въ.
То Бараба́шъ якъ упи́вся,
На лѣ́жку (67) спа́ти звали́вся.
Тогдѝ Хмельни́цькій ключи́ одбѝра́въ,
Чу́ру свого́ до го́рода Чигрина́ посыла́въ,
Велѣ́въ ключи́ Па́ньѣ Бараба́шовôй пода́ти,
Ли́стôвъ Королéвськихъ типа́ти.
То чу́ра до не́и прибува́е,
Слова́ми промовля́е:
„Панѝ Бараба́шова! твôй Па́нъ ставъ у на́съ гуля́ти,
А тобѣ́ велѣ́въ ли́сты Королéвськѝ пода́ти.
„Де-сь (68) моему́ Па́новѝ ли́хомъ зануди́лось,
Що съ Хмельни́цкимъ гуля́ти схотѣ́лось!
Пôйди́ въ глухôмъ кôнцѣ́ пôдъ ворôтьми́
Ли́сты Королéвськѝ въ шкату́лѣ вôзьми́!“ —
То чу́ра ско́ро ли́сты доста́въ,
День и нôчъ изъ Чигрина́ поспѣша́въ;
Ско́ро прибува́въ, само́му Хмельни́цькому ли́сты пода́въ.
Тогди́ Бараба́шъ ра́но прочина́е (69),
У карма́ны поглядáе — ажъ ключôвъ нема́е.
Вôнъ ста́росту Кричéвського пробужа́е,

(66) Году́ю, годова́ти — кормить. (67) Лѣ́жко — кровать. (68) Де-сь — (гдѣ-то), знать, вѣрно. — Лихомъ занудилось — бѣдою запосковалось. (69) Прочина́ти — просыпаться, очинаться.

Двома́ ко̂ньми ти́хо зъ двора́ выѣзжа́е,
Ду́мае, гада́е,
Якъ Па́на Хмельни́цького до ру́къ прибра́ти,
Ляха́мъ отда́ти.

ПЕРЕВОДЪ.

Съ той поры-времени, какъ началась тревога на Украинѣ, никого не вызовется, чтобы дружно стать за вѣру Христіянскую. Вызвались только Барабашъ, да Хмельницкій, да Климъ Бѣлоцерковскій. Пошли они къ Королю, просили грамотъ *Универсаловъ*.

Король написалъ Универсалы, и подалъ въ руки самому Барабашу. А какъ взялъ Барабашъ грамоты, три года не давалъ знать козакамъ.

Догадался Хмельницкій: позвалъ его къ себѣ въ кумовья и сталъ угощать. А какъ разгулялся Барабашъ на-веселѣ, сталъ ему говорить Хмельницкій: „Полно тебѣ, Панъ кумъ, Королевскія грамоты держать, — дай мнѣ хоть прочитать!“

— На что тебѣ знать ихъ, Панъ кумъ? подати мы не даемъ, въ войско Польское не йдемъ; не лучше ли намъ оставаться въ мирѣ съ вельможными Панами Ляхами, чѣмъ идти луга топтать, да кормить комаровъ своимъ тѣломъ?

Какъ услышалъ это Хмельницкій, подавалъ ему еще лучшихъ напитковъ. Упился Барабашъ и повалился спать на кровать.

Тогда Хмельницкій отобралъ у него ключи, послалъ своего чуру въ городъ Чигиринъ, велѣлъ подать ключи Паньи Барабашевой и просить Королевскихъ грамотъ.

Пріѣхалъ къ ней чýра и говоритъ словами: „Панья Барабашева! твой Панъ остался у насъ гуляшъ, а тебѣ велѣлъ достать Королевскія граматы.“

— Видно моему Пану больно вспосковалось, что съ Хмельницкимъ гуляшь пожелалось! Поди, въ глухомъ концѣ подъ воротами — возьми въ шкатулкѣ Королевскія граматы.

Чура тотчасъ досталъ граматы; день и ночь спѣшилъ изъ Чигрина; скоро пріѣхалъ и подалъ граматы самому Хмельницкому.

Барабашъ рано проснулся, поглядѣлъ въ карманы, а ключей нѣтъ.

Будитъ онъ старосту Кричевскаго; тихо они на двухъ коняхъ выѣзжаютъ съ нимъ со двора; думаютъ, гадаютъ: какъ-бы прибрать къ рукамъ Пана Хмельницкаго и выдать Ляхамъ? . . .

ДУМА СЕДЬМАЯ.

О ПОХОДѢ ХМЕЛЬНИЦКАГО ВЪ МОЛДАВІЮ.

Относится къ тому походу, который былъ въ 1649.

Изъ ни́зу Днѣпра́ ти́хій вѣ́теръ ве́е, повѣва́е;
Во́йсько коза́цьке въ похо́дъ выступа́е:
Тóлько Бо́гъ Свя́тый зна́е,
Що Хмельни́цькій ду́мае, гада́е!
Объ тóмъ не зна́ли ни Со́тники,
Ни Опа́маны Куре́нныи, ни Полко́вники:

Тóльки Бóгъ Свя́тый зна́е,
Що Хмельни́цькій ду́мае, гада́е! . . .
Якъ до Днѣстра́ прибува́ли;
Черезъ три́ перево́зы перепра́ву ма́ли;
Самъ Хмельни́цькій напере́дъ-всѣхъ руша́въ,
До Хо́тіи (70) прибува́въ, у ста́ршого Копита́на
на кварты́рѣ ста́въ,
До Василя́ Молда́вського ли́сты посыла́въ, слова́ми промовля́въ:
„Що́ ты зо мно́ю бу́дешъ гада́ти —
Чи бу́дешъ би́ться,
Чи бу́дешъ мири́ться;
Чи на прими́рье бу́дешъ прійма́ти,
Чи сла́вной Воло́щины полови́ну оддава́ти?“ —
То Васи́лій Молда́вський тóе зачува́въ,
До Потóцького ли́сты посыла́въ, слова́ми промовля́въ:
— Ге́тьмане Потóцькій,
Що въ тéбе ро́зумъ жóно́цькій!
Ты за дороги́ми напи́тками, бенке́тами ганя́ешъ (71) —
Чóмъ ты Хмельни́цького не една́ешъ? (72)
Вже почáвъ вóнъ зéмлю кóньскими копыта́ми ора́ти,
Кро́вью Молда́вською поliва́ти! —
Тогдѝ Ляхи́ изъ го́рода изъ Сочáвы (73) утѣка́ли,
Василю́ Молда́вському зна́ти дава́ли,

(70) Хо́тія — гор. Хотинъ. (71) За бенке́тами ганя́ешъ — за пирами гоняешься. (72) Една́ти — склонять (на свою сторону), единить. (73) Въ Буковинѣ.

КІЕВСК

То Васи́лій Молда́вськiй до Яссъ прибува́е,
Слова́ми промовля́е:
— Ой вы Яссы мои́, Яссы!
Були́ есте́ ба́рзо (74) кра́сны,
Да вже́ не бу́дете таки́,
Якъ прiйдутъ козаки́! —

То па́нъ Хмельни́цькiй до́бре учини́въ: По́льщу засмути́въ,
Воло́щину побѣди́въ, Гетьма́нщину звесели́въ.

Въ той ча́съ була́ честь, сла́ва,
Во́йсько́вая спра́ва!
Сама́ себе́ на смѣхъ не дава́ла,
Непрiя́теля по́дъ но́ги топта́ла.

ПЕРЕВОДЪ.

Съ низовья Днѣпра тихій вѣтеръ вѣетъ, повѣваетъ, — козацкое войско въ походъ выступаетъ. Только Богъ Святый знаетъ что̀, Хмельницкій думаетъ - гадаетъ! — Не знали о томъ ни Сотники, ни Куренные Атаманы, ни Полковники. . . только Богъ Святый знаетъ что̀, Хмельницкій думаетъ - гадаетъ! —

Какъ подъѣхали къ Днѣстру, переправлялися черезъ три перевоза. Впереди всѣхъ былъ самъ Хмельницкій. Какъ вступилъ онъ въ Хотинъ, остановился въ домѣ у старшаго Капитана, посылалъ письма къ Василью Молдавскому, и говорилъ словами: „Какъ ты со мною будешь вѣдаться:

(74) Ба́рзо (Польское слово) — очень, весьма. Чисто, по Малоросійски — ду́же.

будешь биться или будешь мириться? или примешь меня съ миромъ и отдашь половину славной Волóщины?“

Какъ услышалъ Василій Молдавскій, посылалъ письма къ Потоцкому и говорилъ словами: »Гетьманъ Потоцкій! женскій у тебя разумъ! Ты гоняешься за дорогими напитками и пирами! что ты найдешь на Хмельницкаго? Онъ ужъ началъ пахать землю конскими копытами, поливать Молдавскою кровью!«

Тогда Ляхи бѣжали изъ города изъ Сочавы.

Какъ дали о томъ знать Василью Молдавскому, пріѣзжаетъ Василій Молдавскій въ Яссы, говоритъ словами: »Яссы вы мои, Яссы! очень вы были крáсны! а ужъ не быть вамъ такими, какъ придутъ козаки!«

Сдѣлалъ Панъ Хмельницкій свое дѣло: навелъ страхъ на Польшу, побѣдилъ Волощину, взвеселилъ Гетьманщину!

Тогда была честь, слава, войсковая справа! сама себя на смѣхъ не давала, непріятеля подъ ноги топтала!

ДУМА ВОСЬМАЯ.

О СМЕРТИ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Великій Богданъ предъ кончиною своею, въ 1657 Авг. 6 собралъ въ Чигринѣ козаковъ для избранія Гетьмана; онъ предлагалъ на выборъ, какъ значится въ Исторіи (см. *Бант. Кам.* ч. II. стр. 20) *Пушкаря*, *Павла Тетерю* Полков. Переяславскаго, и Генеральнаго Писаря *Ивана Виговскаго*; а по словамъ Думы сей — Полковниковъ: Полтавскаго *Пушкаря*, Миргородскаго *Костыря* (или Лѣсницкаго), Кропивенскаго *Филона Чичая* (т. е. *Джед-*

жѣля или *Джеджелѣя*) и Кіевскаго *Волочая* (или *Адамовича*); но козаки наслѣдникомъ своему Гетьману захотѣли избрать 16-лѣтняго Гетьманича безталаннаго *Юрія*.

Умеръ Богданъ послѣ того чрезъ 8 дней (15 Авг.), въ продолженіе коихъ, какъ видно изъ Думы, Юрій отлучался къ Бѣлой-Церкви.

По смерти Богдана дѣлами управлялъ *Виговскій* (въ Думахъ называемый *Луговскимъ*), который былъ взятъ въ плѣнъ 1648 при Желтыхъ Водахъ, потомъ вкрался въ довѣріе къ Хмельницкому, а послѣ него измѣнически дѣйствовалъ для Малороссіи и для Россіи, такъ что осталась даже пословица: *обманувъ, якъ Луговській Москву.* — Обманы его вполнѣ открылись дѣйствительно чрезъ полтора года, послѣ чего въ Августѣ 1659 опять былъ избранъ въ Гетьманы Юрій Хмельницкій.

Зажури́лася Хмельни́цького сѣда́я голова́,
Що при ёму́ ни Со́тниковъ, ни Полко́вниковъ нема́:
Ча́съ прихо́дить умира́ти,
Не́кому пора́ды (75) да́ти.
Покли́кне во́нъ на Ива́на Луговського́го
Пи́саря Во́йскового́:
„Ива́нъ Луго́вскій,
Пи́сарь Во́йско́вый!
Скорѣ́йше бѣжи́,
Да ли́сты (76) пиши́,
Щобъ Со́тники, Полко́вники до ме́не прибува́ли,
Хочъ ма́ло пора́ду дава́ли!“ —

(75) Пора́да — совѣтъ. (76) Ли́сты — письма, грамоты.

То Ива́нъ Луго́вськiй
Пи́сарь Во̂йско́вый,
Ли́сты писа́въ,
До всѣхъ розсыла́въ.
То Со́пники, Полко́вники, якъ и̂хъ прочита́ли,
Усе́ покида́ли, до Ге́тьмана Хмельни́цького скоре́йшь прибува́ли.
То Ге́тьманъ до́бре и̂хъ прийма́е,
Слова́ми промовля́е:
„Пано́ве молодцѝ! до́бре вы дба́йте,
Собѣ Ге́тьмана наставля́йте;
Бо я ста́ръ, болѣю,
Бо̂льше Ге́тьманомъ не здолѣю! . . .
Коли́ хо́чете, Пано́ве, Анто́на Волочая́ Кiевського,
Або́ Грицька́ Костыря́ Миргоро́дського;
Або́ Фило́на Чича́я Кропивья́нського;
Або́ Марты́на Пушкаря́ Полта́вського.“
То козаки́ те́е зачува́ли, сму́тно себе́ ма́ли,
Тя́жко вздыха́ли, слова́ми промовля́ли:
— Не тре́ба намъ Анто́на Волочая́ Кiе́вського,
Ни Грицька́ Костыря́ Миргоро́дського,
Ни Фило́на Чича́я Кропивья́нського,
Ни Марты́на Пушкаря́ Полтавського;
А хо́чемъ мы сы́на твого́ Юру́ся молодо́го,
Козака́ лестрово́го!
— „Во̂нъ, Пано́ве молодцѝ! молоды́й ро́зумъ ма́е,
Звыча́ѐвъ коза́цькихъ не зна́е!“
Бу́демъ мы спарыхъ люде́й би́ля (77) его́ держа́ли,

(77) Би́ля́ — подлѣ, возлѣ.

Бу́дуть воны́ его́ научáти, бу́демъ его́ до́бре поважáти,
Тебе́ бáтька нáшого, Гéтьмана споминáти! . . .
То Хмельни́цкій тéе зачувáвъ, велúкую рáдо́сть собѣ́ мáвъ,
Сѣдóю головóю поклóнъ отдавáвъ, слёзы проливáвъ.
Скóро пóсля́ тóго ще й гóрше Хмельни́цкій знемогáвъ,
Опрощéнье зо всѣ́ми пріймáвъ,
Милосéрдому Бóгу дýшу оддáвъ. —
То не чóрнѣ́ хмáры я́сне сóнце заступáли,
Не бýйныи вѣ́тры въ тéмнóмъ лýзѣ́ бушувáли,
Козакú Хмельни́цького ховáли,
Бáтька свогó оплакáли . . .
А молодый Юрýсь пóдъ Бѣ́лою-Цéрквою гуля́е,
Объ смéртѣ́ отцéвськóй не зна́е,
Скóро лейтáры до ёго́ прибувáли,
Лúсты подавáли.
То Хмельни́ченко лúсты якъ прочитáвъ,
Свѣ́та Бóжого не взвидáвъ!

То не багáто Луговськiй гетьмановáвъ,
Пóвторá гóда булáву держáвъ.
Скóро Сóтники, Полкóвники прибувáли,
Юрýся Хмельни́ченка Гéтьманомъ поставля́ли:
„Дáй-же Бóже! козакú промовля́ли:
За Гéтьмана молодóго
Житú якъ за старóго,
Хлѣ́ба, сóли ёго́ вживáти, (78)

(78) Вживáти — употреблять (пищу или питья).

Города́ Туре́цькй пли́ндрова́ти (79),
Сла́вы, лы́царсьтва коза́цькому во́йську доставáти!

ПЕРЕВОДЪ.

Запечалилась Хмельницкаго сѣдая голова, что нѣтъ при немъ ни Сотниковъ, ни Полковниковъ; приходитъ смертный часъ, а совѣта дать нѣкому! — Говоритъ онъ Ивану Луговскому, Войсковому Писарю: „Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь! бѣги скорѣе, пиши граматы, чтобы ѣхали ко мнѣ Сотники, Полковники, хоть мало бы мнѣ посовѣтовали!“ — Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь граматы писалъ, ко всѣмъ разсылалъ; а Сотники, Полковники, какъ ихъ прочли, все бросили, скорѣй спѣшили къ Гетьману Хмельницкому. — Гетьманъ принимаетъ ихъ ласково и говоритъ словами: „Паны молодцы! дѣлайте дѣло, ставьте себѣ Гетьмана; а я старъ, болѣю, больше не смогу быть Гетьманомъ. Коли хотите, Паны, Антона Волочая Кіевскаго, либо Григорья Костыря Миргородскаго, либо Филона Чичая Крапивенскаго, или Мартына Пушкаря Полтавскаго!“

Какъ услышали козаки, смутились они, тяжко вздыхали, и говорили словами: „Не надо намъ Антона Волочая Кіевскаго, ни Григорья Костыря Миргородскаго, ни Филона Чичая Крапивенскаго, ни Маршина Пушкаря Полтавскаго: а хотимъ мы твоего сына, молодаго Юрья, козака реестроваго.“

(79) Пли́ндрова́ти (съ Нѣм. *plündren*) — грабить, разорять.

— „Онъ, Паны молодцы, разумомъ молодъ, не знаетъ козацкихъ обычаевъ.“

— Будемъ держать при немъ старыхъ людей. Будутъ они его учить, мы будемъ почитать его, и вспоминать тебя, отца нашего Гетьмана. —

Какъ услышалъ Хмельницкій, былъ радъ, проливалъ слезы, отдавалъ поклонъ сѣдой головою.

Скоро послѣ того еще сильнѣе занемогалъ Хмельницкій, со всѣми прощался. Милосердому Богу отдалъ душу. —

То не черныя тучи заступали ясное солнце, не буйные вѣтры бушевали въ темномъ лѣсѣ: козаки Хмельницкаго хоронили, отца своего оплакивали.

А молодой Юрій гуляетъ подъ Бѣлою-Церковью, не знаетъ о смерти отцовской. Скоро пріѣзжали къ нему рейтары, подавали письма. — Какъ прочелъ письма Хмельниченко, не взвидѣлъ свѣта Божьяго . . .

Немного Луговскій гетьманствовалъ: держалъ булаву полтора года.

Скоро съѣзжались Сотники и Полковники, ставили Гетьманомъ Юрія Хмельницкаго.

„Дай же Боже, говорили козаки, при молодомъ Гетьманѣ жить какъ при старомъ! видѣть его хлѣбъ-соль, разорять Турецкіе города, доставать казацкому войску рыцарской славы!“

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ПОСЛѢ БОГДАНА.

Ту кроваваго вина не доста! шу пиръ докончаша храбрыи Русици, свапы попоиша, и сами полегоша за землю Руськую. Ни́чить трава жалощами, а древо съ шу́гою къ земли приклонилось.

Пѣснь Игорю.

Ж. — Баторій, давшій козакамъ устройство, раздѣлилъ ихъ на *выборныхъ* и *охочекоманныхъ*.

ВЫБОРНЫЕ ИЛИ РЕЕСТРОВЫЕ (*лестровыи*) козаки составляли постоянное войско, въ мирное время бывшее пограничною стражею Украины. Они оставались не женатыми. При Баторіѣ считалось ихъ 6,000; при Богданѣ (1650 г.) въ 15 полкахъ 57,889 — кромѣ Гадяцкаго и Бѣлоцерковскаго полковъ.

З. — ОХОЧЕКОМАННЫЕ козаки въ мирное время вели жизнь поселянъ и промышленниковъ, но въ военное время составляли цѣлые полки; и дано было имъ право всякаго принимать къ себѣ въ козаки, почему множество *посполитыхъ* (*) стали отходить отъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ чрезвычайно усилилось козачество. При Баторіѣ всѣхъ вообще козаковъ считалось около 20,000; а во время возстанія было 200,000, — по сказанію Боплана.

И. — КОМПАНѢЙЦАМИ назывались пять полковъ, изъ охочекоманныхъ козаковъ, составившихся въ послѣдствіи и содержавшихся на жалованьѣ. 1776, Они переобразованы въ три полка регулярной конницы; а въ 1785 размѣщены въ корабинерные полки, изъ Малороссійскихъ полковъ устроенные.

К. — СЕРДЮКАМИ назывались 4 пѣхотные полка (около 1674 г. при Дорошенкѣ составившіеся, по мнѣнію Банпышъ-Каменскаго); при Мазепѣ они состояли изъ всякаго сброду и были его тѣлохранителями, ненавистными для народа и войска козацкаго.

(*) Посполитыми назывался простой народъ (*рѣчь*): тѣ изъ нихъ, кои не имѣли земли и дворовъ (не-грунтовые), назывались *сусѣдями* и *подсусѣдями*.

ДУМА ДЕВЯТАЯ.

ОБЪ ИВАНѢ КОНОВЧЕНКѢ.

Прекрасная дума сія относится къ 1684, когда За-днѣпровскіе козаки ходили въ Бѣлгородщину на Татаръ, разбили ихъ подъ *Тягиномъ*, и отбившись отъ пришедшаго съ войскомъ Ханскаго сына, по возвращеніи своемъ, убили Гетьмана *Куницкаго* (поставленнаго Собѣскимъ) за то, что онъ бѣжалъ съ поля битвы (см. Лѣтоп. Рубана). Корсунскій Полковникъ *Филоненко*, кажется, былъ сынъ Филона Чичая (Джеджелѣя: *Джеджели* близь *Корсуня*, находящагося въ Кіев. губ. между Черкасами и Богуславомъ, на р. Роси). *Крыловъ* между Чигириномъ и Днѣпромъ. *Черкень-долина* не толи-же что̀ и Черная долина? Городъ *Тягинъ* нынѣ селеніе Тягинка въ Херсон. уѣздѣ между р. Ингусьцомъ и городомъ Бериславлемъ (Кизикерманомъ,). Рѣчка *Тягинка* впадала съ правой стороны въ Днѣпръ, 20 верстъ ниже Ингульца.

Саранча названа *гнѣвомъ Божіимъ* по тому повѣрью, будто эти слова Еврейскими буквами написаны у ней на крыльяхъ.

На сла́вно̂й Украи́нѣ,
Усла́вно̂мъ го́родѣ у Корсу́нѣ
Кли́кне, покли́кне Хвилоне́нко, Корсу́нській Полко́вникъ:
„Го́дѣ вамъ, пано́ве молодцы̂! домова́ти,
„Идѣ́те зо мно́ю на Черке́ню-доли́ну гуля́ти,
„Сла́вы лыца́рьства коза́цькому во̂йську доспава́ти!“

От-тогдй по города́мъ не музы́ки выграва́ли,
Осау́лы вôйськовы́и похожа́ли,
Ли́сты чита́ли, козакôвъ въ похо́дъ выклика́ли:
А хто бу́де пан-отцёвого — промовля́ли —
Недѣ́лешнёго обѣ́да дожида́ти,
Той бу́де Хвилоне́нка,
Корсу́нського Полко́вника,
Въ шести́ ми́ляхъ доганя́ти! —

У го́родѣ у Черка́сѣ жила́ вдова́ старе́нька,
Ма́ла собѣ́ (80) сы́на Ива́на вдовиче́нка Коновче́нка.
Вона́ те́е пе́рше (81) ёго́ зачува́ла,
До госпо́ды (82) на́йскорѣ́йше прибува́ла,
Усѣ́ ко́нй изъ госпо́ды позсыла́ла,
Все ору́жье у кôмна́ту замыка́ла,
Къ до́му Бо́жому до це́ркви поспѣша́ла.
То Ива́сь одъ сна́ прочина́е по ха́тѣ погляда́е (83) —
Ажъ ни одно́и ша́блй була́тнои,
Пища́лй семипъя́днои
На стѣнѣ́ нема́е!
У ста́ню (84) ухожа́е, а на ста́нѣ ни одно́го коня́ вороно́го.
Вôнъ не́ньку старе́ньку бйля́ це́ркви доганя́е, слова́ми промовля́е:
„Не-до́бре ты, ма́ти, згада́ла,
Що всѣ ко́нй изъ госпо́ды позсыла́ла,
Все ору́жье у кôмна́ту замыка́ла;
А лу́ччебъ ты, ма́ти, зроби́ла, (85)
До го́рода Крыло́ва одъѣзди́ла,

(80) Имѣла у себя. (81) Сперва, прежде его услыхала. (82) Госпо́да — домъ. (83) Пробуждается. (84) Ста́ня — сарай лошадиный. (85) Сдѣлала.

Сто злóпыхъ жидý оландáрю (86) давáла ;
У нарядѣ дóброго коня́ куповáла ,
Менé молодóго въ похóдъ знаряжáла ! —
„Маешъ ты чотырй волы́ чабаны́и (87) ,
Два конй опцёвськй вороны́и ,
Можешъ дóбре у Черкáсѣ пожива́ти ,
Козакóвъ на хлѣбъ, на сóль закликáти.“
— Що́ менѣ съ того, що бу́ду я дóбре пожива́ти,
Бу́дутъ менé козаки́ за хлѣбъ, за сóль повáжати !
Тóлько бу́дутъ менé , ма́ти ,
На-пóдпи́пку , гречкосѣмъ , домонтáремъ (88) величáти ,
Коня́ мого́ приблу́дою называ́ти.
И вжé менѣ не чéсть , не подóба (89) по рóльямъ (90) спотикáти ,
Жóвтыхъ чобóтъ каля́ти , (91)
Дорогíи сýкнй пы́ломъ (92) набива́ти !
А хóчется менѣ , ма́ти ,
Пóйти́ пóдъ гóродъ Тагúню гуля́ти ,
Слáвы лыцáрьства достава́ти ! . . —
То тéе промовлявъ ,
У нéньки старéнькои благословéнья брáвъ ,
Изъ дóму опцёвського поспѣшáвъ ,
На Черкéню-долúну зъ козакáми прибувáвъ.

Не я́сенъ сокóлъ на долúнѣ по тáбуру гуля́е ,
Не бѣлая лéбедь спѣвáе :

(86) Оландáрь — арендаторъ. (87) Чабáный — выхоженный. Чабáнъ — пастухъ. (88) Домосѣдъ. (89) Приличіе. (90) Роля́ — борозда, пашня. (91) Пачкать. (92) Пылъ — Пыль.

Полко́вникъ Хвилоне́нко похожа́е,
Слова́ми промовля́е:
„Кото́рый-то, пано́ве молодци̂, коза́къ доро́дный (93),
Ще й ко̂нь по̂дъ ни́мъ воздо́бный (94),
По̂йде за мно́ю на Черке́ню-доли́ну гуля́ти,
Сла́вы лыца́рсьтва коза́цькому во̂йську достава́ти?“
То Ива́сь Коновче́нко те́е зачува́въ,
Напере́дъ всѣ́хъ благослове́нья проха́въ (95).
„Ты дити́на, Ива́сю, молода́! полко́вникъ промовля́въ —
Ни на по́лѣ, ни на мо́рѣ не бу́ва́ло;
Сме́рти̂ би̂ля́ се́бе не вида́ло,
Якъ звыча́и коза́цьки̂ по̂зна́ешъ,
Лу́чче тогди̂ погуля́ешъ.“
— Не всѣ́ стари̂ пти́ци̂ высо́ко лѣта́ють,
Не всѣ́ стари̂ щу́ки карасе̂въ хапа́ють,
Трапля́ется (96), ба́тьку, що крячя́ (97) мале́е
Ло́вить ры́бку кра́сче нѣ̂жъ старе́е. —
То Ива́сь те́е промовля́въ,
Зъ Полко́вникомъ на доли́ну выѣзжа́въ,
Двана́дцать Тата́ръ пере́дъ ме́чъ приня́въ,
Ше̂сть на арка́нъ звъяза́въ,
Хвилоне́нку гости́нця подава́въ.
То Полко́вникъ бусурма́но̂въ прини̂ма́е,
Ива́ся Коновче́нка би̂ля́ се́бе сажа́е, сла́ву его́ выхваля́е.
То Ива́сь вели́кую ра́дость ма́е, слова́ми промовля́е:
„Благослови́ менѣ́, ба́тьку, окови́тои (98) напи́ться,

(93) Способный (94) Удалый? (95) Просилъ. (96) Случается. (97) Крячокъ, утка. (98) Окови́тая — aqua vitae! — хлѣбное вино.

Я не зарѣка́юсь съ бусурма́нами ще лу́чче поби́ться.“
— Не велю́ я тобѣ́, сы́ну, оковѝтои напива́ти,
Да и́ти́ съ бусурма́нами на доли́ну гуля́ти;
Коли́жъ вже ты хо́чешъ еи напива́ти,
То велю́ въ моѐмъ намѐтѣ лягти́ (99) спочива́ти. —
„Сей менѣ́ хмѐль не бу́де заважа́ти (100),
А бу́де моѐму се́рдцю смѣ́лости́ додава́ти.“

То не ви́хорь по Черке́нѣ-доли́нѣ гуля́е,
Не си́зый оре́лъ ястребо̂въ ганя́е,
Вдовиче́нко Коновче́нко на воронѐмъ конѣ́ розъѣзжа́е,
Мече́мъ своѝмъ якъ бли́скавка ся́е,
Трёхъ Тапа́ръ-яничáръ зъ коне́й збива́е;
Тогдѝ ша́блю була́тну опуска́е,
Козака́мъ лыца́рсьтво свое́ выхваля́е,
Безпе́чне по доли́нѣ розъѣзжа́е,
Бусурма́но̂въ на смѣ́хъ по̂до̂йма́е.
То безбожни́ бусурма́ны тѐе зачува́ли,
Напило́го козака́ за́разъ по̂знава́ли,
Бо̂льше ёму́ по́ля гуля́ти попуска́ли,
Одъ та́бура коза́цького за́разъ отбива́ли,
Гнѣвомъ Бо́жіимъ, саранчо́ю, на козака́ налѐта́ли,
Ша́блями, писто́лями сме́ртныи ра́ны дарова́ли,
То̂лько коня́ коза́цького не по̂йма́ли. —
То до́брый ко̂нь до та́бура прибѣга́е,
По куренямъ гуля́е, го́стрыми копы́тами зе́млю копа́е,

(99) Ляга́ю, лягти́ — ложусь, лечь. (100) Тяготить. Ва́га — тяжесть.

Смýтно ржучи́, козака́ свого́ выкликáе.
То Хвилонéнко тéе зачувáвъ,
Изъ намéта свого́ выступáвъ, словáми промовлявъ:
„От-сé вы, брáтцй, недóбре зробúли,
Що напилóго козака́ гуля́ти пустúли,
Мовъ вы самú его́ зъ свéта згубúли.
Дóбре вы дбáйте, орýжье заправля́йте,
Бусурмáновъ одъ тéла козáцького отбивáйте,
Бо вжé не-дáромъ козáцькій кóнь по тáбуру гуля́е,
Мáбуть Ивáся Коновчéнка на свéтъ немáе.“ —
То козакú тéе зачувáли, на долúну найскорéйше
поспéшали,
Бусурмáновъ одъ тéла козáцького отбивáли,
Шáблями, надóлками (101) суходóлъ копáли,
Шапкáми, припóлами пéрсть выбúрали,
Ивáсю Коновчéнку могúлу насыпáли,
Въ семипья́днй пищáлй гремáли,
У суремки жалóбно выгравáли,
Слáву козáцьку выхваля́ли. —

Скóро пóсля́ тóго стáли козакú тáбуръ изнймáти,
У городы́ христія́нськй уступáти.
То вдовá спарéнька
Мáти Ивáся Коновчéнка
Не у домѣ ся-мáла,
На базáрѣ солóдкій мéдъ выставля́ла,
Сы́на свого́ Ивáся Коновчéнка выглядáла.
Пéрва сóтня наступáе,
Вдовá сы́на не видáе.

(101) Надóлокъ — заступъ?

Дру́га со́тня вступа́, самъ Хору́нжій попе́реду йде́,
Два козака́ коза́цького коня́ на повода́хъ веде́.
Вдова́ те́е забача́ла,
Жало́бныи слова́ промовля́ла,
Сла́вы, сме́ртй сы́на свого́ пита́ла,
Всѣхъ козако́въ на хлѣ́бъ, на со́ль закрика́ла,
По́хороны и весе́лья Ива́сю отбува́ла,
Полко́внику коза́цького коня́ дарова́ла,
Старши́мъ ша́блй, пища́лй Ива́ся роздава́ла.

Полягла́ коза́цька молоде́цька голова́,
Якъ одъ ве́тру на степу́ трава́!
Сла́ва не вмре́, не поля́же,
Лыца́рсьтво коза́цьке вся́кому розка́же! . . .

ДУМА ДЕСЯТАЯ.

О ПАЛѢѢ И МАЗЕПѢ.

Во 2 й части сей Думы сдѣланы нѣкоторыя поправки по списку Ходаковскаго, въ собраніи коего она находится какъ отдѣльная пѣсня, что̀ видно и по самому ея складу. Произшествіе, воспѣтое въ ней, случилось въ Бердичевѣ 1704, послѣ чего Палѣй былъ сосланъ въ Сибирь.

Конецъ Думы относится уже къ 1709 году и представляетъ Палѣя сильно участвовавшимъ въ Полтавской побѣдѣ, послѣ коей остались въ Малороссіи и пословицы: 1) Доба́вся якъ Шведъ по̀дъ По̀лта́вою, 2) Не пи́въ Полта́вськои воды́ (не испыталъ горя).

Ой ты гада́ешъ, Мазе́по, ты гада́ешъ измѣня́ти,
Ой ты хо́чешъ, ты хо́чешъ Царя́ одступа́ти!
Ой ты гада́ешъ, Мазе́по, въ пе́нь Москву́ руба́ти,
А самъ хо́чешъ да на столи́цѣ царе́мъ царствовати!

Ой що взмо́вить Ге́тьманъ Мазе́па къ Палѣю Семе́ну:
— Ой Палѣю, Палѣю Семе́не! чи не зра́дишъ (102) ты ме́не?

„Ой я́къ же я́ ма́ю, Ге́тьмане Мазе́по, тебе́ изража́ти,
„Коли́ ты бу́дешъ, Ге́тьмане Мазе́по, до́бре почина́ти.“
— Я ду́маю, Палѣю Семе́не! въ пе́нь Москву́ руба́ти,
А са́мъ хо́чу да на столи́цѣ царе́мъ царствова́ти! —

„Впере́дъ-же ты бу́дешъ, Ге́тьмане Мазе́по, у стовба́ стоя́ти (*),
А нѣжъ бу́дешъ на столи́цѣ царе́мъ царствова́ти.“

Ой не зна́въ, не зна́въ прокля́тый Мазе́па якъ Палѣя́ зазва́ти;
Ой спа́въ же, спа́въ прокля́тый Мазе́па на бенке́тъ запроша́ти.

(102) Зража́ти — измѣнять (кому), предавать (кого). Израдливый, зрадливый — предательскій.

(*) Привязывать къ столбу, было однимъ изъ позорнѣйшихъ наказаній у козаковъ.

— Ой прі́ѣдь, прі́ѣдь, Палѣю Семе́не!
Да на бенке́тъ до ме́не! —

Ой ско́ро Палѣенко Семе́нъ зъ свои́мъ во́йськомъ
прі́ѣзжа́е,
Ой шакъ ско́ро прокля́тый Мазе́па ча́шу ме́ду вы-
сыла́е.
Ой пье́ Палѣй, ой пье́ Семе́нъ да голо́воньку кло́нить,
А Мазе́пинъ чу́ра Палѣю Семе́ну кайданы́ гото́вить.
Ой пье́ Палѣй, ой пье́ Семе́нъ, изъ но́гъ извали́вся,
Ба́рзо тому́ Гетьма́нъ Мазе́па стоя́ звеселі́вся.
Ой якъ кри́кне прокля́тый Мазе́па на свои́ гайду́ки:
— Ой во́зьмѣте Палѣя Семе́на да у тѣсныи ру́ки! —
Ой якъ кри́кне прокля́тый Мазе́па на свои́ лейта́ры:
— Ой во́зьмѣте Палѣя Семе́на заку́йте въ кайда́ны!
Ой якъ кри́кне прокля́тый Мазе́па на свою́ во́зни́цю:
— Ой во́зьмѣте Палѣя Семе́на да вки́ньте въ
темни́цю!
Не да́въ Гетьма́нъ Палѣю Семе́ну ни пи́ти на ѣсти,
Доко́ль не вы́славъ прокля́тый Мазе́па на сто-
ли́цю ли́сты.
— Оппто́-жъ тобѣ, промовля́е, Царю́! есть Палѣй
измѣнникъ!
Во́нъ тебе́ хо́че вже одступа́пи, въ пе́нь Москву́
руба́пи,
А самъ хо́че да на столи́цѣ царе́мъ царспвова́пи. —

Обозве́ться Палѣй Семе́нъ зъ те́мнои темни́цѣ:
„Бре́ше, бре́ше (203) прокля́тый Мазе́па въ Царя́ на
столи́цѣ!

(103) Брехáти — лгать, лаять, лáяти — бранить.

Опіжé-жъ тобѣ, да прáведный Царю́! самъ Гéтьмáнъ измѣ́нникъ,
Вôнъ тебé хóче вже одступáти, въ пéнь Москву́ рубáти,
А самъ хóче да на столи́цѣ царéмъ царствовáти.“

Ой що взмóвляють мосци́выи паны́ до прáведна Царя́:
Выпускáйты, да прáведный Царю́, Палѣя зъ темни́цѣ,
А то бу́дуть бусурмáны Швéды на твоéй столи́цѣ.

Да щé хмѣ́ль, да щé зеленéнькій на тычи́ну не зви́вся,
А вжé Палѣ́й пôдъ Полтáвою изъ Швéдомъ побúвся.
Да щé хмѣ́ль, да щé зеленéнькій головóкъ не зхили́въ,
А вжé Палѣ́й пôдъ Полтáвою и Шведôвъ побúвъ.
Ой кли́кне, покли́кне да Корóль Швéдській, на гармáтѣ спóя:
„Втéкáймо скорѣ́йшь, Гéтьмане Мазéпо, зъ Полтáвського пóля!“ —
Тогдѝ воны́ утéкáли усѣ́ зъ-пôдъ Пôлтáвы. . .
Богдáй воны́ не дôждáли би́ться зъ козакáми!

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ДУМА ОДИНАДЦАЯ.

ОТЪѢЗДЪ КОЗАКА.

Сія небольшая Дума переложена изъ пѣсни: *Гомо́нъ гомо́нъ по дубровѣ* (см. Кн. III. No I.), подобная коей есть и между Литовскими пѣснями, и между Рускими (*Отецъ на сына прогнѣвался*).

Въ недѣлю ра́но-пора́но не у всѣ дзво́ны (104) дзвони́ли,
Якъ у вдо́винѣмъ дому́ гомонѣ́ли.
Лихі́й во̂пчимъ коза́ченька молодо́го ла́е,
Ма́пи сы́ну слѣ́зно промовля́е:
Иди́ ты, сы́ну, мѣ́жъ чужіи лю́де,
Чи не лу́чче тобѣ́ на чужинѣ́ бу́де?
Неха́й (104') тебе́ чужі́й ба́пько, сы́ночку, не ла́е,
Сча́стя твого́ коза́цького на-вѣкъ не збавля́е!

Тя́жко, тя́жко менѣ́ тебе
Зъ до́му одправля́пи,
А ще́ тя́жче бі̂ля́ се́бе
Въ снего́дьи держа́пи!
Хочъ по̂йдешъ ты на чужи́ну —
Слёзы менѣ́ ли́пи;
Хочъ зоста́влю тебе́, сы́ну —
По всякъ ча́съ пужи́пи! . . .

(104) Дзво̂нъ — колоколъ. (104') Неха́й, хай — пусть, не-замай (въ Библіи — небрани).

То ста́ршая сестра́ коне́нька выво́дить;
Що найменша рыда́е,
Слова́ми промовля́е:
Изъ яко́и тебе́, бра́тце,
Сторо́ноньки жда́ти?
Чи одъ чи́стого поля,
Чи одъ Чо́рного мо́ря,
Чи одъ сла́вного Запоро́зья?

„Возьми́ ты, се́стро, жо́втого пе́ску́,
Да посе́й ты, се́стро, на бе́лому ка́мнѣ:
Коли́ бу́де жо́втый пе́со́къ выроста́ти,
Зеле́нымъ барвѣнкомъ ка́мѣнь устила́ти!
Въ той ча́съ бу́ду, се́стро, до ва́съ прибува́ти!
Бо якъ тя́жко на безво́дьи ры́бѣ пробува́ти,
Такъ тя́жко на чужинѣ безро́дному прожива́ти!“

То тее промовля́въ, на коня́ се́да́въ, опроще́нье
пріймáвъ,
Сму́тно зъ двора́ отце́вського коза́къ выѣзжáвъ.
До́вго воны́ на моги́лѣ край села́ стоя́ли:
До́вго, до́вго коза́ченька во́чьми провожа́ли, —
А ще до́вше воны́ ёго́ до́ма оплака́ли.

ДУМА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ТОСКА СЕСТРЫ ПО БРАТѢ.

Не си́за зозу́ленька въ те́мно́мъ лу́зѣ кува́ла,
Не дро́бная пта́шка въ садку́ щебета́ла,
Сестра́ зъ бра́томъ изъ-дале́ка розмовля́ла,
Покло́нъ посыла́ла:
„Бра́тйку мо́й ми́лый,
Якъ голу́бонько си́зый!
Прійди́ до ме́не изъ чужо́и стороны́,
Посѣти́ мене́ при лихо́й годинѣ!“
—Се́стро моя́ ро́дне́нька,
Якъ голу́бонька сизе́нька!
Якъ я ма́ю прибува́ти,
Тебе́ навѣща́ти,
За те́мными за лѣса́ми,
За да́льными за степа́ми,
За бы́стрыми за вода́ми? . . .

„Чере́зъ те́мный лѣсъ я́снымъ со́коломъ лети́,
Чере́зъ бы́стрыи во́ды бѣ́лымъ ле́бедемъ плыви́,
Чере́зъ степы́ дале́кіи перепе́лочкомъ бѣжи́,
На моёмъ, бра́те, подво́рьй ты голубо́нькомъ пади́,
До́бре сло́во взговори́,
Мо́е се́рдце сиро́тськее звеселй!
Чужй, бра́те, се́стры зъ до́му Бо́жого иду́ть,
Всѣ якъ бчо́лочки (105) гуду́ть,

(105) Бчола́ или бджола́ — пчела.

На хлѣ́бъ, на со̂ль люде́й закликаю́ть,
Мене́-жъ, бра́тте, сло́вомъ не займаю́ть,
Мовъ въ во̂чи̂ не зна́ють . . .
А якъ коли́-сь зъ на́ми хлѣ́бъ-со̂ль повожа́ли,
Въ той ча́съ кума́ми, побрата́ми зва́ли;
А якъ присти́гла несча́стна годи́на —
Назва́на и кро̂вна одрекла́сь роди́на. . . .“

КНИГА ВТОРАЯ.

ПѢСНИ КОЗАЩКІЯ

БЫЛЕВЫЯ.

То старина́, то и дѣ́янье:
Синему морю на ушѝшенье,
Быстрымъ рѣка́мъ слава до́ моря,
А добрымъ людямъ на послу́шанье,
Веселы́мъ мо́лодцамъ на погу́дочки,

Стихъ о Дюкѣ Степановичѣ.

Л. — ГАЙДАМАКАМИ сначала называли сами себя Запорожцы. Это слово значитъ — бродяга; а Запорожцы вѣроятно въ началѣ были почти тоже, что *бро́дники* Молдавскіе. Въ послѣдствіи имя Гайдамакъ на Украинѣ усвоилось только тѣмъ ватагамъ Запорожцевъ, кои, не сославляя *войска Запорожскаго*, охотились разбоемъ: всѣхъ же Запорожцевъ Гайдамаками называли только Поляки въ бранномъ смыслѣ, подобно тому, какъ и слово Козакъ было бранное, особенно у Турковъ.

Войцеховичь и Срезневскій пишутъ *Гайдомакъ*, производя отъ *гай* (лѣсъ) и *домъ*, — лѣсной житель; но мнѣ кажется, что вышесказанное значеніе вѣрнѣе: Гайдамакъ слово Татарское, употребительное также еще у Турковъ, Молдаванъ: *га́йда* — пошёлъ, гуляй; *макъ* — окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Впрочемъ слово *га́йда* иногда употребляется какъ существительное имя, почти однозначительное съ Украинскимъ словомъ *гультай* — гуляка (*откуда и слово гультайство*).

М. — КРАВЧИ́НА: такъ называло себя Запорожское войско при Наливайкѣ — не потому ли, что сей любимый ихъ вождь сначала занимался шитьемъ *кожуховъ* (тулуповъ), былъ *краве́ць* (портной)? Это обращалось ему въ укоръ и насмѣшку отъ противниковъ, что̀ и могло заставить Запорожцевъ гордиться этимъ и нарочно принять себѣ это имя.

Нашествіе Монгольскихъ Ордъ (1224—38) отдалило слишкомъ на 4 вѣка *Южно-Русскую* или просто *Руськую землю*, т. е. *Украину*, отъ ея родственнаго союза съ *Сѣверно-Русскими* Княженіями, съ коими она составляла древній періодъ нашей Исторіи, и потомъ вмѣстѣ съ ними сто лѣтъ влачила тяготу ярма Татарскаго. — Въ то время развивалась на Западѣ другая орда, Европейская: въ 1340 г. Гедиминъ отбилъ Кіевъ *у поганой Татарвы*, и Украиною овладѣла *Литва беззаконная*, водившая храбрыхъ *Русичей* на Татаръ и на Крижáковъ. Потомъ Украина и Литва вступили въ союзъ съ Польшею (Pacta Conventa, 1434); но въ послѣдствіи Кіевъ изъ Княжества обращенъ въ Воеводство (1478) и Украина вмѣстѣ съ Литвою подпали подъ власть Польши.

Въ сей-то Литовскій періодъ Украины (съ 1340) зачалась *Московія* — юное сердце, punctum saliens *Великой Россіи;* и между тѣмъ какъ оно, выходя изъ тяжкой мглы Татарской, крѣпилось и росло въ сей исполинскій и мощный организмъ, — на Югѣ зачиналось *Козачество*, которое, подобно летучей кометѣ, вспыхнувъ на Украинѣ, грозно пронеслось въ мірѣ, огневою чертою означило слѣдъ свой въ Исторіи, и — приставъ къ Восточному Солнцу, вошло въ систему великаго міра его.

Внѣшніе набѣги Татаръ и внутреннее угнетеніе отъ Литвы и Польши, въ оное время общаго хаоса, служило поводомъ къ составленію *Козачества* за Порогами Днѣпровскими — тамъ, гдѣ воинственный Святославъ сложилъ свою буйную голову, сей первообразъ головъ козацкихъ! . . . *Запорожье* было гнѣздомъ, гдѣ роилась дружная, отважная, холостая ватага *вольныхъ Козаковъ* — плодилась безъ матери, ибо для нея была *Сѣчь мати, а великій Лугъ батько.* Козаковъ сводила и дружила жажда воли, мести, битвы и добычи, и всякой выходецъ — ктобъ онъ ни былъ —

могъ сдѣлаться ихъ братомъ - товарищемъ, только бы, принеся съ собою удалую боевую *отвагу*, онъ принялъ *Греческую вѣру* и *языкъ* ихъ.

Двѣ стихіи сіи, т. е. *Азіятски-наѣздническая* и *Грекохристіянская*, глубоко приняты были кореннымъ племенемъ Украины еще въ Дотатарскій періодъ нашей Исторіи. Духъ боевой, наѣзднической воспитали въ немъ непрестанныя схватки и сближенія съ ордами Азіятцевъ; а въ сношеніяхъ съ Византійцами они получили Восточное христіянство и *письмéнство*. Живое сліяніе сихъ двухъ стихій съ *природнымъ* свойствомъ ихъ души составило ихъ характерную особенность. Природное же свойство ихъ состоитъ въ угрюмой, столь способной къ внутренней жизни *глубинѣ* духа, которую искони воспоило въ нихъ родное имъ *Черное* или *Русское* море, и въ *грустномъ безпечьи*, къ коему расположила ихъ жизнь степей Днѣпровскихъ. Ибо Украинцы или Малороссіяне составляютъ Восточную половину *Южныхъ* или *Черноморскихъ* Руссовъ, имѣвшую своимъ средоточіемъ богоспасаемый градъ *Кіевъ*, именемъ коего называлась иногда и самая страна ихъ — *Земля Руська*, *Украина* или *Малороссія* (1). Западная половина ихъ составила Червленную *(Красную) Русь* или *Галицію*, гдѣ *Южно-Русскій* языкъ ихъ и нынѣ называется *Руськимъ*, у насъ же названіе *Русскаго* усвоилось языку Сѣверно - Русскому или Велико - Рускому.

(*Слово о полку Игоревѣ* есть драгоцѣнный памятникъ Южно-Русской Поэзіи XII вѣка, имѣющій, по моему мнѣнію, поэтическое однородство съ Думами и пѣснями Украинскими.)

(1) Напримѣръ въ Никон. Лѣт. Ч. 3. с. 4. — „Того-же (1239) „лѣта Батый нача посылати рать на грады Рускіе, и взяша „градъ *Переяславль Рускій* иже въ *Кіевѣ*.“ Переясловъ всегда въ сей Лѣтописи наз. Рускимъ, въ отличіе отъ Переяславля Залѣскаго.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

Былевыя пѣсни
о временахъ козачества доуніатскихъ.

Полягла́ коза́цька молоде́цька голова́
Якъ одъ вѣ́тру на степу́ трава́!
Сла́ва — не вмре́, не поля́же,
Лы́царсьтво коза́цьке вся́кому розка́же!..

Дума X.

Замѣчаніе I.

Въ началѣ 16 столѣтія Козачество изъ Запорожья разливалось уже по Украинѣ, и мало помалу пересиливало собою такъ называвшееся *рыцарство Шляхе́тное.* — Татарскимъ именемъ *козака*, означавшимъ первоначально только *наѣздника*, сталъ называться уже всякой добровольный воинъ. Наконецъ это слово обратилось въ народное, коимъ называли себя Украинцы. „Козаковъ—по словамъ лѣтописи — на Украинѣ было столько, сколько и людей: „речетъ старшій слово, абіе войска числомъ аки трава „будетъ!“ — Такимъ же образомъ изъ Нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обстоятельствахъ *Западное рыцарство*, въ противоположность коему *Козачество Украинское* представляло собою *рыцарство Восточное, народное*, имѣвшее и свою народно-рыцарскую или Козацкую Поэзію, и свою народную войну за Восточную Церковь, и нашедшее себѣ владыку въ единовѣрномъ Царѣ Восточномъ (или Московскомъ).

Съ 1506 года *Евстафій Дашковичъ* былъ вождемъ Запорожцевъ; а сподвижникъ его *Предиславъ Ланцкоронскій* былъ первымъ Гетьманомъ Козачества Заднѣпровскаго и основателемъ онаго въ Хмельникѣ. Потомъ предводили козаками *Венжикъ* (*Венцеславъ*) *Хмельницкій*, *Димитрій Вишневецкій*. Въ 1564 — 1574 козацкимъ Гетьманомъ былъ *Иванъ Свирговскій — той бѣ Славы дней своихъ!* Послѣ него вождемъ козацкимъ былъ побѣдоносный *Богданко Ружный*, который въ 1576 отъ Короля Баторія (или *Батыря*) получилъ титулъ *Запорожскаго Гетьмана*, клейноды, бунчукъ, булаву и войсковую печать съ гербомъ, а Козачество было возвышено, и Украина получила устройство воинско-гражданственное.

Послѣ Богданка Гетьманами были *Иванъ Подкова* или *Серпяга* (1577), *Шахъ* или *Жахъ*, наконецъ *Скалозубъ*.

Весь этотъ періодъ можетъ названъ быть періодомъ *воинской славы Козаковъ*, воевавшихъ въ сіе время съ Татарами, Турками и Волохами, не только на сушѣ, но и на Черномъ морѣ, по коему разъѣзжая на своихъ лодкахъ, они производили опустошенія въ Синопѣ, Трапезонтѣ и Царьградѣ; рядъ сихъ подвиговъ заключается славнымъ морскимъ походомъ Скалозуба, 1589.

ПѢСНИ О СВИРГОВСКОМЪ.

Здѣсь говорится опредѣлительно о смерти сего славнаго Гетьмана, послѣдовавшей 1574, когда онъ ходилъ на Турковъ по призыву Господаря Молдавскаго Іоанна Армянина.

1 (*).

Якъ того́ Па́на Ива́на,
Що Свѣрго́вського Гетьма́на,
Да я́къ бусурма́ны по̂йма́ли:
То го́лову ёму́ руба́ли,
Ой го́лову ёму́ руба́ли,
Да на бунчу́къ вѣша́ли,
Да у су́рмы выграва́ли,
Зъ ёго глумова́ли.

А изъ ни́зу хма́ра стяга́ла,
Що во́рonôвъ клю́ча набѣга́ла,
По Украи́нѣ тума́ны кла́ла;
А Украи́на сумова́ла (106) —
Ой Украи́на сумова́ла,
Свого́ Ге́тьмана оплака́ла.

Тоди̂ бу́йни̂ вѣ́тры завыва́ли.
— Де́-жъ вы на́шого Ге́тьмана сподѣва́ли?

Тоди̂ кре́чепы нале̂та́ли.
— Де́-жъ вы на́шого Ге́тьмана жалкова́ли?

(106) Сумова́ти — грустить, горевать.

(*) Изъ Запорожской Старины кн. 1. — Тамъ составлены въ одну 2, 3 и 4 пѣсни; но я представляю ихъ порознь, надѣясь дополнить ихъ при помощи моихъ читателей.

Тодѝ орлы́ загомонѣ́ли (107).
— Дѐ-жъ вы на́шого Ге́тьмана зхорони́ли ?

Тодѝ жайворо́нки повили́ся.
— Дѐ-жъ вы изъ на́шимъ Ге́тьманомъ простили́ся?

У глыбо́ко̀й у моги́лѣ,
Бѝля́ го́рода бѝля́ Ки́ліи,
На Туре́цько̀й ли́нѣи!

Переводъ.

Какъ того Пана Ивана, что Гетьмана Свирговскаго, да какъ поймали бусурманы; то рубили ему голову — ой голову ему рубили, да на бунчукъ вѣшали, и въ трубы играли, и глумились надъ нимъ.

А съ низовья тянулась туча, набѣгала что стая вороновъ, и стлала туманы по Украинѣ; а Украина горевала; охъ, горевала Украина — своего Гетьмана оплакивала!

Тогда завывали буйные вѣтры . . . Гдѣ вы дѣвали нашего Гетьмана? — Тогда налетали кречеты . . . Гдѣ вы тужили по нашемъ Гетьманѣ? — Тогда закричали орлы.... Гдѣ вы схоронили нашего Гетьмана ? — Тогда повились жаворонки . . . . Гдѣ же вы простились съ нашимъ Гетьманомъ ?

— Въ глубокой въ могилѣ, возлѣ города возлѣ Килiи, на Турецкой линiи.

(107) Го́мо̀нъ — крикъ, шумъ, гамъ.

2.

Ой у го́родѣ у Черка́сѣ су́рмы засурми́ли,
Якъ тѣ Ля́шськи̂ комиса́ры до Ге́тьмана приходи́ли.

Ой у го́родѣ у Черка́сѣ бу́бны заора́ли,
Якъ тѣ Ля́шськи̂ комиса́ры до Ге́тьмана прибува́ли.

Ой заржа́ли ко́ни̂, ко́ни̂, да по̂дъ го́ру йдучи́,
Заголоси́ли бусурма́ны до Ки́ліи ѣдучи́.

Отъ, якъ па́нъ Свѣрго́вській до Ки́ліи прибува́въ,
Усѣ́хъ козако̂въ збѝра́въ, да на Радѣ проха́въ.

Си́зымъ о́рликомъ лѣта́въ, яворо́нькомъ гну́вся:
— Де́-сь то я, мои́ ми́лы бра́тья, да й сподѣну́ся?

Сподѣну́вся панъ Свѣрго́вській у сыро̂и́ моги́лѣ,
Якъ козаки́ би̂ля́ ёго да загомонѣ́ли!

3.

Ой панъ пы́шный, панъ Свѣрго́вській,
А ще дру́гій панъ Зборо́вській,
А ще тре́ті̂й Морозе́нко,
А четве́ртый панъ Горле́нко.

Що зъ Воло́хами Ту́рокъ дере́ться
А зъ Тата́рами Во́лохъ бье́тся.
Да Воло́ськи̂ зе́мли̂ руйну́ють,
Пли̂ндру́ють ще й не милу́ють.

Не то ба́тенько сы́на проща́въ
Ша́блю да збро́ю дава́въ;
А то ма́ти сы́на выпровожа́ла —
Що слѣ̂зьми́ опроще́нье дава́ла,
Що на го́ре собѣ́ ёго́ выгодова́ла.

4.

Пла́кала стара́ ба́ба Грици́ха,
Мо́въ перепели́ха, мо́въ перепели́ха.

Молода́ сестра́ со́нъ-траву́ (108) ирва́ла,
Стару́ю пыта́ла, спару́ю пыпа́ла:

— Чи той со́нъ-трава́ коза́цькая си́ла?
Чи той со́нъ-трава́ коза́цька моги́ла?

„Ой той со́нъ-трава́, голу́бонько, зрости́вся у по́лѣ,
Да по́ймала ту траву́ недо́ля, да дала́ моёй до́нѣ.

Ой до́ню-жъ, до́ню, моя́ до́ню! го́дѣ сумова́ти,
Що на́шого молодо́го Йва́на въ моги́лѣ шука́ти! (109)

ПѢСНИ О МОРОЗЕ́НКѢ.

Въ 3й пѣснѣ о Свирговскомъ *Морозенко* упоминается какъ его сподвижникъ: и только основываясь на семъ, я помѣщаю здѣсь пѣсни объ этомъ козакѣ, весьма любимыя въ народѣ. Изъ Исторіи Морозенко мнѣ неизвѣстенъ.

5.

Ой Моро́зе, Морозе́нку, ты сла́вный коза́че!
За тобо́ю Морозе́нкомъ Украи́на пла́че.

(108) Эта могильная *сонъ-трава*, разцвѣтающая весною, принадлежитъ къ роду Анемона (Anemone patens). — Анемоны, по Греч. Миѳ., выросли изъ слезъ Киприды, плакавшей надъ трупомъ Адониса. По словамъ Маркевича (см. *Украинскія Мелодіи* стр. 109) въ Украинѣ сонъ-травѣ приписывается и пророческая сила.

(109) Шука́ти — искать.

Не такъ тая Украйна якъ те горде войско . . .
Заплакала Морозиха идучи на мѣсто (110).

— Годѣ, годѣ, Морозихо, по сынѣ тужити;
Ходѣмъ зъ нами козаками меду, вина пити!

„Чого-сь менѣ, милы братья, медъ, вино не пьется:
Ой де-сь то мой Морозенко да вже зъ Туркомъ бьется!

Опъ, зъ-за горы, изъ-за кручи (111) горде войско выступае —
По-сам-передъ Морозенко сивымъ конемъ выграва.

Склонивъ-же вонъ головоньку своему коню на гривоньку:
— Бѣдна-жъ моя головонька! се чужая сторононька! (*) —

А въ нашого Морозенка червона строчка (112):
Де проѣде Морозенко — крова́вая рѣчка.

За рѣчкою за Лиманомъ покопаны шанцй . . .
Взяли, взяли Морозенка въ недѣленьку вранцѣ.

Посадили Морозенка на тесовомъ стольцѣ:
Зняли, зняли зъ Морозенка зъ черешовъ (113) червоньцй.

Посадили Морозенка на жовтомъ пѣсочку:
Зняли, зняли зъ Морозенка кровáву сорочку (114).

(110) Мѣсто — кромѣ города, знач. еще и рынокъ; мѣсце — мѣсто. Городъ — огородъ. (111) Круча — крутизна. (112) Строчка — лента узкая и строчка. (113) Черешъ, черешокъ — черезъ, въ коемъ носили деньги. (114) Т. е. содрали кожу.

(*) Сей куплетъ встрѣчается и въ другой пѣснѣ.

Въ одномъ изъ пяти варіянтовъ сей пѣсни Морозенко представленъ Ума́нскимъ козакомъ; вмѣсто Турковъ, онъ — *зъ Ляшеньками бьется*, и конецъ пѣсни такой:

Воны́-жъ ёго́ а ни би́ли, ни въ чве́рти̂ руба́ли, (115)
То̂льки зъ ёго́ молодо́го живце́мъ се́рдце взя́ли.

6.

Въ недѣ́леньку ране́сенько, да ще́ до схо́дъ со́нця,
Ой пла́кала Моро́зиха, си́дя у во̂ко́нця.

Морозе́нко коза́ченько якъ ма́къ розпука́вся,
Морозе́нко коза́ченько въ нево́лю попа́вся! —

— Продава́йже, мату́сенько, волы́ да коро́вы,
Да выкупля́й свого́ сы́на зъ тя́жкои нево́ли!

Продава́й же, мату́сенько, быки́ да тели́ци̂,
Да выкупля́й свого́ сы́на зъ сыро́и темни́ци̂.

Не ла́й мене́, мату́сенько, гро̂зными слова́ми,
Схамене́шся й обо̂лье́шся дро̂бными слёзами....

Да вяжи́, вра́жа Татарю́го, наза́дъ ру́ки сту́га,
Бу́де на ва́съ, коза́ченьки, вели́ка поту́га (116)!

Ой по̂йду́ я въ чи́сте по́ле на Са́воръ-моги́лу;
Ой гля́ну я, подивлю́ся на свою́ Вкраи́ну!..

(115) Т. е. чертвертовали. Чве́рть, чве́ртк — четверть. (116) Поту́га — отрада. Ту́га — печаль.

ПѢСНЯ О БОГДАНКѢ.

Можно думать, что сія пѣсня (изъ Собр. *Ходак.*) относится ко времени похода въ Крымъ (1575) *Богданка Ружнаго,* столь прославившагося своими подвигами, прошедшаго съ войскомъ своимъ Малую Азію, грабившаго Царь-градъ и проч.

7.

Ой Богда́не, Богда́не, Запоро́зській Гетьма́не!
Да чому́-жъ въ чо́рнôмъ хо́дишъ, да въ чо́рнôмъ оксами́тѣ? (117)
— Гей, були́-жъ въ ме́не го́стî, да го́стî Татаро́ве:
Одну́ нôчъ ночова́ли: стару́ не́ньку заруба́ли, а миле́ньку собѣ́ взя́ли.
Ге́й, сѣдла́й хло́пче коня́, коня́ вороно́го,
Тата́ръ швы́дко доганя́ти, миле́нькую одбива́ти!
Ге́й, у чистôмъ по́лѣ тамъ Тата́ре ночують и вече́рю готу́ють (118);
Тата́ринъ по та́бору хо́дить, миле́ньку за ру́чку во́дить.
Ге́й, одсу́нься, миле́нька, неха́й забью́ Татаре́нка! —
— „Чи забье́шъ, чи не забье́шъ, тôльки мене́ зъ ума́ зведе́шъ!
Чи влу́чишъ, чи́ не влучишъ, тôльки мѣшка́нья (119) розлу́чишъ.
Ой сѣдла́й, ми́лый, коня́: ты́-жъ не мôй, я не твоя́!
Гей, коли́ жива́ бу́ду, то я́ тебе́ не забу́ду!“

(117) Оксами́тъ — (Греч. слово) бархатъ. (118) Готу́ю — готовлю. (119) Мѣшка́нье — сожитіе.

ПѢСНИ О СЕРПЯГѢ.

Иванъ Серпяга (какъ замѣтилъ Г. Срезневскій по пѣснямъ) есть народное имя Гетьмана, столь извѣстнаго въ Исторіи подъ именемъ *Гана Подковы*. Такія двойныя фамиліи часто бываютъ у Малороссіянъ (изъ 8й Думы видно, что Полк. Адамовичь назывался *Костыремъ*, Лѣсницкій — *Волочаемъ* и проч.). Серпяга былъ приглашенъ на Молдавское Господарство, но измѣннически убитъ въ Львовѣ 1578, а похороненъ въ Ка́невѣ товарищемъ и другомъ своимъ Гетьманомъ *Шахомъ* или *Жахомъ*, который постригся 1579 въ монахи Ка́невскаго монастыря. — По имени Серпяги названа была *Серпяжинымъ шля́хомъ* дорога, идущая отъ Ка́нева (какъ по имени Гетьмана Конашевича - Сагайдачнаго названъ *Сагайдачный шляхъ*): не по ней ли сдѣлана и загадка про дорогу: лежи́ть *Га́ся*, простяглася — я́къ уста́не, не́ба доста́не?

8.

Охъ и си́ла, си́ла, си́ла си́лу подоле́ла:
Серпяго́вѝ да у Льво́вѣ сподѣлась моги́ла.

Сподѣлась моги́ла... я́къ Воло́хамъ лю́бо!
Притина́ли (120) да Серпя́гу до сухо́го ду́бу.

Ой Воло́хи, ой Воло́хи! зъ чого́ жъ ёго́ зва́ли,
Що козака́мъ Запоро́зьцямъ да изра́ду (121) да́ли?

Да изра́ду да́ли Господарю́ сво́му —
Ой Ге́тьману Серпя́говѝ до́бре було́ й до́ма.

(120) Притина́ти — прикрѣплять. (121) Изра́да, зра́да — измѣна, предательство. Зра́да значитъ и *гибель*.

Поминайте-жъ лихомъ Господаря своего —
Чи вонъ добрый, чи вонъ злюка, ой що вамъ до того!

Хочъ вонъ добрый, хочъ и злюка, абы не падлюка (122).
Припинайте-жъ да Серпягу до сухого сука!

Що Серпяга, то Серпяга — брата Жаха мае,
Да водъ брата, да водъ Жаха поминъ сподѣвае (123).

Переводъ.

Охъ и сила, сила, сила, одолѣла силу: Серпягѣ во Львовѣ свершилась могила.

Свершилась могила . . . какъ Волохамъ любо! Вязали они Серпягу къ сухому дубу . . .

Волохи, Волохи, за чѣмъ же его звали (на Господарство), когда казакамъ Запорожцамъ вы измѣнили?

Вы измѣнили своему Господарю, а Гетьману Серпягѣ хорошо было и у себя.

Поминайте-жъ лихомъ своего Господаря . . . добръ ли онъ, золъ ли, что вамъ до того! . . .

Хоть онъ добръ, хоть и золъ — только бъ не подлецъ. Вяжите-жъ Серпягу къ сухому дубу.

Серпяга — все Серпяга . . . . у него есть братъ Жахъ, — и отъ брата, отъ Жаха онъ ждетъ себѣ помина.

(122) Падлюка (падло) — подлецъ, собственно же падаль. (123) Сподѣватися, надѣяться.

9.

Ой зъ го́рода изъ По̂лта́вы (*) выѣзжа́ли коза́ки.
Усѣхъ було́ три та́боры, да всѣ три одна́ки.

У пе́ршому у та́борѣ усѣ́ лестровы́и,
У дру́гому у та́борѣ усѣ́ хорунжи́и,
У тре́тёму у та́борѣ усѣ́ куре̂нны́и.

Ой ѣ́хали-жъ воны́ три дни̂ й три но́чи̂ въ Поку́тьѣ;
Ой на тре́тю да ура́ньцѣ (123) тре́ба въ Ме́рджѣ бу́ти.

А въ го́родѣ да у Льво́вѣ зашумѣ́ли ве́рбы:
Коза́къ бурла́къ вби́тый лежи́ть — Серня́га то ме́ртвый.

Ой въ го́родѣ да у Льво́вѣ задзвони́ли дзво́ны:
Коза́къ бурла́къ вби́тый лежи́ть, пра́влять похоро́ны.

А въ го́родѣ у Ка́невѣ, да й заголоси́ли,
Що Серня́гу у моги́лу ти́хо положи́ли.

Ой Серня́гу положи́ли, да и заховали́;
Да поми́нъ по Украи́нѣ, поми́нъ во̂дправля́ли.

(123) Ура́ньцѣ, вра́ньцѣ — поутру; ра́нокъ — утро.
(*) Прежняя Полтава находилась на р. Голтвѣ.

ПѢСНЯ БОГУСЛАВЦУ.

Иванъ Богуславецъ былъ сподвижникъ Скалозуба, 1589. Пѣсню сію я отношу къ нему, и не знаю кому бы она шла болѣе.

10.

Гéй, зъ у́стнй (124) Днѣпра́, да до верши́ны
Сѣмсо́пъ рѣчо́къ и чопы́рй,
Да усѣ́ воны́ да у Днѣпръ впа́ли,
У Днѣпръ пра́вный несказа́нный! —
Да повѣ́йте, вѣ́пры низовы́и,
Ой на па́русы безодны́и (125)!
Ой сиди́ть коза́къ да на де́менѣ (126),
И вонъ де́меномъ повертае́,
И на Чо́рне Мо́ре поглядае́:
Ой плыве́ судно́, одни́мъ-одно́,
Въ ёму́ Ту́рчинъ сиди́ть зъ Турке́нею,
А Турке́ня сиди́ть, вона́ не гуля́е,
Шовко́венькій рушничо́къ (127) вышива́е.
Ой кому́ сей рушни́къ бу́де —
Ой чи Ту́рчину, чи Тата́рину,
Ой чи козако́вй молодо́му?
— Ой се бу́де Кошово́му молодо́му.

---

(124) Устня — устье. (125) Безо́дный — бездонный.
(126) Де́менъ — корма. (127) Рушни́къ — полотенце.

ОТРЫВОКЪ,

можетъ быть относящійся къ Венцеславу Хмельницкому, бывшему не-задолго до Свирговскаго.

Ой поѣхавъ Венчеслáвъ на коню́ гуля́пи,
А повѣсивъ черезъ плéчи да сайдáкъ * багáтый.
Грай мóре, Чóрне Мóре!
Гáла, гиды, гу!

* Лукъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

Былевыя пѣсни о временахъ козачества отъ возстанія противъ уніи до смерти Богдана.

Въ той часъ була́ че́сть, сла́ва,
Во́йско́вая спра́ва:
Сама́ себе́ на сме́хъ не дава́ла,
Непрія́теля по́дъ но́ги топта́ла.

Дума VIII.

Замѣчаніе II.

Козаки въ своихъ побѣдоносныхъ подвигахъ забывали тѣ притѣсненія, которыя Украинѣ стала наносить Польша, частію по своему урону отъ усилившагося Козачества, частію по внутреннимъ безпорядкамъ своего избирательнаго правленія. Но когда Польша, во имя Уніи, посягнула на вѣру Козаковъ, тогда загорѣлось *религіозно-воинское возстаніе* ихъ на Поляковъ, составляющее характеристику сего втораго періода Козачества. — Въ 1592 году *Христофоръ Косинскій*, вызвавшись быть Гетьманомъ козацкимъ, первый ополчился на Унію. По смерти его (1594) Козаками избранъ въ Гетьманы *Павелъ Наливайко*, славный и побѣдами своими, и мученическою смертію въ мѣдномъ быкѣ (1597). Много потерпѣла обиды вслѣдъ за тѣмъ Украина; но съ 1606 года, когда Запорожскимъ Гетьманомъ сталъ *Петръ Конашевичъ-Сагайдачный*, зашихли на время угнетенія на Украинѣ, сколько по силѣ сего замѣчательнаго человѣка, столько по смутному для Польши времени, въ которое ей были необходимы Козаки для войны съ Россіей и Турціей. По смерти его (1622) снова постигла Украину бѣдственная година, и снова вспыхнуло ополченіе Козачества на Поляковъ. *Тарасъ Трясило* въ 1629 году провелъ съ ними подъ Переясловомъ кровавую *ночь*, извѣстную подъ именемъ *Тарасовой*. И съ этой памятной ночи Исторія Украины на 17 лѣтъ обращается въ повѣсть самую трагическую, самую назидательную (*). *Сулима*, *Павлюкъ*, *Остраница*, съ своими сподвижниками очередно наслѣдовали въ Варшавѣ участь Наливайкову. Наконецъ въ 1647 г. воздвигся Гетьманъ *Зиновѣй Хмельницкій*, освободившій Украину и отъ народа своего получившій великое имя — *Богдана*. Послѣ того онъ въ 1654 году поддался Царю Московскому, присягнулъ ему на вѣрность въ Переясловѣ 8 Января, вмѣстѣ съ нимъ воевалъ еще противъ Поляковъ, и 1657 г. 15 Августа скончалъ свою славную жизнь.

(*) Чтен. Банш. Кам. И. М. Р. Ч. I. гл. XIII.

ПѢСНИ О НАЛИВАЙКѢ.

11.

Относится къ 1596 г., когда Наливайко сжегъ и разорилъ *Могилевъ* на Днѣпрѣ и *Слуцкъ* на Случи.

Ой у го́родѣ Могилевѣ́ ды́момъ потягну́ло.
Якъ те во́йсько Запоро́зське зъ гарма́тъ да ревну́ло.

Ой у го́родѣ Могиле́вѣ да ста́лося пу́сто,
Якъ повѣ́яли коза́ки зъ самопа́ло́въ гу́сто.

Ой у го́родѣ Могиле́вѣ орлы́ да гадю́ки (128) —
Ля́цькимъ тѣ́ломъ году́ются, Ля́цьку тѣ́лу радду́ются.

Ой у го́родѣ Могиле́вѣ, що пнѝ да коло́ды...
Прилучи́лося, бачъ, ли́хо Ля́цько́ви поро́дѣ.

Не тако́е ище́-бъ ли́хо, якъ та́я позо́ра,
Що хо́дитъ по бѣ́лу свѣ́ту зъ двора́ да до дво́ра.

Не такъ та́я позо́ра, якъ козака́мъ пора́да . . .
Що, Кравчи́ну (129) шану́ючи, Ляха́мъ дала́сь зра́да.

Дала́сь Ляха́мъ зра́да изъ са́мого ра́на,
Одъ Ге́тьмана Наливайка, шано́вного Па́на.

Переводъ.

Въ городѣ Могилевѣ потянуло дымомъ, какъ Запорожское войско грянуло изъ пушекъ.

(128) Гадю́ка — змѣя. (129) Кравчи́на — Запорожское войско — см. на стр. 66. М.

Въ городѣ Могилевѣ стало пусто, какъ козаки изъ ружей повѣяли густо.

Въ городѣ Могилевѣ — орлы да змѣи: Ляшскимъ тѣломъ питаются, Ляшскимъ тѣломъ потѣшаются.

Въ городѣ Могилевѣ — пни да колоды..., приключилося, вищь, лихо Ляшской породѣ!

Не такъ-то еще лихо, какъ тотъ позоръ, что ходитъ по бѣлу̀ свѣту отъ двора во дворъ.

Не такъ еще и позоръ, какъ та отрада козакамъ, что гибель, минуя Запорожское войско, постигла Ляховъ.

Постигла Ляховъ гибель съ самаго заранья, отъ Гетьмана Наливайка, досточтимаго пана!

12.

О смерти Наливайка, который попался въ плѣнъ Жолкевскому при Лубнахъ. Кто такой былъ Игнатъ *Голый*, столь прославляемый въ пѣсняхъ, по Исторіи не видно.

Сла́вна спа́ла та́ Кравчи́на якъ на По́льщу спа́ла,
Вовкула́камъ, Капели́камъ (130) мстю́чи зра́ду да́ла.

Ту́ю зра́ду, ту́ю зра́ду, що въ мурѣ, въ темни́цѣ
Зъ Наливайка позыча́ла (131) якъ зъ бѣдной вдови́цѣ.

Вдо́винъ сы́ну, вдо́винъ сы́ну! е́ще въ тебе бра́тья,
А въ бра̀товъ твои́хъ коза́ко̀въ бага́цько завзя́тья (132)! —

(130) Вовкулака — упырь, оборотень. Слово Капели́къ у Козаковъ было самое поносное. (131) Позыча́ти — брать взаймы. (132) Бага́то — много; бага́цько — множество. Завзя́тье — отвага, удальство.

Зходи́лися всѣ коза́ки, Ра́ду положи́ли,
Да на Ра́дѣ на Поля́кôвъ похо́дъ присуди́ли.

Розходи́лися коза́ки изъ свое́и Ра́ды,
Выбî́ра́ли зъ-пôдъ камêньêвъ вели́кîи кла́ды.

Кла́ды продава́ли, самопа́лы купова́ли;
Купова́ли самопа́лы, въ похо́дъ выступа́ли.

А попе́реду всѣхъ Го́лый — со́коломъ лѣта́е;
На ко́нику ворonóму жа́хомъ выгравае (133).

Привертá́ли козаче́ньки по-ра́ну до Слу́чи,
Да зъ гарма́ты густова́ли Капели́кôвъ зву́чи.

А Ляхи́ й почу́ли, увъ отвѣ́тъ ревну́ли —
Бо-да́й-же (134) ймъ тя́жко й ва́жко, що воны́ ревну́ли.

Що воны́ ревну́ли, бѣду́ провѣща́ли;
А коза́ки Гайдама́ки ду́мали й гада́ли.

Ду́мали й гада́ли, ду́мали й гада́ли;
Тя́жко, ва́жко за Ге́тьманомъ своймъ сумова́ли.

А въ Варша́вѣ да на Ра́дѣ да су́дьи суди́ли;
Да запали́ти Наliва́йка въ волу́ — присуди́ли.

Присуди́ли Наliва́йка да Ляхи́ спали́ти,
Присуди́ли козаче́ньки Ляха́мъ вôдомсти́ти! —

(133) Носится, какъ страхъ. (134) Бог-да́й или бо-да́й — пусть, да будетъ (дай-Богъ)!

ПѢСНЯ О ЛОБОДѢ.

Полковникъ Иванъ *Лобода* еще при Косинскомъ ходилъ подъ Бѣлградъ (1593), сжегъ Цецору и разграбилъ Яссы (1594); — потомъ онъ былъ другомъ и главнѣйшимъ сподвижникомъ Наливайка, съ коимъ вмѣстѣ и погибъ въ Варшавѣ. — Въ пѣснѣ представленъ Лободинскій чура, напоминающій о подвигахъ своего пана и объ отмщеніи за него взывающій къ козакамъ, сбиравшимся въ походъ на Поляковъ 1633 г. подъ предводительствомъ Кошоваго *Сулимы* (который въ 1635 г. четвертованъ въ Варшавѣ). Про Гетьманство Потоцкаго и двукратное пораженіе его Лободою по Исторіи неизвѣстно.

13.

Ой въ го́родѣ въ Батю́ринѣ дзво́ны задзвони́ли:
То коза́ки Гайдама́ки у Ра́дѣ ради́ли.

Ой у Ра́дѣ да ради́ли, якъ на По́льщу ста́пи,
Да на Ра́дѣ присуди́ли Вкраи́ну е̂дна́пи.

Отъ и вы́йшли Гайдама́ки, хочъ ты́сяча й две́сти̂,
Да бага́цько да за ни́ми зведе́тся коры́сти̂!

А попе́реду па́нъ Сули́ма Ота́манъ Кошо́вый —
Чого́-жъ жа́ху завдава́ти, що во̂нъ чорнобро́вый?

Панъ Сули́ма, панъ Сули́ма козако̂въ збира́е,
Да й усѣмъ тѣмъ Гайдама́камъ во̂нъ та́къ промовля́е:

„Това́риши Гайдама́ки, чинѣть мою во́лю!
„Що намъ тре́ба во̂дплати́ти Вкраи́нську недо́лю.

„Хочъ насъ, паны́ Гайдама́ки, и ты́сяча й две́сти̂;
„Да бага́цько да за на́ми зведе́тся коры́сти̂!

„Ой бага́цько да корысти́ зведе́тся за на́ми,
„Коли́ зхо́чете поби́ться бу́чно (135) изъ Ляха́ми.“—

Якъ на те́е обо́зва́вся Лободо́вськiй чу́ра;
До козако́въ уклоня́е, отъ-та́къ промовля́е:

— Ой пано́ве Гайдама́ки, до́бре себе́ ма́йте —
Що за мого́ па́на Йва́на Ляха́мъ во́домща́йте!

Ой мо́й па́не, па́не Йва́не, де́-сь то ты́ зобга́вся,
Що на Ляхо́въ ста́въ завпе́рше (136), да й не сподѣва́вся!

Ой мо́й па́не, па́не Йва́не, Наliва́йко́въ дру́же,
Що зада́въ зъ нимъ зра́ду Ляха́мъ, зада́въ — да й байду́же (137)! . . .

Ой мо́й па́не, па́не Йва́не, де́-сь то ты́ сподѣвся,
Що у муре́, у темни́цѣ Ляха́мъ знадоби́вся!

Ой пано́ве Гайдама́ки, па́на Йва́на зпомяне́те,
Да за мого́ па́на Йва́на Ляха́мъ во́домсте́те!

Коли́ хо́чете Вкраи́ну до се́бе ѣдна́ти,
То вамъ тре́ба па́на Йва́на добро́мъ помина́ти.

Якъ Вкраи́ну ти́и Ля́хи до се́бе ѣдна́ли;
Тоди́ на́ши зъ па́номъ Йва́номъ въ похо́дъ выступа́ли.

Якъ Вкраи́ну ти́и Ля́хи до се́бе ѣдна́ли,
Тоди́ на́ши зъ па́номъ Йва́номъ Ляхо́въ воюва́ли.

(135) Бу́чно — важно. (136) Прежде всѣхъ. (137) Байдуже, сѝлькѝсь — нужды нѣтъ.

Ой и Ляхôвъ воюва́ли, якъ по Бу́гу спа́ли;
Да Гетьма́на Попо́цького двôчи заганя́ли.

Ой и Ляхôвъ воюва́ли, якъ по Пру́пу спа́ли;
Того́ було́ що й Цоцо́ру до́бре плиндрова́ли.

До́бре було́, до́бре було́, да спа́лася зра́да.
Що забито па́на Йва́на у недѣлю зра́на. . . .

ПѢСНЯ О САВВѢ ЧАЛОМѢ.

Пѣсня сія, весьма любимая въ народѣ, относится къ козаку Саввѣ Чалому, который предался Полякамъ во время Наливайково и былъ взятъ *Игнатомъ Голымъ*. Это видно по списку, помѣщенному въ *Зап. Старинѣ*, составленному Г. Срезневскимъ изъ многихъ, въ коемъ послѣдніе 4 куплета принадлежатъ къ пѣснѣ объ *Неграѣ*. Тамъ помѣщены еще двѣ превосходныя пѣсни о двухъ измѣнникахъ *Тетеряхъ*, сынѣ и отцѣ, предавшихся Полякамъ подъ Каневомъ предъ битвою Чигиринскою (1596); Тетеренко пойманъ подъ Варшавою козакомъ *Случаемъ*.

14.

Ой бу́въ въ Сѣчѣ стары́й коза́къ прозва́ніемъ Ча́лый;
Вы́годовавъ сы́на Са́ву козака́мъ на сла́ву.

Ой не захотѣвъ да панъ Са́ва козака́мъ служи́ти:
Вôнъ пôйшóвъ-же до Ля́шенькôвъ сла́вы залучи́ти.

Ой вôнъ пôйшóвъ до Ляше́ньковъ слу́жбы вôдправля́ти,
Изъ Ляха́ми Правосла́вну Це́рковъ руйнова́ти.

Збира́лися Запорóзцй, всѣ въ Ра́ду зхожа́ли;
За похóды туды́-сюды́ про-мѣжъ се́бе рахова́ли.

Усѣ прійшли́, усѣ прійшли́, одного́ нема́е;
Ой чо́мъ тебе́, ба́тьку Ча́лый, у Ра́дѣ нема́е? —

„Чого́-жъ менѣ́, да пано́ве, у Ра́ду ходи́ти?
Що хо́чете мого́ Са́ву навѣ́ки згуби́ти.

Хочъ ста́въ собѣ́ вôнъ до Ля́хôвъ . . . да вже́-жъ, сы́нку ми́лый,
Чому́ ты ста́въ, чому́ до на́съ такі́й ста́въ спѣси́вый?“

— Ой спѣси́вый, не спѣси́вый — паны́ кажу́ть — Са́ва . . .
Да недо́бра, зури̂вочна ста́ла ёго́ сла́ва.

Що не тôльки да панъ Са́ва Це́рковъ да руйну́е:
Изъ бѣса́ми ста́въ за-пра́во, й ба́рзо знахорю́е. —

Обôзва́вся на те́ Го́лый, ка́же: до́бре зна́ю,
Ой я́ того́ па́на Са́ву у ру́ки пôйма́ю!

Отъ и ста́ли да пано́ве Ра́ду розсуча́ли;
Свои́хъ ко́ней посѣдла́ли, въ похо́дъ выступа́ли.

Ой бувъ Са́ва, да ѣ̂въ са́ло да все́ паляни́ци̂;
Не коха́въ Са́ва молоды́хъ дѣвча́тъ, да все́ молоди́ци̂.

Не коха́въ Са́ва да коза́кôвъ, да все́ Кателики, —
Загуби́въ Са́ва, протеса́въ Са́ва свою вѣ́ру навѣ́ки.

Ой бувъ Са́ва въ Неми́ровѣ въ Ляхôвъ на обѣ́дѣ;
И не зна́е, не вѣ́дае о свое́и бѣ́дѣ.

Ой пье Са́ва и гуля́е, Ля́хомъ вырубае,
А до ёго що до Са́вы гоне́ць пріѣзжа́е.

— А що́ ты тутъ, малы́й хло́пку! чи все́ гара́здъ до́ма? —
— „Прото́птана, па́не, сте́жка до ва́шого дво́ра.

Да все́ гара́здъ, да все́ гара́здъ, усе́ хороше́нько:
Выгляда́ють Гайдама́ки зъ-за горы́ часте́нько!“

— Отъ-то́ ли́хо, выгляда́ють! я́жъ и̂хъ не бою́ся!
Хиба́жъ нема́ въ ме́не во̂йська? я́ не забарю́ся.

Сѣдла́й, хло́пку, сѣдла́й, малы́й, коня́ вороно́го;
Поѣ́демо мы до-до́му хоча́ насъ немно́го. —

Ѣде Са́ва зъ Неми́рова на воронôмъ ко́ню...
А пріѣ́хавши, гада́е да про свою́ до́лю.

— Ой ты-жъ, до́ле — ка́же Са́ва — щерба́тая до́ле! —
Пита́ется челя́доньки: чи все́ гара́здъ до́ма? —

„Гара́здъ, гара́здъ, па́не Са́во! ще лу́чче зъ тобо́ю,
Якъ тебе́ мы поба́чили на воронôмъ ко́ню.“ —

Ой сѣвъ Са́ва въ кôнцѣ́ стола́, да ли́стоньки пи́ше;
А Са́виха на лêжоньку дити́ну колы́ше. —

Сиди́ть Са́ва, ли́сты пи́ше, Са́ва ду́мку дба́е;
Отъ вже Са́ва, да панъ Са́ва, га́дку замышля́е:

— Пôди́, дѣ́вко, у пивни́цю уточи́ горѣ́лки,
Ой неха́й-же я напью́ся за здоро́вье жôнки.

Пôйди́, дѣ́вко, у пивни́цю да принеси́ пи́ва,
Ой неха́й-же я напью́ся да за свого́ сы́на.

Пôди́, дѣ́вко, у пивни́цю внеси́ менѣ́ ме́ду:
Чого́-сь менѣ́ тру́дно, ну́дно — голо́вки не зве́ду. —

Сидíпь Сáва въ кôнцѣ спола́, все ли́сты читáе;
А Савíха молода́я все ду́ма й гада́е.

Сидíпь Сáва въ кôнцѣ спола́, хло́пця вызывáе,
А Савíха молода́я плáче да рыда́е.

Ой не вспѣла челя́донька зъ стѣны́ ключи́ зня́ти,
Ставъ Йгна́тъ Го́лый зъ Кравчи́ною воро́та ла-
ма́ти.

Якъ вôдсу́не да панъ Сáва вôко́нце одъ ры́нку;
А вже ти́и, Гайдама́ки блука́ютъ по сѣнку.

Тôльки-жъ та́я челя́донька на порôгъ ступа́е,
Ажъ Мики́тка па́ну Сáвѣ чоло́мъ оддава́е.

— „Здоро́въ, здоро́въ, па́не Сáво, я́къ ся собѣ ма́ешъ?
До́брыхъ гостéй собѣ ма́ешъ: чѣмъ ихъ привѣта́ешъ?

Ой чи ме́домъ, ой чи пи́вомъ, ой чи горѣлкою?
Попроща́йся зъ свои́мъ сы́номъ и зъ своéю жôнкою!“

— „Ой да́въ-бы вамъ ме́ду й пи́ва не хо́чете пи́ти;
Ой вы́ жъ мене́ молодо́го хо́чете згуби́ти. —

Ой чѣмъ менѣ васъ, пано́ве, чѣмъ васъ привѣта́ти?
Дарова́въ, менѣ Госпо́дь сы́на, бу́ду въ ку́мы бра́ти. —

— „Ой не того́ прійшли́ до тéбе, да що́-бъ кумова́ти,
А мы́ зъ того́ прійшли́ до тéбе, да що́-бъ розсчита́ти!

Ой веди́-жъ насъ, па́не Сáво, у нову́ комо́ру,
Да оддава́й, па́не Сáво, коза́цькую збро́ю.

А де́-жъ твои́, па́не Сáво, су́кни́, едама́шки,
Що ты́ нажи́въ, вра́жій сы́ну, зъ коза́цькои ла́ски?—

Да́ не того́ прійшли́ до те́бе, да що́-бъ кумова́ти;
А мы́ зъ того́ прійшли́ до те́бе, що́-бъ голо́вку зня́ти.

Ой було́-бъ тобѣ́, па́не Са́во, га́рдъ не руйнова́ти,
Коли́ хотѣ́въ Запоро́зьцѣвъ въ ку́мы собѣ́ бра́ти.“ —

Ой ки́нется да па́нъ Са́ва до я́сного меча́ . . .
Его́ взяли́ на три́ спи́сы изъ пра́вого плеча́.

Ой ки́нется да па́нъ Са́ва да я́сною збро́ю . .
Его́ взяли́ да по́дняли́ на три́ спи́сы къ го́рѣ.

— „Опсе́-жъ тобѣ́, па́не Са́во, су́кни́, едама́шки, (138)
Що ты́ нажи́въ, вра́жій сы́ну, зъ коза́цькою ла́ски!“

Ой не вспѣ́въ-же да панъ Са́ва на ко́ника впа́сти:
У кайда́ны закова́ли, спа́ли на́ во́зъ кла́сти.

— Ой, Пано́ве Запоро́зцѝ, хиба́-жъ то ва́мъ сла́ва,
Що въ кайда́ны да забі́тый лежи́ть у ва́съ Са́ва?

Якъ-бы́ ёго́ вы на во́лю зъ кайдано́въ пусти́ли,
Сла́ву-бъ собѣ́ найбо́льшую опъ-симъ залучи́ли.

Якъ-бы́ ёго́ вы на во́лю мѣ́жъ се́бе прия́ли,
Сла́ву-бъ собѣ́ найбо́льшую опъ-симъ дарова́ли. —

А Сави́ха молода́я во́кно́мъ утѣка́ла,
На молоду́ челя́доньку спи́льна погляда́ла.

— Хапа́й, хапа́й, челя́доньке, малу́ю дити́ну:
Бу́дешъ жи́ти, пановáти, коли́ я не зги́ну! —

Не бои́ться коза́ченько ни гро́му, ни ту́чѝ:
Хорошéнько въ ко́бзу гра́е, до Са́вихи йду́чи.

(138) Су́кня — платье. Едама́шка — Дамасская матерія.

ПѢСНЯ ЧУРАЮ.

Храбрый *Чурай*, полковой Асаулъ, захваченный въ битвѣ близь Спарицы, замученъ въ Варшавѣ 1638 г. вмѣстѣ съ Гетьманомъ *Степаномъ Остраницею* и другими. (*)

15.

Орлику, сизы́й о́рлику, молоды́й Чура́ю!
Ой заби́ли-жъ тебе́ Ляхи́ да у своёмъ кра́ю.

Ой заби́ли тебе́ Ляхи́ изъ твои́мъ Гетьма́номъ,
Изъ твои́мъ Гетьма́номъ, що Па́номъ Степа́номъ.

Орлику, сизы́й о́рлику! орло́въ брато́въ ма́ешъ,
Що стары́и й молоды́и — са́мъ и́хъ до́бре зна́ешъ—

Що стары́и й молоды́и — всѣ въ тебе́ вдали́ся,
Во́домсти́ти да за те́бе усѣ поклялися.

Що стары́и й молоды́и усѣ голе́нны́и (139);
А въ и́хъ ко́ни́ вороны́и, швыдки́и й быстры́и;

Ой швыдки́и и быстры́и, якъ орлы́ ле́па́ютъ,
На Ля́шськіи городы́, хма́рой набѣга́ютъ.

А въ и́хъ спи́сы була́тныи зъ до́вгими ко́ньця́ми
Усѣ госпри́ якъ голочки́, зъ до́вгими клюга́ми (140).

А въ и́хъ ша́бли́ була́тныи, на обы́два бо́ки,
Вра́жимъ Ляха́мъ зра́ду сы́плютъ по всѣ вѣчни́ ро́ки!

(*) Пѣсня сія, равно какъ объ Наливайкѣ и Лободѣ заимствованы изъ *Зап. Старины.*

(139) Голе́нный — удалый (быстрый). (140) Клюга — упорка при остромъ концѣ копья.

ПѢСНЯ О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ.

Здѣсь воспѣта первая Богданова побѣда (1648 г. 5 Апрѣля) надъ Ляхами при помощи Крымцевъ, при Желтыхъ Водахъ (въ Екатер. Губ.).

16.

Чи не той то хмѣль, що коло́ тычи́нъ вьѣ́тся?
Гей той то Хмельни́цькій, що зъ Ляха́ми бьѣ́тся.

Гей поѣхавъ Хмельни́цькій икъ Жо́втому Бро́ду,
Гей не оди́нъ Ляхъ лежи́тъ голово́ю въ во́ду.

Не пій, Хмельни́цькій, ду́же той Жо́втои во́ды:
Иде́ Ляхо́въ со́рокъ пы́сячъ хоро́шои вро́ды.

„А я Ляхо́въ не бою́ся и га́дки не ма́ю,
За собо́ю вели́кую поту́гу я зна́ю,

Ищѣ́ й Орду́ за собо́ю ве́ду:
А все, вра́жи Ляхи́, на ва́шу бѣду́.“ —

Утѣка́ли Ляхи́, погуби́ли шу́бы. . .
Гей не оди́нъ Ляхъ лежи́тъ, вы́щеривши зу́бы!

Станови́ли Ляхи́ дубо́выи ха́ты,
Прійдѣ́тся Ляшѣ́нькамъ въ По́льщу утѣка́ти!

Утѣка́ли Ляхо́въ дѣ-яки́и по́вки,
Ѣли Ляхо́въ соба́ки и сѣ́рыи во́вки.

Гей та́мъ по́ле, а на по́лѣ цвѣ́ты:
Не по одно́мъ Ляху́ заплака́ли дѣ́ты.

Гей та́мъ рѣ́чка, черезъ рѣ́чку гли́ця:
Не по одно́мъ Ляху́ зоста́лась вдови́ця!

ПѢСНИ О НЕЧАѢ.

Данило Нечай Полковникъ Бряцлавскій былъ женатъ на дочери Хмельницкаго: онъ наносилъ въ 1651 г. опустошенія въ Польской Подоліи и убитъ подъ Краснымъ: по свидѣтельству Пасторія — *Байбузою*, въ одномъ изъ списковъ моихъ поставлено *Канёвскимъ*, а въ другомъ — *Потоцкимъ*; я-же поставилъ имя *Калиновскаго*, ибо онъ разбилъ Нечаево войско, напавъ на него во время масляницы.

17.

Ой зъ тёмного лѣсу, лѣсу, изъ Чо́рного га́ю,
Ой кри́кнули коза́ченьки: утёка́й, Нечаю!

„Якъ я ма́ю коза́къ Нечаю́ зъ-вôдсёль утёка́ти,
Сла́ву свою́ коза́цькую пôдъ но́ги топта́ти?

Ой е́ въ ме́не Шпа́къ, Шпа́къ — отъ-то́й до́брый хло́пець! —
Ой то́й менѣ дае́ зна́ти коли́ утёка́ти!“

— А я́ тебе́, мôй Нечаю, не убезпе́чаю:
Держи́ коня́, держи́ въ сѣдлѣ для свого́ звыча́ю!

Ой я́ тебе́, мôй Нечаю, не убезпе́чаю:
Держи́ свою́ шабе́лечку да пôдъ опанчо́ю! —

„Сѣдла́й, сѣдла́й, малы́й хло́пче, коня́ ворonóго,
А побѣжи́ въ чи́сте по́ле, чи йде́ Ляшкôвъ мно́го?“

Верта́ется малы́й хло́пець ажъ изъ Полонно́го (*):
— А йде́ Ляшкôвъ со́рокъ ты́сячъ, тôльки безъ одно́го! —

(*) *Полонное* мѣстечко при р. Хамарѣ, 98 верстъ отъ Житомира.

Коза́къ Нечай, коза́къ Нечай на те́ не вдова́е,
Да зъ кумо́ю зъ Хмельни́цькою ме́дъ-вино́ кругля́е!...
Бо поста́вивъ коза́къ Нечай три сторо́жи̂ въ мѣстѣ,
А са́мъ по̂шо́въ до ку́моньки щу́ку-ры́бу ѣсти.
Ой погля́не коза́къ Нечай за Тихіи во́ды:
Иде́ Ляхо̂въ со́рокъ тысячь хоро́шои вро́ды!
Подиви́вся коза́къ Нечай у но́ву кватырку:
Хо́дить Ляшко̂въ вра́жихъ сыно̂въ якъ куре́й по рынку.
Ой якъ кри́кне коза́къ Нечай на хло́пця мало́го:
„Сѣдла́й, хло́пче, сѣдла́й, малы́й, коня́ вороно́го!
Сѣдла́й менѣ вороно́го, собѣ булано́го —
Ге́ть вырѣжемъ вра́жихъ Ляхо̂въ, ге́ть що до о̂дно́го!“
Ой я́къ спи́сне коза́къ Нечай коня́ острога́ми, (141)
За ни́мъ Ляхо̂въ со́рокъ тысячъ зъ го́лыми шабля́ми,
Ой якъ во̂зьме коза́къ Нечай одъ ба́шты до ба́шты:
И ста́въ Ляшко̂въ вра́жихъ сыно̂въ якъ сно́пики кла́сти.
Повернувся коза́къ Нечай во̂дъ бря́мы до бря́мы:
А поста́вивъ вра́жихъ Ляшко̂въ у чотыри̂ ла́вы.
Повернувся коза́къ Нечай на пра́вее пле́че:
А вже́ зъ Ляшко̂въ вра́жихъ сыно̂въ кровъ рѣчка́ми те́че.
Повернувся коза́къ Нечай на лѣвую ру́ку:
Не выскочить Нечаевъ ко̂нь изъ Ля̨цького тру́пу!...
А споткнувся Нечаевъ ко̂нь на малу́ тычи́ну;
По̂йма́въ ёго Калино́вськіи̂ зъ ко́ня за чупри́ну.

(141) Острога́ — шпоры.

Чи не то́й-то хме́ль, хме́ль, що высоко вье́ться?
Чи не то́й-то коза́къ Нечáй, що зъ Ляшка́ми бье́тся?

Чи не то́й-то хме́ль, хме́ль, а що́ въ пи́вѣ гра́е?
Чи не то́й-то коза́къ Нечáй, що Ляшко́въ руба́е?

Чи не то́й-то хме́ль, хме́ль, що у пи́вѣ ки́сне,
Чи не то́й-то коза́къ Нечáй, що Ляше́нько́въ ти́сне?

Не зна́ете, вра́жи́ Ляшки́, чѣмъ хло́пця уби́ти:
Сре́бнымъ гу́цькомъ, сре́бнымъ гу́цькомъ ручни́цю набити!

Не за до́вгій, до́вгій ча́съ, за малу́ годи́нку,
Кача́ется Нечáёва голо́вка по ры́нку.

Ой не дба́ли вра́жи́ Ляхи́ на коза́цьку вро́ду,
Рва́ли те́ло по кусо́чку, пуска́ли на во́ду.

18.

Ой зъ по́дъ га́ю, га́ю, зъ по́дъ Чо́рного га́ю,
Ой кри́кнули коза́ченьки: утека́й Нечáю!

„Ой не бо́йтеся, не бо́йтесь, Паны́ Отама́ны;
Я поста́вивъ стороже́ньку усѣми шляха́ми.“

— Ой я́ тебе́, мо́й Нечáю, не убезпе́чáю:
Держи́ свого́ кони́ченька въ своёмъ обычáю! —

„А я́ коза́къ молоде́нькій Ляхо́въ не бою́ся,
Ма́ю-жъ бо я́ коза́ченько́въ, да й оборони́ться!“

Одъ Кра́сного Бро́ду, одъ Чо́рнои Во́ды
Иде́ Ляшко́въ со́рокъ тысячъ хоро́шои вро́ды.

Ой не вспѣвъ-же́ Нечáенько на ко́ника сѣсти:
Огля́неться назáдъ себе́, а вже́ Ляхи́ въ мѣстѣ.

Ой порвáвся козáкъ Нечáй до туго́го лу́ка,
Обе́рнеться назáдъ себе́ — а вже́ по́вно тру́па.

Стрепене́тся козáкъ Нечáй объ по́лы рукáми:
Сюды́ гля́не, туды́ гля́не — тече́ кро́въ рѣкáми.

Удáрится козáкъ Нечáй объ по́лы руко́ю:
„Ой прі́йдется розлучи́ться изъ дѣтьми́ й] жоно́ю!“

— Ой де́-жъ твои́, Нечáеньку, вороны́и ко́нî? —
„У Ге́тьмана у По́льного стоя́ть на припо́нѣ.“

— Ой де́-жъ твои́, Нечáеньку, ковáныи во́зы? —
„По̂дъ мѣстечкомъ Бере́стечкомъ зато́ченî въ ло́зы!“

— Ой де-жъ твои́, Нечáеньку, сукнî, блаватáсы?
„Гей посѣ́кли, порубáли Ляхи́, въ шабельтáсы!“

— Ой де́жъ твои́, Нечáеньку, дѣтоньки да жо́на?
„Ой въ мѣсте́чку Бересте́чку сидя́ть собѣ́ до́ма.

Ой кото́рый козáченько буде зъ вáсъ у мѣстѣ —
Поклони́ся моêй жо̂ньцѣ й несчастно̂й невѣ́стцѣ.

Нехáй вонá, нехáй бере́ срêбла-зло́та до́-сыть:
Нехáй мене́ выкупля́е и остáнку про́сить!“

Не хотѣ́ли врáжî Ляхи́ срêбла-зло́та брáти,
А воли́ли Нечáенька въ дро̂бный мáкъ сѣкáти.

— Гей вы козаче́ньки, чи не були́ въ мѣстѣ?
Поклонѣ́тесь мату́сенцѣ й несчастно̂й невѣ́стцѣ!

Нехáй вонá, нехáй плáче, а вже́ не выплáче,
Ой надъ сы́номъ, надъ Нечáёмъ чо́рный во́ронъ кря́че.

Ой за малу́ хви́льку, за малу́ годи́нку,
Ой скакáла Нечáёва голо́вка по рынку. . . .

ОТРЫВКИ.

19.

О ПЕРЕБІЙНОСѢ.

Имя *Перебійноса* упоминается въ Исторіи въ числѣ сподвижниковъ Скалозуба. Но Перебійносъ, къ которому относится сей отрывокъ пѣсни, есть храбрый Максимъ *Кривоносъ*, убитый 1648 г. Подъ тѣмъ-же именемъ онъ воспѣвается въ другой пѣснѣ, которой, къ сожалѣнію, я у себя теперь не имѣю.

Ой луга́ми да берега́ми да зеле́ными вѣ́пы (141′):
Да засѣда́ютъ Ляхи́, да засѣда́ютъ паны́, Перебі́йно́са вби́пи.
А Перебі́йно́съ того́ й не гада́е,
Да ме́дъ вино́ попива́е.
Ой одсу́нувъ па́нъ Перебі́йно́съ поку́тьню ква-
ты́рку —
Ажъ гуля́ютъ Ляхи́, ажъ гуля́ютъ паны́, да по ёго́ ры́нку.

20.

Доко́ль ходи́ли по Украи́нѣ козаки́ зъ рога́ми,
Стоя́ли степы́, поля́ обло́га́ми;
Якъ яви́лися на Украи́нѣ попы́ въ ладо́вни́цяхъ:
Спа́ли у мужико́въ пироги́ на полицяхъ.

(141′) Вѣ́пы — вѣпвь.

21.

Да не бу́де лу́чче, да не бу́де кра́сче якъ у на́съ на Вкраи́нѣ:
Да нема́е Жи́да, да нема́е Ля́ха, нема́е Уни́и.

22.

(Въ Межибожѣ.)

Хо́дятъ слу́ги по поко́ю, вздыха́ютъ до не́ба:
Нема́ па́на Гетьма́на — розо̂йти́ся тре́ба.

23.

Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Коза́къ по́лемъ проѣзжа́е;
Ой вы́ѣхавъ кра̂й моги́лы
Кра̂й моги́лы Верхови́ны.
„Ты, моги́ло Верхови́но,
Чому́ ра́но не горѣ́ла?“
— Ой я ра́но не горѣ́ла,
Бо кро̂вцёю обкипѣ́ла. —
„Ой яко́ю?“ — Коза́цькою,
Полови́ну и зъ Ля́цькою. —

24.

У Гайси́нѣ вѣ́теръ ве́е, а въ Ума́нѣ ти́хо,
Въ Брайловѣ добра́ нема́, а въ Тульчи́нѣ ли́хо.

25.

Бере́зо, чому́ ты не зеле́на? —
Ой я́къ менѣ зеле́ною бу́ти:
По̂до мно́ю Тата́ры стоя́ли,
Копы́тами зе́млю грасова́ли,
Шабля́ми го̂лья позпына́ли. —

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

Былевыя пѣсни о временахъ послѣ Богдана до конца Гетьманщины (1764).

Такъ вѣчной пáмяти бувáло
У насъ въ Гетьмáнщинѣ колú-сь.

Котляревскій.

Замѣчаніе III.

Измѣны *Виговскаго*, *Брюховецкаго*, *Тетери* производили сильныя смятенія на Украинѣ по смерти Богдана (1657) въ цѣлое 10-лѣтіе, по истеченія коего (1667, Янв. 13) Заднѣпровская Украина отошла къ Полякамъ, а Запорожье признано было неутральнымъ. — Замыслы и ожесточенныя дѣйствія предпріимчиваго *Петра Дорошенка*, который завладѣлъ - было *обостороннею* Украиною, продолжили кровавыя междуусобія. Сіе мятежное тридцати-лѣтіе кончилось избраніемъ *Мазепы* (1687); но не легче для Украины было 22-лѣтнее Гетьманство сего измѣнника. Побѣдою Полтавскою Великій Петръ рѣшилъ судьбу Россіи и Украины: въ 1764 кончена Гетьманщина, и жизнь Малороссіи вошла въ общую жизнь Великой Россіи.

Въ теченіе сихъ 55 лѣтъ Гетьманами были (по счету Кіев. Синопс. 1823): 28й Иванъ Ильичь *Скаропадскій* съ 1708 по 1722; — 29й Павелъ Леонтьевичь *Полуботокъ*, съ 1722 г. бывшій Гетьманомъ Наказнымъ; — 30й Данило Павловичь *Апостолъ*, съ 1727 по 1734; — 31й Графъ Кириллъ Григорьевичь *Разумовскій* съ 1750 по 1764, скончавшійся 1803 Янв. 6 въ Батуринѣ, бывшемъ его Гетьманскою Резиденціей. Первымъ послѣ него правителемъ Малороссіи былъ Фельдмаршалъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій.

О ГРИЦЬКѢ САГАЙДАЧНОМЪ.

Гетьманъ *Петръ Дорошенко* дѣйствовалъ съ 1665 по 1676 годъ, умеръ 1698 г. Ноября 9, въ 113 верстахъ отъ Москвы Волоколамскаго уѣзда въ селѣ Ярополчѣ. — Подъ именемъ Хорунжаго, можетъ быть, разумѣется Григор. Карп. *Гамалѣя*. Забубённаго-же *Сагайдачнаго* не должно смѣшивать съ славнымъ Гетьманомъ Конашевичемъ.

26.

Ой на горѣ да женцѝ жнýть,
А по-пôдъ горóю,
По-пôдъ зеленóю
Козакѝ йдýть.

А попéреду Дорошéнько —
Ведéˊ своéˊ вôйсько,
Ведéˊ Запорôзське
Хорошéнько.

По серéдинѣ Панъ Хорýнжій —
Пôдъ нúмъ коничéнько,
Пôдъ нúмъ воронéнькій
Сúльне дýжій.

А позáду Сагайдáчный,
Що промѣнявъ жôнку
На тютю́нъ да лю́льку (142)
Необáчный.

(142) Тютю́нъ — табакъ. Лю́лька — трубка.

— Гéй верни́ся, Сагайда́чный!
Вôзьми́ свою́ жôнку,
Отда́й мою́ лю́льку,
Необа́чный!

„Менѣ́ зъ жôнкою не вози́ться;
„А тютю́нъ да лю́лька
„Козаку́ въ доро́зѣ
„Знадоби́ться!

„Гéй! хто въ лѣ́сѣ? озови́ся!
„Да вы́крешемъ о́гню,
„Да попя́гнемъ лю́льки —
„Не жури́ся! . . . .“

О КОЗАКѢ БАИДѢ.

27.

Полубасноловная пѣсня сія (изъ собр. *Ходак.*), кажется, относится къ временамъ Дорошенка, 1674. — Царь Турецкій — Магометъ IV.

А въ мѣстéчку слáвнôмъ Берестéчку
Ой пье Бáйда мéдъ да горѣлéчку;
Ой пье Бáйда да не дéнь, не два́,
Да не одну́ нôчку дай не годино́чку.
Царь Турéцькій къ ёму́ присила́е,
Бáйду къ собѣ́ пôдмовля́е:
— Ой ты, Бáйда, да славнéсенькій!
Будь менѣ́ лы́царь да вѣрнéсенькій,
Вôзьми́ въ мéне Царéвночку,
Будь пáномъ на всю Украйно́чку. —
„Твоя́, Цáрю, вѣ́ра прокля́пая,
Твоя́, Цáрю, дочка пога́ная!“

Ой кри́кнувъ Ца́рь на гайду́ки:
— Вôзьмѣ́ть Ба́йду до́бре въ ру́ки,
Вôзьмѣ́ть Ба́йду извяжѣ́те,
На га́къ (142) ребро́мъ зачепѣ́те. —

Ой висѝть Ба́йда да й не де́нь, не два́,
Да не одну́ нôчку, да й не годѝночку.
Ой висѝть Ба́йда, да й гада́е,
Да на свого́ хло́пця споглядáе,
Да на свого́ хло́пця молодо́го,
И на свого́ коня́ вороно́го.
„Ой ты, хло́пче молоде́сенькій!
Пода́й менѣ́ лучо́къ да тугéсенькій,
Пода́й менѣ́ лучо́къ
И стрѣлочо́къ пучо́къ:
Ой ба́чу я три голубо́чки,
Хочу́ я уби́ти для ёго́ до́чки.
Неха́й же я убью́ Царю́
Та на сла́вную вечерю́!“
Якъ стрѣли́въ — Царя́ уцѣли́въ,
А Цари́цю у поты́лицю, (143)
А ёго́ до́чку въ голово́чку.
„Отъ-то́ тобѣ́, Ца́рю, да за твою́ ка́ру:
Було́ тобѣ́ зна́ти, якъ Ба́йду кара́ти.
Було́ Ба́йдѣ го́лову изпя́ти,
Его́ тѣ́ло похова́ти,
Воронымъ ко́немъ ѣзди́ти,
Хло́пця собѣ́ зголуби́ти.“

(142) Крюкъ. (143) Затылокъ.

28.

Пѣсня сія сложена вѣроятно около 1687 г.

Зажури́лась Украи́на, що нѣ́гдѣ ся-дѣ́ти:
Вы́топтала Орда́ ко̂ньми усѣ́ мали̂ дѣ́ти.

Малы́хъ потопта́ла, стары́хъ поруба́ла,
А сере́дні̂и забра́ла, у поло́нъ погна́ла.

Ой служи́въ я тому́ Па́ну, Па́ну бусурма́ну;
А тепе́ръ служи́ти ста́ну Восто́чному Ца́рю!

Хо́дить Ляшо́къ по ры́ночку, ша́бельку выйма́е:
Коза́къ ёго́ не бои́тся, ша́пки не зни̂ма́е!

Ось Ляшо́къ до ша́бельки, а Коза́къ до дрю́ка:
Тепе́ръ тобѣ́, вра́жій сы́ну, зъ душо́ю розлу́ка.

ЧАЙКА.

29.

Въ лѣтописи Конисскаго пѣсня сія приписывается *Мазепѣ;* по мнѣнію Бантышъ-Каменскаго она сочинена *Кальнашемъ*, послѣднимъ Запорожскимъ Кошевымъ Атаманомъ.

Ой бѣда́, бѣда́ ча́йцѣ не́бозѣ (143′),
Що вы́вела дѣ́тки при би́то̂й доро́зѣ.

Киги́! Киги́! злетѣ́вши въ го́ру —
То̂льки втопи́ться въ Чо́рному Мо́рю!

(143′) Чайкѣ бѣдняжкѣ.

Жи́то поспѣ́ло, приспѣ́ло дѣ́ло;
Йду́ть женцѝ жа́ти, дѣпо́къ забѝра́ти.
Киги́! киги́! . . .

Ой дѣ́ти, дѣ́ти! де́ васъ, подѣ́ти?
Чи менѣ́ впопи́ться, чи зъ го́ря уби́ться?
Киги́! киги́! . . .

И кули́къ ча́йку взя́въ за чуба́йку!
Ча́йка киги́че: зги́нь ты, кули́че!
Киги́! киги́! . . .

А буга́й (144) *бугу́*! гне ча́йку въ дугу́:
Не кричи́ ча́йко, бо бу́де тя́жко!
Киги́! киги́! . . .

— Якъ не крича́ти, якъ не лѣта́ти:
Дѣ́тки мале́нькѝ — а я́ ѝхъ ма́ти!
Киги́! киги́! . . .

ПѢСНЯ О ГОРДѢЕНКѢ.

30.

Пѣсня о Гордѣенкѣ относится къ той осадѣ Полтавы, на которую вызвался Кошевой *Гордѣенко* въ 1709 г. — Съ Мая онъ производилъ ее въ теченіе $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, но исполнилъ не удачно, предваривъ тѣмъ Полтавскую битву 27 Іюля. — Въ это время разорена была *Сѣчь*.

Запоро́зцѝ небожа́та (144′)! пшени́ця не жа́та:
Ой по́йдѣ́те, огляді́те, пшени́цю зажнѣ́те.
Ой хочъ по́йдемъ огляда́ти — не бу́демо жа́ти!
Хвали́лися Запоро́зцѝ Полта́вы доста́ти.

(144) Буга́й — быкъ, здѣсь значитъ быкъ-птица, выпь.
(144′) Голубчики.

Ще Полта́вы не доста́ли, а вже Шве́дъ изда́вся;
На бѣ́дную голо́воньку Кошо́вый зоста́вся.

Ой уме́рла въ Кошово́го старе́нькая ма́ти,
Ой нѣ́кому Кошово́му пора́доньки да́ти.

Восто́чный Ца́рь на Вкраи́нѣ не до́йма́е ве́ры —
Посыла́е Голи́цына, щобъ не було́ змѣ́ны.

„Ой иди́-жъ ты, Голи́цыну, иди́-жъ ты горо́ю,
А я́ по́йду́ съ Москаля́ми услѣ́дъ за тобо́ю.“

ПѢСНЯ О МАЗЕПѢ.

Пѣсня сія, какъ видно, сложена около 1710 года, вскорѣ послѣ того, какъ окончились вѣроломные замыслы Мазепы, и признана невинность погибшихъ отъ него Кочубея и Искры. Говорятъ, что къ нимъ относится пословица: *Зня́вши го́лову по воло́сьямъ не пла́чуть.*

31.

Мазе́по Гетьма́не, израдли́вый Па́не!
Зле́е почина́ешъ, съ Шве́домъ накла́да́ешъ
И на Царя́ Восто́чного ру́ки по́до́йма́ешъ.

По́дня́въ еси́ Орду, изроби́въ трево́гу! —
А при то́й измѣ́нѣ бувъ Кочубе́й да Искра:
По́шли-жъ воны́ съ-по́дъ Полта́вы (*) да до Царя́ зни́шка.

А Царь ве́ры не до́ня́въ, до Мазепы одосла́въ:
Скоро́-жъ и́хъ Мазе́па взрѣ́въ — ба́рзо звесели́вся;
А Кочубе́й изъ Искрою слёза́ми обли́вся.

Усѣ́ Паны́ Сенато́ры, усѣ́ бенке́пъ ма́ли;
Кочубе́я-жъ изъ Искрою ба́рзо забува́ли.

(*) Здѣсь говорится о первой ихъ попыткѣ къ доносу.

Тôльки ты́ ихъ не забу́въ, Миргоро́дскій Пане (*),
Що Кочубе́й изъ Искрою за Вкраи́ну спа́ли! —

У Кіевѣ на Подо́лѣ пору́баны гру́ши;
Погуби́въ-же пе́съ Мазе́па неви́нныя ду́ши!

Ой вы́горѣвъ весь Бапу́ринъ, зо́ста́лася ха́та (**);
Да вже́-жь твоя́, псе Мазе́по, и душа́ прокля́та.

Бу́въ у те́бе, псе Мазе́по, оди́нъ хло́пець Не́мецъ.... (***)
По́шло́-жь твое́, псе Мазе́по, усе́ добро́ ни́вець! (145)

ПѢСНЯ О ВЫХОДѢ НА ЛИНІЮ.

Въ 1761 году 20,000 Козаковъ и 10,000 Малорос. крестьянъ были посланы для дѣланія линіи между Днѣпромъ и Донцомъ.

32.

У Глу́ховѣ у го́родѣ у всѣ дзво́ны дзво́нютъ;
Да вже на́шихъ коза́ченько́въ на ли́нѣю го́нютъ.

У Глу́ховѣ у го́родѣ стрѣльну́ли зъ гарма́ты;
Не по одно́мъ коза́ченьку запла́кала ма́ти.

(145) Ни́вець — ни-во-что́. Ни́вечить — портить, ничтожить. Ницъ — ничто.

(*) Кажется, Мирг. Полковникъ *Апостолъ*, послѣ бывшій Гетьманомъ.

(**) 1708 Г. въ Октябрѣ Князь Меншиковъ осадилъ Батуринъ, великолѣпную резиденцію Мазепы, разорилъ и сжегъ его до основанія; на мѣстѣ онаго было только нѣсколько *хатъ*, до 1750 г., когда избранный въ Гетьманы Каммергеръ Графъ К. Г. Разумовскій захотѣлъ перевести Гетьманскую резиденцію изъ Глухова опять на прежнее мѣсто.

(***) Капитанъ Сердюковъ *Кенигсенъ*.

У Глу́ховѣ у го́родѣ стрѣ́льну́ли зъ ручни́цѝ;
Не по одно́мъ коза́ченьку пла́кали сестри́цѝ.

У Глу́ховѣ у го́родѣ попле́тены сѣ́тки;
Не по одно́мъ коза́ченьку заплака́ли дѣ́тки.

На бы́строму на о́зерѣ — гетьпла́вала ка́чка (146);
Не по одно́мъ коза́ченьку пла́кала коза́чка. —

У Гри́цьковѣ огнѝ горя́ть, а въ По́лта́вѣ ды́мно;
На мо́гилѣ Ге́тьманъ сиди́ть — гетьма́мъ ёго́ ви́дно!

Допевня́йся-жъ (147), нашъ Гетьма́не, допевня́йся пла́ты!
Якъ не бу́дешъ допевня́ти, бу́демо втѣка́ти.

Ой идѣ́ть-же вы, пано́ве, до Петра́ до сва́та —
Ой тамъ бу́де вамъ, пано́ве, вели́ка запла́та:
По за́ступу у ру́ченьки, да ще́ и лопа́та! . . .

Сиди́ть коза́къ на моги́лѣ, соро́чку лата́е, (148)
Ой ки́нувся до черешка́ — копѣ́йки нема́е.

Сиди́ть пу́гачъ (149) на у́бочу, на вѣ́теръ наду́вся:
Иде́ коза́къ въ Украи́ну, на ли́хо здобу́вся.

Ишо́въ коза́къ на ли́нѣю да й ве́льми наду́вся,
Ишо́въ коза́къ изъ ли́нѣи — якъ ли́хо зогну́вся.

(146) Утка. (147) Домогайся. (148) Починяешъ, кладешъ заплаты. (149) Филинъ.

ПѢСНЯ О ПАЛѢѢ.

Палѣй, по кознямъ Мазепы (см. Дума X), сосланъ въ Енисейскъ 1704 г., откуда возвращенъ въ 1708 г.; умеръ въ Декабрѣ 1709 г.

33.

Высóко сóнце захóдить, низéнько ложúться,
Ой дé-сь то пáнъ Палѣй Семéнъ тепéра журúться?

Высóко сóнце захóдить, низéнько захóдить,
Ой дé-сь то пáнъ Палѣй Семéнъ по Сибúру брóдить!

„Ой чýро, мôй чýро, мôй вѣрный Стоýсю!
Ой ходѣмо у каплúцю (150), Богý помолúся!

Ой Бóговî помолúся, Свящѣмъ поклонúся. . .
Зледащѣвъ-же я понýрый, старéнькимъ здаúся!

Старéнькимъ здаúся, молúться мýшу:
Хай мúлуе Милостúвый мою грѣшну дýшу!“

Ой напягнýвъ ёмý чýра да сѣрую свúпу,
Да дáвъ ёмý да у рýку êлóвую вѣпу.

Пôйшóвъ пáнъ Палѣй Семéнъ Бóговî молúться,
Не то Бóговî молúться, а не тó журúться.

Прійшóвъ пáнъ Палѣй до-дóму, да й сѣвъ у намѣтѣ,
На бандýрцѣ выграва́е: „Лихо жúти въ свѣтѣ!

Тóй, дýшу заклáвши, свúпу бáчъ гаптýе; (151)
А тóй по Сибúру — мовъ въ лýзѣ дубýе.“

(150) Часовня. (151) Гаптова́ти — шить серебромъ.

ПѢСНЯ О СТЕПАНѢ ЖАДЧЕНКѢ.

Можетъ быть, относится къ 1736 г.

34.

Ой хто́ въ Крыму́ не буна́въ,
То́й и ди́ва не вида́въ;
А мы́ въ Крыму́ бува́ли,
Мы́ тамъ ди́во вида́ли.

Переко́пськiй комендантъ
Запоро́зьцямъ дае́ зна́ть:
— Ой го́дѣ-жъ вамъ, Запоро́зьцi,
Въ Каланта́ѣ пробува́ть,

Ой ходѣ́мо на Ялы́ (?)
Коза́ченько́въ ряпова́ть. —
Запоро́зьцi якъ по́шли́:
Впере́дъ го́лову найшли́;

А въ Жадче́нка Степа́на
Облу́плена голова́,
Въ Моско́вського копита́на
Спи́на обо́дра́на.

Лежа́ть на́ши коза́ченьки
Якъ бѣле́ньки́и смычки́;
А въ Жадче́нка у Степа́на
По-за но́гтями спички́.

ПѢСНЯ О ПИКИНЕРАХЪ.

(къ 1738 г.)

Пикинеры — особые полки, изъ Малороссіянъ вербованные.

35.

Ой надъ Бу́гомъ надъ рѣко́ю, на Туре́цькой грани́цѣ,
Тамъ стоя́ли пикине́ры, зъ ни́ми компане́йцй.

Зеле́нои Недѣ́лоньки Орда́ наступа́е:
Гей, пано́ве, уступѣ́мо! запа́су не ма́е.

— Ой чого́-жъ намъ уступа́ти, чого́ боемо́ся?
Ой хочъ Орды́ бага́то йде́, мы е́й не дамо́ся! —

Иде́ Орда́ изъ-за Га́рда мно́го зъ прапора́ми: (153)
Наложѣ́те-жъ, пикине́ры, от-ту́тъ голова́ми!

Иде́ Орда́ изъ-за Бу́га, и въ Бу́гъ не зноби́тся;
Ста́ли бѣ́дни́ пикине́ры въ Бугъ-рѣку́ топи́ться.

Иду́ть батьки́ и матери́ да сыно́въ пита́ють...
— Да вже́, батьки́, ва́шихъ сыно́въ орлы́ доглада́ють!

Не захотѣ́ли ва́ши сыны́ въ пикине́рахъ служи́ти,
Сѣ́ли собѣ́ слободо́ю надъ Бу́гомъ-рѣко́ю! —

Погорѣ́ли степы́, поля́ и зеле́ни́ байра́ки,
Иду́ть зъ во́йська у городы́ го́лыи коза́ки.

(153) ра́поръ — знамя, оттуда Прапорщикъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Кистринъ и Гостинъ, упоминаемые въ сихъ пѣсняхъ — не суть ли Хотинъ?

36.

Ой на мо́рѣ, на мо́рѣ сине́нькомъ,
Тамъ пла́вала бѣ́ла лебе́донька
Изъ мале́нькими лебедя́тами.
Де́ ся-взя́въ сизопе́рый оре́лъ,
Ставъ лебе́дку би́ти й забива́ти,
Ста́ла лебе́дка до ёго промовля́ти:
Ой не бій мене́, сизопе́рый о́рлоньку,
Скажу́ тобѣ́ всю щи́рую (154) пра́вдоньку:

„Якъ у то́мъ мѣ́сцѣ у Кистри́нѣ
Да бье́тся Орда́ уже́ три́ дни́,
Бье́тся вона́ три́ дни́ й три годи́ны,
Розби́лася вона́ на три́ полови́ны.
Течу́ть рѣчки́, да все́ крова́вы,
Чере́зъ тѣ́ рѣчки́ мо́стять мосты́,
Мо́стять мосты́, да все́ голо́вками,
Голо́вками, да все́ Моско́вськими.“

(154) Щи́рый — истинный, настоящій; также чистый, ревностный, роскошный (дерево, цвѣтокъ).

37.

Ой ма́ла вдова́ сы́на сокола́,
Вы́годовала, въ во́йсько оддала́.
Ой ста́рша сестра́ коня́ съдла́ла,
А середу́ща ху́стку (155) кача́ла,
А наймоло́дша выпроважа́ла,
А ма́ти ёго́ выпыпова́ла:
— Сы́ну мо́й, коли́ прі́ѣдешъ до на́съ? —
„Тоди́ я, не́не, прі́ѣду до ва́съ,
Якъ па́вине пе́рья на-спо́дъ потно́не,
А млино́вый (156) ка́мѣнь на-ве́рхъ вы́плине!“
Вже-жъ млино́вый ка́мѣнь на-ве́рхъ вы́плинувъ,
Вже й па́вине пе́рья на-спо́дъ потону́ло,
А ще мого́ сы́на зъ Гостина́ не ви́дно!
Вы́йшла на го́ру: — ой всѣ полки́ йду́ть,
То мого́ сы́на ко́ника веду́ть! —
Пыта́ла вона́ всеи́ старшины́:
Чи не ба́чили сы́на со́кола? —
— „Чи не то́ твій сы́нъ, що сѣмъ полко́въ вби́въ,
За во́сьмымъ полко́мъ голо́вку зхили́въ?
Зозу́ля лѣта́ла надъ ни́мъ куючи́,
А ко́ники ржа́ли его́ везучи́,
Коле́са скрипѣ́ли по́дъ ни́мъ копючи́сь,
Слу́женьки пла́кали за ни́мъ иду́чи!“

---

(155) Платокъ. (156) Мельничный. Млинъ — мельница.

ОТРЫВОКЪ.

Ой бѣда́, о́рлику, ка́мѣнь скуе́.
А по Днѣпру́ що по Днѣпру́ молоды́й Коза́къ плыве́.
Молоды́й, коза́къ Ота́манъ Случа́й.
— Якъ сы́кне Тапарю́га, що хо́чъ одвѣча́й.
Що хо́чъ одвѣча́й, хочъ прикмѣ́ты карбу́й,
Хочъ зло́го Тапарю́гу и хло́пцй вербу́й!

О *Случаѣ* — см. пѣсню 14 (во 2 отдѣлѣ).

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ IV.

Былевыя пѣсни послѣ Гепьманщины.

Заднѣпровскія.
Запорожскія.
Малороссійская.
Черноморскія.

КІЕВСКІЙ МУЗЕЙ ИМП. НИКОЛАЯ II

Замѣчаніе IV.

Для надлежащаго уразумѣнія пѣсень сего отдѣла, надобно припомнить, что послѣ 1764 г., когда собственно такъ называемая *Малороссія* слилась уже въ одну общую жизнь Россіи и населялся край *Новороссійскій*, — *Заднѣпровская* часть Украины оставалась еще не возвращенною къ Россіи, а *Запорожцы* составляли холостую козацкую вольницу, гнѣздившуюся въ Сѣчи.

Въ Заднѣпровьи въ то время произошли кровавыя распри между Козаками и Поляками, по поводу новыхъ утѣсненій за Религію и вольностей Жидовскихъ, до чрезвычайности изнурявшихъ народъ. Въ этихъ распряхъ принимали сильное участіе Запорожцы, кои при томъ безпокоили Малороссію и край Новороссійскій. Конецъ такимъ безпорядкамъ положенъ разрушеніемъ Сѣчи (1775) и присоединеніемъ Заднѣпровской Украины къ Россіи (1794). — Большая часть Запорожцевъ осталась въ Россіи, и изъ нихъ составилось (1788) храброе войско *Черноморскихъ козаковъ*; нѣкоторая же часть ихъ тогда перешла на Дунай, — но кому не извѣстенъ похвальный поступокъ Дунайскихъ козаковъ и начальника ихъ, въ послѣднюю Турецкую кампанію?

И такъ, въ семъ отдѣлѣ можно болѣе или менѣе различать, какъ разные памятники прошедшихъ событій, пѣсни: собственно - *Малороссійскія*, *Заднѣпровско - Украинскія*, *Запорожскія*, *Черноморскія* и — пѣсни козаковъ, бывшихъ на Дунаѣ, коихъ хотя и не имѣю еще, но увѣренъ, что они есть; мнѣ извѣстно также, что у Черноморцевъ есть историческія пѣсни, относящіяся къ новѣйшимъ событіямъ, но я не имѣлъ еще случая достать ихъ.

ЗАДНѢПРОВСКІЯ. (*)

Харько́, *Желѣзня́къ* и особенно *Го́нта* были главными лицами, а *рѣзня въ Умáньщинѣ* (1770) разительнѣйшимъ дѣйствіемъ кровавой Драмы, происходившей тогда въ Заднѣпровской Украинѣ.

ПѢСНЯ О ХАРЬКѢ.

Сотникъ *Харько* убитъ въ Маѣ 1666 г. — по словамъ пѣсни въ *Морозовцѣ на мостѣ;* а по книгѣ Бантышъ-Каменскаго *объ Уніи* — въ Жабошинѣ, въ конюшнѣ, Харьку отрубили голову, по приказанію Рейменшаря. — *Улановъ* между Бердичевомъ и Пилявою, въ Волын. губерніи. — Куплеты 2 и 3й прибавлены по другому списку.

38.

Ѣхавъ Со́тникъ чере́зъ Ула́никъ, горѣлки напи́вся,
За ни́мъ, за ни́мъ сѣмсо́тъ мо́лодцо́въ: — спо́й, ба́тьку! не жури́ся.

Ѣхавъ Со́тникъ чере́зъ Ула́никъ, на вы́ечко похили́вся:
Ой чо́мъ-же ты, Па́не-Со́тнику, ой чо́мъ зажури́вся?

„Якъ же менѣ, Паны-мо́лодцѝ ой я́къ не жури́ться;
Коли́ по́до́ мно́ю була́ный ко́ню и ржѐ й стано́ви́ться!

(*) Пѣсни сіи собраны *Ходаковскимъ*, всѣхъ 10, и еще слѣдующій отрывокъ, относящійся къ 1667 году:

Гей одь Ви́слы да до Кіева проби́тыи шляхи́:
Завладѣли неправди́во кра́емъ на́шимъ Ляхи́.

Якъ-же менѣ, паны-молодцй, ой якъ ся не журити:
Ой засѣдае городовый Сотникъ, да хоче менѣ вбити! . . .“

Ой заржавъ-же вороный коникъ въ станѣ на помостѣ;
А вжѣ вбито Харька Сотника въ Морозовцѣ на мостѣ.

Ой летить крячокъ черезъ байрачокъ да й жалобненько кряче;
Стоить Сотничка зъ Полковникомъ да и жалобненько плаче:

— Ой бог-дай же ты, Полковнику, да наложивъ головою,
Що ты менѣ молоденькую да нарядивъ вдовою!

ПѢСНЯ О ЖЕЛѢЗНЯКѢ.

Кромѣ Полковника *Максима Желѣзняка* и Уманскаго Сотника *Гонты*, здѣсь открываются еще для Исторіи Жаботинскій Сотникъ *Мартынъ Бѣлуга*, Смѣлянскій Сотникъ *Шило*, Уманскій Козакъ *Дзюма*. — Донской козакъ не есть ли Тименко?

39.

Максимъ Козакъ Желѣзнякъ зъ славного Запорозья
Процвѣтае на Вкраинѣ якъ въ городѣ рожа.

Розпустивъ войсько козацькее въ славномъ мѣстѣ Жаботинѣ —
Гей розлилась козацька слава по всей Украинѣ!

Гей, Максúме Полкóвнику, ты слáвный воúну!
Гей вúпусти зъ Жабопúна хочъ Лáцьку дипúну.

Максúмъ Козáкъ Желѣзнáкъ лúсты одбúрáе,
Усѣхъ Ляхôвъ изъ Жидáми до-кýпы абúрáе.

Изôгнáвши усѣхъ Ляхôвъ зъ Жидáми до-кýпы,
Оддáвъ Лáха Губернáтора да Бѣлýзѣ въ рýки.

Бѣлýга Мартúнъ Жабопúнський да по рúночку хóдитъ,
Свогó Пáна Губернáтора за собóю вóдитъ.

И вóдючи за собóю да й до ёго кáже:
— Не одногó тепéръ Лáха головá заляже! —

Гей якъ вúйшовъ Сóтникъ Смѣлáнькій зъ своúми Козакáми,
Ступáй, ступáй, Шúло Сотнúку, въ Богуслáвъ изъ нáми!

А въѣхали въ Богуслáвъ да въ сéреду врáнцѣ,
Накúдали въ тôй годúнѣ Жидôвъ пóвнî шáнцî.

Дзюма Козáкъ Умáньскій конéмъ пріѣзжáе,
До Умáня Желѣзнякá зъ собóю пôдмовляе:

Гей, Максúме Полкóвнику, ты бáтьку козáцькій!
Гей не впечé изъ Умáня нáвѣтъ (157) и дýхъ Лáцькій!

Пôдъ Умáнемъ слáвнымъ мѣстомъ велúкіи крýчи;
Гей помлѣли Умáньчики Запорóзьцêвъ ждýчи.

Гóнта Сóтникъ Умáньскій по-мѣжъ вôйськомъ хóдитъ,
Изъ Максúмомъ Желѣзнякóмъ черéзъ лúсты говóритъ.

(157) Нáвѣтъ — даже.

А въ недѣлю рáно стáли да у дзвонú бúти;
Гей ставъ Гóнта зъ козакáми пôдъ Умáнь пôдходúти.

Въ понедѣлокъ перéдъ обѣдомъ изъ гармáтъ загýли,
А въ вôвтóрокъ ищé рáньше Умáня добýли. . .

Хвалúлися Умáньчики пôдъ Умáнь идýчи:
Бýдемъ дрáти, панú-мóлодцй, зъ китáйки онýчи. —

Гей, якъ вúйшовъ Донськúй козáкъ зъ-за Гóстроимогúлы,
Утêкáли Умáньчики, шпанú погубúли.

Максúмъ Козáкъ Желѣзнякъ зъ лáгря вúѣзжáе,
Перéдъ Донськúми козакáми, и стрáху не мáе.

Ступáй, ступáй, Желѣзняку́! гóдѣ вже гулятú:
Пôйдемъ въ Кúевъ въ Печéрськее Бóгу роботáти!

И говóритъ Максúмъ Козáкъ, сúдючи въ невóлѣ:
Не бýдутъ мать врáжй Ляхú на Вкраúнѣ вóлй.

Течýтъ рѣки зъ всегó свѣту до Чóрного Мóря:
Минýлася на Вкраúнѣ Жидôвская вóля!

ПѢСНЯ О ГОНТѢ И КОТОВИЧѢ.

(Относится къ 1770 г.)

40.

Да стоявъ, стоявъ Сóтникъ Гóнта, въ степý при недѣлй;
Наѣхали Смѣлянчики, да вôнъ ся ймъ звѣривъ.

— Гóдѣ, гóдѣ, Сóтнику Гóнта, у степý стоятú;
Ходú зъ нáми Козакáми Умáнь грабовáти! —

„Ой я́къ менѣ́ паны́-мо́лодцѝ, Ума́нь грабова́ти,
И на свого́ па́на - ба́тька ру́ки по́до́йма́ти?“ —

Ой гуля́йте Ума́ньчики не бо́йтесь нѣчо́го:
Вы́вѣшали Гайдама́ко́въ въ Пяти́горахъ мно́го!

Да повѣ́сили Кото́вича на зеле́но́мъ ду́бѣ; —
Пріѣ́хала ёго́ сестра́ живото́вѝ лю́ба.

Да незли́ченѝ черво́ньцѝ да въ запо́льи но́ситъ,
Хороше́нько Рейме́нтаря кла́няючись про́ситъ:

— Да дозво́ль, Па́не Рейме́нтарю, черво́ньцѝ забра́ти,
Мого́ бра́та Кото́вича зъ ши́бенице́ѝ зня́ти. —

Да дозво́ливъ Панъ Рейме́нтарь, черво́ньцѝ забра́ти;
Не дозво́ливъ Кото́вича зъ ши́бенице́ѝ зня́ти.

ПѢСНЯ О ГОНТѢ.

(Къ 1770 г.)

41.

Збунтова́лась Украи́на, попы́ и дяки́;
Поги́нули на Вкраи́нѣ Жиды́ й Поляки́.

Прилетѣ́ли на Вкраи́ну изъ За́паду гу́си,
Поги́нули на Вкраи́нѣ неви́нныи ду́ши.

Поги́нули Депута́ты шляхе́тнои вро́ды,
На́вѣтъ та́я дро́бна шля́хта, ты́и хлѣборо́бы.

О Бо́же мо́й несконче́ный! що́ ся тепе́ръ ста́ло:
Якъ то вѣ́ра, такъ то вѣ́ра, а ми́лостѝ ма́ло!

О Бо́же мо́й нескончёный! диви́тися го́ре,
Що тепе́ра, на сёмъ све́тѣ, ве́ра ве́ру бо́ре!..

О Бо́же мо́й нескончёный! въ на́съ такъ не веде́ться.
Памята́йте, бунтовники́, ва́мъ то не мине́тся!

Ма́ли паны́ на Вкраи́нѣ до́бри́ оборо́нцѝ,
Зве́рилися Со́тниковѝ, Ума́нському Го́нтѣ.

Ма́ли паны́ на Вкраи́нѣ ду́же до́брый тру́нокъ:
Паны́ ты́и розу́мныи даду́ть собѣ ату́нокъ.

Паны́ те́е зрозуме́вши, зго́ду учини́ли:
По́дки́нувшись по́дъ Ума́нь, Го́нту изложи́ли.

Воны́-жъ его́ на-самъ-пе́редъ ба́рзо привѣта́ли,
Чере́зъ сёмъ дне́й зъ его́ ко́жу по-по́ясъ здира́ли.

И го́лову облупи́ли, со́лью насоли́ли,
По́то́мъ ёму́ якъ че́стному наза́дъ положи́ли.

Панъ Рейме́нтарь похожа́е: — дивѣ́теся, лю́де!
Хто́ ся то́льки збунтова́въ, то всѣмъ те́е буде! —

ЗАПОРОЖСКІЯ.

Запорожцы просили Императрицу Екатерину о возвращеніи мнимыхъ своихъ земель въ Новороссійской Губерніи: по поводу чего, грамотой 1774 г. 22 Мая, и повелѣно было прислать имъ нарочныхъ Депутатовъ. Послѣ сего они замыслили своевольно завладѣть землями Запорожскими по Бугъ и землею Донскою, препятствовали поселенію Сербовъ, переманили - было землепашцевъ Малороссійскихъ до 50,000. Сіи и другіе ихъ непозволительные поступки, изъясненные въ Манифестѣ 1775 3 Авг., заставили Государыню *разрушить Сѣчь Запорожскую*, повелѣніемъ 1775 г. 4 Іюня, даннымъ Генералъ-Поручику Текелію.

42.

(Къ 1775 г.)

Да встáнь, Харькý! да встáнь, бáтьку! годѣ вже
намъ спáти:
Ой ходѣмо до Царúцѝ мúлостѝ прохáти.
Ой Царúце, нáша Мáти! змúлуйся надъ нáми:
Ой дáй-же намъ прéжнѝ степы́ зъ тéмными лугáми!
— Не дозвóлю Запорóзцямъ степóмъ обладáти,
Да прикажý Москалéвѝ всю Сѣчь розоря́ти! —
Ой хóдитъ нашъ Панъ-Кошóвый, шабéльку стискáе,
Такúй-жъ бо вонъ Москалéвѝ вѣры не дóймáе:

„Ой хто хóче зъ шабелькáми, а мы́ зъ кулакáми —
Нехáй пóйде нáша слáва, по-мѣжъ козакáми!“

43.

(Къ 1775 г.)

Изъ-за горы́, зъ-за Лимáну вѣтеръ повѣвáе,
Да вжéжъ Москвá Запорóзья кругóмъ обступáе.
Ой облягла́, обступúла, да въ гóродъ вступúла,
Москóвськими знамéнами гóродъ закрасúла.
Пóшла́ Москвá по курѣнямъ запáсу збúрáти . . .
Ой набрáли срéбла-злóта, да й стáли гадáти:
Ой я́къ бы намъ, мúлѝ-брáтья, Запорóзья взя́ти? —
Взялú сóтню Кошовóго й Пúсаря Полкóвого:
Щобъ не булó Запорóзья пóки свѣта сёго! —
Ой покры́лось Запорóзье густы́ми лозáми,
Да вмы́лися Москáлики дрóбными слéзáми!

ГАЛКА.

Пѣсня по разрушеніи Запорожской Сѣчи: не ее ли должно отнести къ Кошевому Кальнашу? (см. *Чайка* на стр. (108.)

44.

Ой полети́, полети́, да чо́рная га́лко, да на До̂нъ ры́бы ѣ́сти,
Ой принеси́, принеси́, да чорная га́лко, одъ Кошово́го вѣ́сти!

— Да вже́-жъ менѣ́ не лѣта́ти на До̂нъ ры́бы ѣ́сти,
Да вже́-жъ менѣ́ не носи́ти одъ Кошово́го вѣ́стй! —

Ой вы Запоро́зцй, о́й вы молоды́и!
Повдава́лись о̆ди́нъ въ одно́го, якъ бра́тья ро̂дны́и.

Ой вы Запоро́зцй, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши ко́нй?
— На́ши ко́нй въ Па́на на приго́нѣ, сами́-жъ мы въ невóлѣ! —

Ой вы Запоро́зцй, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши у́зды?
— На́ши у́зды въ ко́ней на зану́здѣ, сами́-жъ мы у ну́ждѣ! —

Ой вы Запоро́зцй, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши спи́сы?
— На́ши спи́сы у Па́на у стрѣ́сѣ (158), сами́-жъ мы у лѣ́сѣ! —

(158) Стрѣ́ха — крыша изъ тростнику, или соломы.

Ой вы Запорóзцй, óй вы молодыи! дé-жъ вáши ручни́цй?
— Нáши ручни́цй у Пáна въ свѣтли́цѣ, сáми-жъ мы въ темни́цѣ! —
Ой вы Запорóзцй, óй вы молодыи! дé-жъ вáши лу́ки?
— Нáши лу́ки побрáли гайдýки, сами́-жъ мы въ розлу́кѣ! —
Ой вы Запорóзцй, ой вы молодыи! дé-жъ вáши жупáны?
— Нáши жупáны поноси́ли Пáны, сами́-жъ мы пропáли! —
Ой полети́, полети́, да чóрная гáлко, да на Дóнъ рыбы ѣсти!
Ой принеси́, принеси́, да чóрная гáлко, одъ Кошовóго вѣстй!“
— Да вже-жъ менѣ не лѣтáти на Дóнъ рыбы ѣсти,
Да вжé-жъ менѣ не носи́ти одъ Кошовóго вѣстй! —

ПУГАЧЪ.

45.

Ой спáвъ пýгачъ на могúлѣ, да й крúкнувъ вóнъ: пýгу!
Чи не дáсть Богъ козáченькамъ хочъ тепéръ потýгу! . . .
Що дéнь, що нóчъ — усé ждемó . . . пожúвы не мáемъ:
Давнó булá! Хмельни́ченька ужé не згадáемъ!
Ой колú-сь мы воёвáли, да бóльше не бýдемъ! . . .
Того́ счáстя й тóи долú — повѣкъ не забýдемъ!
Да вжé шáблй заржáвѣли, мушкéты — безъ кýркóвъ,
А щé сéрдце козáцькее не боúтся Тýркóвъ!

ЛАНСКІЙ РОГЪ.

Гдѣ именно находится это мѣсто — не знаю.

46.

По доли́нѣ волы́ реву́ть: ой чому́-жъ то не ко́нѣ ржу́ть —
Ко́нѣ вороны́и, ко́нѣ выпряжны́и!

Ой колись-то ко́нѣ, ко́нѣ... по Крымсько́й доро́зѣ;
То́-то було́ сча́стье, до́ля у Ла́нському ро́зѣ! . . .

А въ Ла́нському ро́зѣ я́воръ похили́вся:
Ой Тапа́ринъ тя́жко-ва́жко ве́ртью закрути́вся.

Чи въ тебе, Тапа́рине, горѣ́лонька увъ очи́хъ запѣ́ла?
Чи въ тебе, Тапа́рине, голо́воньку ча́ра заломи́ла?

ПѢСНЯ О СЕРБИНѢ.

47.

Ой Се́рбине, Се́рбине! поки́нь сербова́ти,
Возьми́ се́рпъ, да йди́ въ спе́пъ пшени́ченьку жа́ти.

— Бо-да́й-же ты, дѣвчи́нонько, того́ не дожда́ла,
Да що́-бъ моя́ бѣ́ла ру́чка пшени́ченьку жа́ла. —

Сербинъ былъ гайдамакою; въ Харьковской Губерніи осталось объ немъ много преданій, и урочище *Се́рбинъ Яръ*. Во второй части есть у меня прекрасная пѣсня:

Ой Се́рбине, Серби́ночку,
Сва́пай мене́ дѣвчи́ночку! . . .

Другая пѣсня начинается такимъ портретомъ Сербина:

Чомъ Се́рбина не люби́ть, чи мо́жъ не хоро́шій:
Очи си́нѣ якъ у жа́бы, са́мъ на чо́рта схо́жій. . .

Впрочемъ это, можетъ быть, относится и просто къ какому-нибудь Сербу, изъ числа поселенныхъ въ Новой Сербіи. Любопытно-бы найти пѣсни о Гаркушѣ — гайдамакѣ, который столь грозно славился въ Украинѣ лѣтъ десять, начиная съ 1770 г., и о которомъ покойный Орестъ Михайловичь Сомовъ (подъ именемъ П. Байскаго) писалъ прекрасныя повѣсти.

Вотъ отрывокъ, относящійся къ Гаркушѣ:

А Гарку́ша до́бра ду́ша на шляхъ погляда́е,
Свою́ лю́бу Горпи́ницю выжида́е.

ЛИМАНЪ.

48.

(Отрывокъ.)

У ни́зъ иду́ — вода́ несе́;
Зъ ни́зу иду́ — бѣда́ жене́.
Жалку́ется Лима́нъ Мо́рю,
Що Днѣпръ ро́битъ свою́ во́лю:
Сво́й го́рла прочища́е,
Лима́новѣ закида́е . . . .

МАЛОРОССІЙСКІЯ.

49.

Относится ко времени Очаковской битвы (1788).

Збі́ра́лися комиса́ры по́дъ ца́рськи́ пала́ты,
Пи́шуть ли́сты на Вкраи́ну по́дъ арши́ны бра́ти.
Написа́ли на Вкраи́нѣ вдо́винаго сы́на:
Ой по́жъ коза́къ уродли́вый, дохо́дить арши́на.
Ой заче́ре-жъ стара́ не́нька, Ивасёва ма́ти:
„Ой де́-жъ тебе́, мо́й сы́ноньку, я ма́ю схова́ти!“
— На що́-жъ мене́, матю́сенько, ты ма́ешъ хова́ти,
Бу́ду тобе́ изъ столи́ци́ черво́нныи сла́ти! —
„На що́-жъ мене́, мо́й сы́ноньку, черво́нныи пивои́?
Що не́кому похова́ти голо́воньки мене́!“
— Похова́ютъ, моя́ не́не, тебе́ до́бри́ лю́ди,
Ой якъ мене́ молодо́го до те́бе не бу́де. —
Вдо́винъ сыно́къ вдови́ченко коня́ напова́е;
Его́ не́нька стаpе́сенька въ во́кно́ поглядае.
Вдо́винъ сыно́къ вдови́ченко ко́ника сѣдла́е;
Его́ не́нька стаpе́сенька сильне́нько рыда́е.
Вдо́винъ сыно́къ вдови́ченко на коня́ сѣда́е;
Его́ не́нька стаpе́сенька кры́жемъ упада́е.
Вдо́винъ сыно́къ вдови́ченко зъ двора́ выѣзжа́е;
Его́ не́нька стаpе́сенька за спреме́нъ хапа́е. . .
Ой въ го́родѣ въ Оча́ковѣ вда́рили изъ лу́ка:
Да вже́-жъ тобѣ, вдо́винъ сы́ну, зъ ма́тѣрыо розлу́ка.
У го́родѣ въ Оча́ковѣ вда́рили зъ гарма́ты:
Уже́-жъ тобѣ, вдо́винъ сы́ну, ма́тки не вида́ти!

ЧЕРНОМОРСКІЯ.

Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Потемкинъ-Таврическій составилъ изъ Запорожцевъ охотное войско, подъ именемъ *Черноморскихъ Козаковъ*. Они оказали отличную храбрость при взятіи Очакова и Березани (1788) подъ предводительствомъ Кошеваго *Чепѣги*, а свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ былъ пожалованъ титуломъ ихъ *Гетьмана*. — Въ 1792 г. Черноморцы поселены на островѣ Таманѣ.

50 (*).

Сложена и пѣта на праздникѣ 15-го Августа 1792 г., по случаю полученія грамотъ Царскихъ, привезенныхъ въ Черноморскій Кошъ Войсковымъ Судьею *Головатымъ*.

Головатый извѣстенъ какъ поэтъ: онъ сочинилъ *Вѣрщу, говоренную Потемкину Запорозцями на Велйкъдень* (Христо́съ воскре́съ, радъ ми́ръ уве́сь. . . .); ему же приписываютъ и эту пѣсню. Онъ, съ отцемъ и дѣдомъ своимъ, извѣстенъ въ Малороссіи еще подъ именемъ *Трехъ Антоновъ*.

Ой го́дѣ намъ жури́ппися, пора́ переста́пи:
Дожда́лися одъ Цари́цѝ за слу́жбу запла́пы!

Дала́ хлѣ́бъ-е́олъ и гра́моты за вѣ́рныи слу́жбы;
Опъ-тепе́ръ мы, ми́лѝ бра́пця! забу́демъ всѣ ну́жды.

(*) Вотъ два стиха другой пѣсни:

Ту́пъ-по мы бу́демо жи́пи и ры́бу лови́пи,
И вра́жого да Черке́са по кру́чамъ гони́пи.

Въ Тама́нѣ жи́ть, вѣ́рне служи́ть, грани́цю держа́ти,
Ры́бу лови́ть, горѣ́лку пи́ть, ще й бу́демъ бага́ти.

Да вже тре́ба жени́тися и хлѣ́ба роби́ти;
А хто при́йде изъ невѣ́рныхъ, то якъ чо́рта би́ти.

Сла́ва Бо́гу и Цари́цѣ, а поко́й Гетьма́ну!
Залѣчи́ли въ сердця́хъ на́шихъ вели́кую ра́ну.

Благодарѣ́мъ мы Цари́цю, молѣ́мося Бо́гу,
Що Вона́ намъ указа́ла на Тама́нь доро́гу!

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ПѢСНИ КОЗАЦКІЯ БЫТОВЫЯ.

Ой хворшу́но, хворшуни́но! послужи́ менѣ ще трошки:
Служи́ла въ коза́цтвѣ, служи́ла въ бурлацтвѣ, послужи́ въ чума́цтвѣ!

Украин. пѣсня.

Пѣсни сего отдѣла выражаютъ различныя положенія Козацкаго быта, преимущественно въ четырехъ видахъ его: *войсковомъ*, *бурлацкомъ*, *чумацкомъ* и *гайдамацкомъ*.

Н. — БУРЛАЧСТВОМЪ называется вообще не только холостое бездомовье, но и отлучка изъ дому на промыселъ работами всякаго рода: такимъ образомъ и семьянинъ ходитъ БУРЛАКОВАТИ, (на-заробо́тки). Слово бурла́ка значитъ еще забіяка.

О. — О словѣ *Гайдама́къ* было сказано въ Примѣчаніи М. стр. 66. — Здѣсь слово ГАЙДАМА́КА принимается въ смыслѣ разбойника (розбі́йша́ка), и можно замѣтить еще то, что окончаніе онаго, встрѣчающееся и въ другихъ словахъ, можетъ быть и Русское.

П. — ЧУМАКАМИ называются Малороссіяне, ходящіе съ волами и возами своими за рыбою и солью, преимущественно въ Крымъ и на Донъ. Отправляясь ЧУМАКОВА́ТИ, они обыкновенно надѣваютъ сорочку и шаравары, окунутые въ деготь, и оспаются въ нихъ во всю дорогу. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это дѣлалось сначала для предохраненія себя отъ чумы, откуда будто происходитъ и самое названіе; но вѣроятнѣе будетъ производство отъ Татарскаго и у насъ вспарину употребительнаго слова: *чумъ* или *чюмъ* — ковшъ. ЧУМАЧСТВО издавна было важнѣйшимъ промысломъ козаковъ.

Здѣсь кстати привести слѣдующіе два стиха:

А у Ме́рджѣ на ла́воньцѣ сиди́ть *Чумга́ Тарабу́ль*:
Въ ёго лю́лька паху́лька, а пюшю́нъ порохо́унъ.“

Въ Полт. Губ. есть село *Чумга́къ*.

ПѢСНИ ВОЙСКОВЫЯ.

1.

Го́мо̂нъ, го́мо̂нъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ти сы́на проганя́е:
По̂ди́, сы́ну, гепь одъ ме́не —
Неха́й тебе́ Ту́рки во̂зьмуть!
Мене́, не́не, Ту́рки зна́ють —
Мене́ ко̂ньми надѣля́ють!

Го́мо̂нъ, го́мо̂нъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ти сы́на проганя́е:
Поди́ сы́ну, гепь одъ ме́не —
Неха́й тебе́ Орда́ во̂зьме!
Мене́, не́не, Орда́ зна́е —
Сре̂бло́мъ, зло́томъ надѣля́е!

Ста́рша сестра́ коня́ веде́,
А по̂дста́рша зброю несе́,
А ме́ньшая выпы́туе:
Коли́, бра́те, зъ во̂йська прiйдешъ?

Во̂зьми́, се́стро, пе̂ску́ жме́ню, (159)
Посе̂й его́ на каме́ню,
Ходи́ къ ему́ зо́ро́ньками,
Поливай его́ сле̂зо́ньками:

(159) Жме́ня — горсть.

Коли́, се́стро, пе̂со́къ зо̂йде —
Тогди̂ бра́тъ тво̂й зъ во̂йська прі́йде!
Го́мо̂нъ, го́мо̂нъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ти сы́на призыва́е:
Верни́сь, сы́нку, до-до́моньку,
Змы́ю тобѣ́ голо́воньку!
Мене́, не́не, змы́ють до́жчи̂,
А розче́шуть густи̂ те́рны,
А вы́сушуть бу́йни̂ вѣ́тры! . . .

2.

По-надъ мо́ремъ, Дуна́емъ
Вѣ́теръ я́воръ хита́е, (160)
Ма́ти сы́на пыта́е:
— Ой сы́ну мо̂й Ива́не,
Дитя́ мое́ коха́не! (161)
Чи менѣ́ тебе́ ожени́ть,
А чи въ во̂йсько уряди́ть? —
Якъ я́ тебе́ колыха́ла,
Усю́ но̂ченьку не спа́ла;
Якъ я́ тебе́ зрости́ла,
Сама́ себе́ звесели́ла;
Якъ я́ тебе́ оженю́
Всю ро́ди́ну звеселю́;
Якъ я́ тебе́ въ во̂йсько о̆дда́мъ,
Собѣ́ жа́лю я зада́мъ! —
„Не жури́ся, моя́ ма́ти,

(160) Хита́ти — качать. (161) Коха́ный — возлюбленый, милый.

Вже сёго́ не минова́ти !
Испра́въ менѣ́ три трубы́ ,
Да усѣ́ три мѣдяни̂ ,
А четве́ртую трубу́
Испра́въ менѣ́ золоту́.
Въ пе́ршу трубу́ я загра́ю,
Якъ ко́ника осѣдла́ю;
А въ другу́ю я загра́ю,
Яхъ на ко́ника сѣда́ю;
А въ тре́тюю я́ загра́ю ,
Зъ твого́ двора́ ѣдучи́ ;
А въ четве́рту затрублю́
Сере́дъ во̂йська стоючи́
И ша́бельку держучи́.

Примѣчаніе. Въ одномъ спискѣ начало такое:

Ой у по́лѣ да де́рево
Зеле́не, кудря́ве ,
По̂дъ ты́мъ де́ревомъ
Сиди́ть ма́ти зъ сы́номъ
Вѣ́теръ де́рево хита́е и проч. . .

Въ другомъ конецъ такой:

Якъ зачу́ла те́е ма́ти
Ста́ла пла́кати , рыда́ти :
„Ой сыне мо̂й Ива́не ,
„Дитя́ мое́ коха́не !
„Ой коли́-бъ же я зузу́ля,
„Я-бъ до те́бе полину́ла ! (162)

(162) Поли́ну́ти — полетѣть.

3.

Засвиста́ли коза́ченьки въ похо́дъ зъ-полуно́чи̂;
Запла́кала Мару́сенька свои́ я́сни̂ очи̂. —

Не пла́чь, не пла́чъ, Мару́сенько! не пла́чъ, не журися:
За своёго́ миле́нького Бо́гу помоли́ся! —

Стои́ть мѣ́сяць надъ горо́ю да со́нця нема́е;
Ма́ти сы́на въ доро́женьку слѣ̂зно проважа́е.

„Проща́й, ми́лый мо̂й сы́ночку, да не забавля́йся! (163)
Чере́зъ чоты́ри̂ недѣ́лоньки до-до́му верта́йся.“

— Ой ра́дъ бы я, мату́сенько, скорѣ́йше верну́ться;
Да вже́ що-сь мо̂й воро́ненькій въ воро̂тяхъ
зпо̂ткну́вся.

Ой Богъ зна́е коли́ верну́сь, въ яку́ю годи́ну:
Прійми́-жъ мою́ Мару́сеньку, якъ ро̂дну дити́ну.

Прійми́ ѐи́, мату́сенько — всѣ въ Бо́жіѐй во́лѣ!
Бо хто зна́е: чи жи́въ верну́сь, чи ля́жу на по́лѣ?“

„Ой ра́да я Мару́сеньку за ро̂дну приня́ти;
Да все́ не та́къ вона́ мене́ бу́де шанова́ти.“

— Ой не пла́чте, не журѣ́тесь, въ ту́гу не вдава́йтесь:
Загра́въ мо̂й ко̂нь воро́ненькій, наза́дъ сподѣва́йтесь!

(163) Ба́витися — мѣшкать.

4.

Пѣсня сія и еще нѣкоторыя сочинены Козакомъ *Семеномъ Климовскимъ*, жившимъ около 1724 г.

Ѣха́въ Коза́къ за Дуна́й,
Сказа́въ: дѣ́вчино, проща́й!
Ты, ко́нику воро́ненькій,
Неси́ да гуля́й!

„Постѝй, постѝй, коза́че!
Твоя́ дѣ́вчина пла́че;
Съ кѣ́мъ ты мене́ покида́ешъ —
Тѝльки подума́й!“

Бѣ́лыхъ ру́чокъ не лама́й,
Ясныхъ о́чокъ не зпира́й,
Мене́ зъ войны́ изъ сла́вою
Къ собѣ́ дожида́й.

„Не хо́чу я нѝчого́,
Тѝльки тебе́ одного́;
Ты будь здоро́въ, мѝй миле́ньній —
А все́ пропада́й!“

Сви́снувъ Коза́къ на коня́:
Зоставайся, молода́!
Я прі́ду, якъ не зги́ну,
Чере́зъ три года́ . . .

Тебе́-жъ, ми́ла, не забу́ду,
Поки́ жи́въ на свѣ́тѣ бу́ду;
Коли́-жъ умру́ на войнѣ́,
Попла́чь обо́ мнѣ́! . . .

5.

— Щó ты, ми́лый, ду́маешъ-гада́ешъ?
Ма́бутъ мене́ поки́нути ма́ешъ!
Ра́но встае́шъ, коня́ напова́ешъ,
Зеле́ного сѣньця́ пôдклада́ешъ,
Жовте́нького вôвса́ пôдсыпа́ешъ;
Въ сѣ́нечки йде́шъ — сѣде́льця пыта́ешъ,
Въ комо́ру йде́шъ — нага́йки шука́ешъ,
Дитя́ пла́че, ты не поколы́шешъ. —
Все на ме́не ва́жкимъ ду́хомъ ды́шешъ,

Ой у поро́га ревну́ла коро́ва, —
„Зостава́йся, ми́лая, здоро́ва!“
Ой ревну́ло ще й мале́ теля́тко —
„Зостава́йся мале́е дитя́тко!“
Ми́ла зъ ха́ты выбѣга́ла,
Свого́ мило́го за стреме́нъ хапа́ла.
— Ой верни́ся, мôй ми́лый, верни́ся,
Варе́нои горѣ́лки напі́йся,
И въ голубы́й жупа́нъ прибери́ся,
И на ме́не ми́лу подиви́ся! —
„Не верну́ся, ми́ла, не верну́ся!
Я въ доро́зѣ й сыро́и на́пью́ся,
И на чужу́ ми́лу подивлю́ся,
До те́бе въ недѣ́лю верну́ся,
Въ зеле́ный жупа́нъ приберу́ся.“
— Ой не ѣ́дь же, мôй ми́лый, ни́зомъ,
Заки́дана доро́женька хмы́зомъ. — (164)

(164) Хмызъ — хворостъ.

„Ой е́ въ ме́не ко́никъ воронёнькій,
Перескочить той хмызо́къ дро́бнёнькій.
Ой у по́лѣ вовки́ да лиси́цѝ,
Ой то́-жъ мои бра́тья да сестри́цѝ.
Ой у по́лѣ чо́рный во́ронъ кря́че,
То-жъ мою́ во́нъ го́лову ба́че.“

6.

Ой поважа́й стару́ ма́тѣрь, хочь вона́ й не ро́дна:
Коха́й, коха́й дѣвчи́ноньку, хочъ вона́ и бѣ́дна.

— Не для то́го стара́ ма́ти що-бы́ поважа́ти:
Не для то́го бѣ́дна дѣ́вка, що-бъ ѣ́й коха́ти.

Ой поважа́й сестру́ свою́, сироту́-вдови́цю:
Коха́й, коха́й молоди́цю, га́рну соболи́цю.

— Не для то́го се́стры, вдо́вы, що-бъ и̂хъ поважа́ти:
Не для то́го молоди́цѝ, що-бы и̂хъ коха́ти.

Ой поважа́й отця́ свого́, да поважа́й бра́та:
— Не для то́го воны́ живу́ть, що-бъ и̂хъ поважа́ти.

Коли́ тре́ба поважа́ти, то мы зна́емъ за́-що:
Да и не ма́му, да и не та́та, ни сестру́, ни бра́та.

Ой у ме́не е́ коня́ка, да и га́рный коня́ка:
Ой яки́й во́нъ волоцю́га, яки́й розбиша́ка!

Ой того́-то я коня́ку поважа́ти бу́ду,
За ёго́ не взя́въ-бы́ сре́бла хочъ по́вную грудо́.

Ой ще́ на моёму бо́цѣ е́ шабе́лька га́рна,
Спыта́й ѣ̂ѣ, спыта́и ѣ̂ѣ, чѣмъ вона́ не па́нна?

Ой па́нночко на́ша, па́нночко шаблю́ко,
Зъ бусурма́номъ зустрѣва́лась (165) да и не дво́чи
цѣлова́лась.

(165) Встрѣчалась.

7.

Соко́лоньку сы́нку, чини́ мою́ во́лю:
Прода́й коня́ ворonóго, верни́ся до-до́му.

— Соколи́хо ма́ти, коня́ не прода́ти,
Мому́ коню́ ворonóму тре́ба сѣньця́ да́ти.

Соко́лоньку сы́нку, ры́бъ намъ не лови́ти,
Нѣ́чого намъ ѣ́сти — го́лодомъ сидѣ́ти.

— Соколи́хо ма́ти, пусти́ погуля́ти,
Бу́ду гуля́ть, да гуля́ти, до́леньки шука́ти.

Соко́лоньку сы́нку! хиба́-жъ тепе́ръ вре́мя?
— Вре́мя, ма́ти, вре́мя! орлу́ ра́зъ-то вре́мя.

Ой привезу́, ма́мо, тобѣ́ три жупа́ны,
Да всѣ́ ты́и три жупа́ны всѣ срѣ́бломъ попка́ни;

Ой мѣ́жъ пѣ́ми оди́нъ жупа́нъ изъ само́го Ха́на:
Ой проща́й-же, моя́ ма́мо, по́йду́ я до Ха́ма.

8.

„Ой пано́ве-мо́лодцѣ́, во́дко́ль идете́?
Да зъ яко́и спороно́чки, да що́ везете́?“

— Ой, Па́не-Гетьма́не! були́ въ бусурма́на:
Бага́цько въ чорты́яки вся́кого надба́не! —

„А що́-жъ вы, пано́ве, чого́ тамъ чува́ли,
Яко́го вида́ли, яко́го зо́бра́ли?“

— Що́, Па́не-Гетьма́не! по три сму́хи зъ бара́ка,
Четве́ртку маленьку зъ самого́ бусурма́на. —

9.

Ой у лу́зѣ да кали́на весь лу́гъ изкрасѝла:
Породи́ла спара́ ма́ши жовнѣ́ронька сы́на.

„Породи́ла якъ мене́ ма́ти темне́нькои но́чѝ,
Дала́ менѣ́ бѣ́ле ли́чко и чо́рныи о́чѝ.

Було́-бъ менѣ́ бѣле́нького ли́чка не дава́ти,
Було́-бъ менѣ́, моя́ ма́ти, сча́стье й до́лю да́ти!

Породи́ла мене́ ма́ти въ Святу́ю Недѣ́лю:
Дала́ менѣ́ лиху́ до́лю — де́-жъ ѣ́ подѣ́ну?...

Лиху́ до́лю ни прода́ти, а ни промѣня́ти;
Всю́ды лю́ди ли́хо зна́ють, не хо́тя́ть купова́ти!“

Розвива́йся, сухі́й ду́бе! за́втра моро́зъ бу́де,
А вже́ тобѣ́, гарный хло́пче, за́втра похо́дъ бу́де!

— Я моро́зу не бою́ся, за́втра розвину́ся!
„Я похо́ду не бою́ся, за́разъ выбе́ру́ся!“

Пла́че ми́ла, пла́че чо́рными очи́ма:
— Вече́ронька на столѣ́, а сме́рть за плечи́ма! —

„Кро́пить до́жчикъ доро́женьку да що́бъ не курѣ́ла:“
Ой пора́дьте моѣ́й ми́ло́й да що́бъ не тужи́ла!“

10.

Ой сѣ́въ коза́къ ѣ́сти, иду́ть къ ёму́ вѣ́стѝ:
Ки́дай, коза́къ, вече́ряти, ча́съ на коня́ сѣ́сти!
Коза́къ покида́е, на коня́ сѣда́е,
Ма́ти ёго́ ро́дне́нькая зъ жа́лю омлѣва́е.

„Не да́й, Бо́же, сме́ршй, въ чужо́мъ кра́ю вме́рти:
Нема́ кому́ жалкова́ти, голо́вки звяза́ти!
Во́ронъ прилѣта́е, въ вочй загляда́е,
Бѣле тѣло объѣда́е, ко́стки покида́е! . . .“

11.

Ой кря́че, кря́че чорне́нькій во́ронъ
Да на глыбо́ко́й доли́нѣ;
Ой пла́че, пла́че молоды́й коза́че
По несчастли́во́й годи́нѣ.
Ой кря́че, кря́че да чорне́нькій во́ронъ,
Да у лу́зѣ надъ водо́ю;
Ой пла́че, пла́че молоды́й коза́че
На ко́нику на ворonóму.
— Вороны́й ко́ню! гра́й ты по́до мно́ю,
Да розбі́й ты ту́гу мо́ю!
Розбі́й, розбі́й ту́гу по те́мному лу́гу
Козако́вй да молодо́му. —
Ой е́де коза́къ да доро́женькою,
Слѣзо́ньками умыва́ется:
— Де́-сь моя́ не́нька, де́-сь мо́я стaréнька
Да за мно́ю убива́ется!
Да въ недѣлоньку ра́но по-ране́ньку,
Да якъ со́нце не заходи́ло,
Да зъѣзжа́лася вся моя́ роди́на,
Вона́ мене́ выпроводи́ла.
Выпровожа́ешъ, моя́ роди́нонько!
Да чи не жа́ль тобѣ бу́де,
Якъ я пое́ду на ту́ Украйну,
Да мѣжъ чужі́и лю́ди?

Ой згада́й мене́, моя́ спара́ не́не,
Сѣда́ючи да обѣ́дати:
Де-сь моя́ дити́на на чужо́й сторонѣ́,
Да нѣ́кому да одвѣ́дати!
Ой згада́й мене́, моя́ спара́ не́не,
Якъ ся́дешъ у ве́черѣ ѣ́сти:
Де-сь моя́ дити́на на чужо́й сторонѣ́,
Да нема́е одъ не́и вѣ́сти.

12.

Стои́ть я́воръ надъ водо́ю, въ во́ду похили́вся;
На козака́ приго́донька (166), коза́къ зажури́вся.

Не хили́ся, яворо́ньку, що́ ты зелене́ньки́й!
Не жури́ся, коза́ченьку, що́ ты молоде́ньки́й!

Не ра́дъ я́воръ хили́тися — вода́ корнѝ мы́е;
Не ра́дъ Коза́къ жури́тися, да се́рденько ны́е!

Ой поѣ́хавъ въ Моско́вщину коза́къ молоде́ньки́й —
Орѣ́хове сѣде́лечко и ко́нь ворonéньки́й.

Ой поѣ́хавъ въ Моско́вщину да та́мъ и загинувъ,

Каза́въ собѣ́: насы́пали высо́ку моги́лу,
Каза́въ собѣ́: посади́ли въ голо́вкахъ кали́ну!

Бу́дуть пта́шки прилѣта́ти кали́ноньку ѣ́сти,
Бу́дуть менѣ́ приноси́ти одъ ро́доньку вѣ́сти!...

(166) Невзгодье, бѣда.

13.

Го́ре менѣ́ на чужинѣ́,
Що́ не вку́пѣ браты́ мои́:
Оди́нъ въ Сѣ́чѣ Отама́номъ,
Дру́гій въ степу́ зъ Вата́жкою,
Тре́тій До́йно Дойни́ченько . . .
По-на́дъ Днѣстро́мъ До́йно хо́дитъ,
Де́вятеро ко́ней во́дитъ,
На деся́тôмъ поѣзжа́е,
Днѣстра́ бра́томъ называ́е.
„Днѣстре бра́те, побрата́ймось!
Скажи́ рѣ́чцѣ Савра́нськôй (168)
И прикмѣ́тъ (168) коза́цькôй.“
Въ-го́ру, До́йно Дойни́ченько!
Тамъ рѣ́ченька Савра́нська
И прикмѣ́та коза́цькая . . .

Сиди́тъ коза́къ на моги́лѣ,
Зъ ору́жины ого́нь кре́ше,
Ска́лки ло́митъ, розклада́е,
Въ свои́ ра́ны загляда́е:
Постре́лены — къ се́рдцю прійшли́,
Пору́баны — кро́вью зôйшли́. —
Заклада́вся оре́лъ зъ коне́мъ,
А за ты́и крини́ченьки:

(167) *Савранка* впадаетъ въ Бугъ. (168) *Прикмѣта* — смышленость, удальство?

„Ой чи скорѣйшъ ты добѣжи́шъ,
Менѣ кри́льця повтина́ешъ!“
— Ой ты скорѣйшъ да долети́шъ,
Мѣнѣ но́ги повтина́ешъ. —
Ой ко́нь бѣжи́ть, земля́ дро́жи́ть;
Оре́лъ лети́ть, пе́ро́ дзвени́ть;
Ой ко́нь бѣжи́ть все яра́ми,
Оре́лъ лети́ть все луга́ми.
Ко́нь до воды́ прибѣга́е,
Орла́ бра́та выглядае:
Оре́лъ лети́ть и не смѣе
Коня́ бра́та не по́зна́е;
Дару́й, ко́ню, крыле́чками,
А хто хо́дить но́же́чками!

14.

„Во́дко́ль е́дешъ?“ — Одъ Дуна́ю! —
„А що́ чува́въ про Миха́йлу?“
— Эге́! чува́въ! я са́мъ видавъ:
Ишли́ Ляхи́ на три́ шляхи́,
Коза́ченьки на чопы́ри́,
А Тата́ре по́ле кры́ли.
А въ то́мъ во́йську коза́цькому
Ѣхавъ во́зо́къ да й покры́тый
Черво́ною кита́йкою,
Засло́гою коза́цькою.
А въ то́мъ во́зку́ було́ тѣ́ло,
Поро́убане, почорнѣ́ло;
За тѣ́мъ во́зко́мъ ко́нь лыца́рський;
Веде́ коня́ хлопъ коза́цькій,
Де́ржить спи́съ въ руцѣ́ довге́нькій,
А у дру́го́й ме́чъ ясне́нькій.

Ой ще́ зъ меча́ и кро́въ тече́!
По Миха́йлѣ ма́ти плаче́ . . .
Не ду́же во́нъ пору́баный:
Голо́вонька на три ча́сти̂,
Бе́ле тѣ́ло на чоты́ри̂!
На́-що, ма́ти, спра́ву дба́ти (169)!
Тре́ба досчо́къ добува́ти,
Хоро́мину будова́ти!
Дай три до́ски клено́выи,
А четве́ртy сосно́вую:
Безъ дверъ ха́та, безъ во́ко́нець,
Бо вже́ прійшо́въ ёму́ ко́нець!

Въ другихъ варіянтахъ находятся слѣдующіе стихи:

А въ то̂мъ во́зку́ коза́къ лежи́ть
Постре́ляный, пору́баный,
На три ча́сти̂ роздѣ́леный;
Въ право́й руцѣ́ ша́блю держи́ть,
А зъ той ша́бли́ кро́вця́ бѣжи́ть —
Бѣжи́ть ре́чка крова́вая,
Надъ ре́чкою я́воръ спои́ть,
Надъ я́воромъ во́ронъ кря́че,
За коза́ко́мъ ма́ти пла́че,
Вона́ пла́че и рыда́е,
Свого́ сы́на не по́зна́е.

(169) Ясныя готовить.

Сиди́ть во́ронъ надъ скало́ю
Похиту́е голово́ю:
— Ой я́ твого́ сы́на зна́ю,
Три́чи на́ день по́пасъ ма́ю,
Зô лба́ о́чи выбира́ю.
Иди́, стара́, до-до́мочку,
Вôзьми́ пêску́ въ пра́ву ру́чку,
Посѣ́й ёго́ въ горо́дочку,
Якъ то́й пêсо́къ въ-го́ру зôйде,
Тогдѝ сы́нъ до те́бе прі́йде!

15.

Вѣ́теръ гуде́, трава́ шуми́ть,
Коза́къ бѣ́дный уби́тъ лежи́ть
На купи́нѣ голово́ю,
Накры́въ о́чи осоко́ю.
Кôнь вороны́й у нôженькахъ,
Оре́лъ си́зый въ голо́вонькахъ;
Вôнъ козака́ догляда́е,
На ку́черѝ наступа́е . . .
Вôнъ до ёго промовля́е:
„Си́зый о́рле, побрата́ймось!
Якъ ты́, бра́те о́рле, ста́нешъ
Зъ ло́бу о́чѝ выдира́ти,
Да́й же моêй не́ньцѣ зна́ти,
Моêй не́ньцѣ старе́сенькôй,
Мату́сеньцѣ рôдне́сенькôй.
Ой зна́й, о́рле, що́ каза́ти,
Якъ у те́бе моя́ ма́ти
Бу́де про ме́не пыта́ти!

Скажи́: слу́житъ во́нъ у Ха́на,
Въ па́на Ха́на Тата́рина,
У Крымського Добро́дѣя;
Да вы́служивъ королѣвоньку,
Въ чисто́мъ по́лѣ моги́лоньку. . .“

16.

Ой ко́нь бѣжи́тъ, трава́ шуми́тъ:
Да вже́жъ коза́къ уби́тъ лежи́тъ,
На купи́нѣ голово́ю,
Прикры́въ но́ги осоко́ю,
Жо́вте тѣ́ло рокито́ю,
Бѣ́лѣ ру́ки хустино́ю,
Ясне ли́чко китайко́ю. . .
Въ голо́вонькахъ во́ронъ кря́че,
А въ но́женькахъ ко́никъ пла́че;
Копы́томъ зе́млю выбива́е,
Свого́ па́на во́нъ пыта́е:
— Ой па́не-жъ мо́й, па́не,
Па́не копита́не!
Ой кому́ мене́ вруча́ешъ,
Кому́ коня́ покида́ешъ?
Чи Ту́рчину, чи Та́тарину? . . .
„Тебе́, ко́ню, Ту́рчинъ не по́йма́е,
А Тата́ринъ не ѣ́сѣдла́е.
Ой бѣжи́, ко́ню, те́мными луга́ми,
Бѣжи́, ко́ню, би́тыми шляха́ми;
Да прибѣжи́, ко́ню, до дво́ру,

Та вдарь копы́томъ въ болóну!
А вы́йде до тéбе нéнька стáренька,
Козáцькая мапусéнька;
Вонá бýде тебé за пóводы брáти,
Бýде тобѣ сѣна пôдкладáти,
Вôвсá бýде тобѣ пôдсыпáти,
Холóдною водúцёю напováти,
И скрôзь слёзы про мéне пытáти.
Да не кажú, кóню, що я убúвся,
А скажú, кóню, щó я оженúвся,
Да понявъ себѣ паняночку,
Въ чúстôмъ пóлѣ земляночку —
Що куды́ вѣтеръ не вѣе,
Ни сóнечко вжé не грѣе. . .
Безъ вôкóнець и безъ двéрець —
Тамъ спúть козáкъ-молодéць. . .“

17.

Ой у пôлѣ снѣжкóкъ пôрошúть
Ажъ тáмъ козáкъ забúтъ лежúть,
На купúнѣ головóю,
Накрывъ óчú муравóю,
Муравóю зеленóю,
Червонóю китайкóю.
Въ голóвонькахъ вóронъ крячe,
А въ нôженькахъ кóникъ плáче:
— Абó менé, пáне, пускáй,
Абó менѣ запла́пу дáй! —
„Зôрви, кóню, шовкóвый пóводъ,
Бѣжú, кóню, дорóгою,
Зеленóю дубрóвою;

Вы́ѣжъ трави́ двѣ коса́рй,
Вы́пій воды́ два озе́рй,
По́дбѣжи́, ко́ню, по́дъ воро́та,
А вда́рь ко́ню у копы́та!
А вы́йде до те́бе не́нька стара́нька,
Коза́цькая мапусе́нька —
Ой зна́й, ко́ню, що́ каза́ти,
Якъ бу́де у те́бе пыта́ти:
Ой ко́ню мо́й ворове́нькій,
А де́ твій па́нъ молоде́нькій?
Чи ты́ ёго́ въ во́йську згуби́въ,
Чи ты́ ёго́ по́дъ се́бе зби́въ? —
А ни я́ ёго́ въ во́йську згуби́въ,
А ни я ёго́ по́дъ се́бе зби́въ:
Заслужи́въ во́нъ паня́ночку,
Въ чи́спо́мъ по́лѣ земляночку!..“

18.

(Га́лицкая)

Чо́рна ро́ля́ (170) зао́рана — *гей, гей* —
Чо́рна ро́ля́ зао́рана
И ку́лями (171) засѣяна,
Бѣлымъ тѣломъ зволо́чена, — *гей, гей* —
И крово́ю сполощена.

Лежи́ть воя́къ на купине́ — *гей, гей* —
Лежи́ть воя́къ на купине́,
Накры́въ о́чй китайко́ю.

(170) Ро́ля́ — пашня. (171) Ку́ля — пуля.

Китáйкою червонóю — *гей, гей* —
Накрывъ óчи китайкóю.

А нѝ трунú (172), а нѝ ямы — *гей, гей* —
А нѝ трунú, а нѝ ямы,
А нѝ вóпця, а нѝ мáмы.
А нѣкому задзвонúти — *гей, гей* —
А нѣкому затужúти!

Дзвóнять конѝ копытáми — *гей, гей* —
Дзвóнять конѝ копытáми,
А воякú острогáми.
Дзвóнять конѝ копытáми — *гей, гей* —
А воякú острогáми.

Летúть вóронъ зъ чужúхъ спóронъ — *гей, гей* —
Летúть вóронъ зъ чужúхъ спóронъ,
На могúлѣ усѣдáе,
Очѝ ёмý выпивáе — *гей, гей* —
Очѝ ёмý выпивáе.

Хóдить мáти гукáючи — *гей, гей* —
Хóдить мáти гукáючи,
Сúна свогó пытáючи.
— Ой я твогó сúна знáю — *гей, гей* —
Бо я зъ ёго пóпасъ (173) мáю!

„Скажú менѣ, вóронъ мúлый — *гей, гей* —
Скажú менѣ, вóронъ мúлый:
Чи мóй сынóкъ ищé бѣлый,
Чи щé óченьки яснéнькѝ — *гей, гей* —
Да чи устá румьянéнькѝ?...“

(172) Трунá — гробь (173) Паству.

— Вжé ёгó устá синéнькй — *гей, гей* —
Вжé ёгó устá синéнькй,
Егó лúчко вжé чорнéньке,
Я на лúчку присéдáю — *гей, гей* —
Очй ёмý выпивáю!...

19.

По-за сáдомъ зеленéнькимъ дорóжка лежáла:
Молодáя тудú панй нéкрутъ выряжáла,
Выряжáла на воронôмъ конúченьку.
— Вúйди, вúйди, сéрдце моé, дéвчúнонько! —
Ой не вúйшла дéвчúнонька, вúйшла стáра мáти;
Взялá конú за пóводы, да й стáла пытáти:
„Ой сúну-жъ мôй, сокóлоньку, дéжъ тебé шукáти?“
— Шукáй въ степý, крáй дорóги, моя рôдна мáти!
Тамъ я бýду, моя мáти, гóремъ горевáти —
Своúмъ чýбомъ кучерявымъ степú успилáти,
А своéю кровúцею мóря доповнятú,
А щé своúмъ бéлымъ тéломъ орлú годовáти.....
„Бо-дáй же вы, воróженьки, всé рáзомъ пропáли,
Якъ вы тýю бéдý знáли, менé не сказáли;
А тодй вже вы сказáли, якъ сúна пôймáли!
А пôймáли моró сúна, да рýки звязáли,
Повязáвши бéлй рýки, везýть до Прилýки,
„А зъ Прилýки до Полтавы, до вéчной присяги:
Присягъ Царю, присягъ Бóгу, одрéкся одъ рóду,
Прощáй, сúну, мôй гóлубе, не дýмай до дóму!

20.

До вдо́винаго двора́
Лежи́ть доро́жка нова́,
А въ то́мъ дворѣ́ столы́ теса́нѣ́,
По-мѣ́жъ тѣ́ми столя́ми
Сидя́ть паны́ ряда́ми,
Пи́шуть ли́сты пѣра́ми,
Пи́шуть, пи́шуть и ряду́ть
Кого́ въ некру́ты одда́ть.

— Де пя́ть — тамъ не бра́ть;
Де чоты́рѣ́ — тамъ веля́ть;
Де три́ — тамъ не ты́;
Де два́ — тамъ нѣ-льга́.

У вдови́ны оди́нъ сы́нъ,
И то́й по́шо́въ по́дъ арши́нъ;
По́дъ арши́номъ не до́йшо́въ
И запла́кавши по́шо́въ.

Паны́ ёго́ пожале́ли
И купи́ли ко́ника,
И ко́ника й шабельку́,
По́шо́въ хло́пець до повку́.

Иде́ ма́ти, рыда́е,
Всю старши́ну зби́ра́е.
„Ой старши́на моя́ ми́ла,
Выпуска́йте мого́ сы́на.“

Обо́зва́вся одине́ць,
Уродли́вый молоде́ць:

— Не плáчъ, мáти, не рыдáй,
Кáрыхъ óчей не зтирáй,
Ой тогдѝ ты заплáчешъ,
Якъ на мýштрѣ забáчишъ.

А чíй-же то ланы́
Позасѣвáли паны́?
А то того́ одинця́,
Вродли́вого молодця́.
А вы́йдемо на той лáнъ,
А вдáрѣмо въ барабáнъ.
Опъ: мáтерѝ на жáлость,
А старши́нѣ на рáдость.
Пѝшла мáти плачучи́,
А старши́нѣ радощѝ.

21.

Ой крúкнули орлы́, зъ-за мóря летю́чи:
Заплáкали бурлáченьки въ невóлѣ сидю́чи.

— Давáй, Сóтськiй, пóшту, коня́ вороно́го,
Да повезéмъ до пріёму хлóпця молодóго! —

Взяли́ да й помчáли пíемными луга́ми;
А за ни́ми отéць, мáти, би́тими шляха́ми.

А дé на-нѝчъ стáнуть, свѣ́тло задувáють,
Що рѝдного отця́ й нéньки да не допускáють.

„Не плáчъ, моя́ мáти, не плáчъ, не журúся:
„Щé я молоденькiй козáкъ, выслужýся!“

22.

Ой зачу́ла-жъ моя́ до́ля,
Що не бу́ти мені́ до́ма.,
Бу́ти-жъ мені́ у нево́лѣ,
У некру́цькому набо́рѣ! —
Ско́ро коза́къ догада́вся,
До дѣвчи́ны захова́вся:
— Ой дѣвчи́но, моє́ се́рдце,
Зхова́й мене́ по̂дъ ряде́ньце! —
Ско́ро лю́ди доглядѣ́ли,
Круго́мъ ха́пу обступи́ли,
Въ дѣвки две́ри розломи́ли
И козака́ улови́ли;
Бы́стрі̂ но̂женьки зкова́ли,
Бѣ́лі̂ ру́ченьки звяза́ли,
Посади́ли у во̂зо́чокъ,
Сами́ сѣ́ли въ передо́чокъ,
Да й повезли́ въ городо́чокъ.
Са́ми ко́ней поганя́ють,
Да й на хло́пця погляда́ють —
Щобъ и ко́ней не втоми́ти,
Щобъ и хло́пця не впусти́ти.
На ко́никахъ пѣ́на па́ла,
Неда́леко вже Полта́ва.
Пріѣ́хали до Полта́вы,
Одда́пчики повстава́ли,
Быстрі̂ но̂жки розкова́ли,
Бѣ́лі̂ ру́чки розвяза́ли,
Да повели́ у свѣтли́цю,
Посади́ли на скамни́цю,

Чо́рни̂ кудри̂ по̂дголи́ли
Да й муни́цю наче̂пи́ли,
По база́ру поводи́ли,
Ме́домъ - вино́мъ напои́ли.
„Лу́чче-бъ менѣ́ воло̂въ па́сти,
Не̂жъ тепе́ра зъ коня́ впа́сти!
Лу́чче-бъ менѣ́ погони́ти,
Не̂жъ зъ пана́ми говори́ти!
Лу́ччебъ менѣ́ зъ грабе́льками,
Не̂жъ тепе́ра зъ шабе́льками.“

23.

Ой ду́бъ на бере́зу го̂льемъ похили́вся,
Сы́нъ свое̂й ма́тери̂ до но̂гъ уклони́вся:
„Ой стара́ не́не, чо́мъ не же́нишъ ме́не?“
— На що́-жъ тебе́, сыну, молоды́мъ жени́ти?
Хиба́ тобѣ́, сы́ну, нѣ́ зъ кѣмъ говори́ти?
Куплю́ тобѣ́, сы́ну, коня́ вороно́го,
Коня́ вороно́го, говори́ до ёго. —
„Но подо́ба, ма́ти, зъ коне́мъ розмовля́ти:
Ой ча́съ и годи́на дѣвчи́ны шука́ти.
Ой ко́ню-жъ мо̂й, ко́ню, ко́ню вороне́нькій!
Ой чого́ ты стои́шъ на ста́нѣ смутне́нькій?“
— Того́ я смутне́нькій, що ты молоде́нькій,
Що ты́ ра́но встае́шъ, мене́ напова́ешъ,
Мене́ напова́ешъ, во̂зьме́шъ осѣдла́ешъ,
Куды́ погада́ешъ, туды́ й поганя́ешъ,
Ни̂где́ того́ ши́нку не мина́ешъ,
Мене́ вороно́го къ стовбу́ припина́ешъ.
Я сыру́ю зе́млю по поя́съ вы́бью,

До́ки тебе́, Па́не, зъ того́ ши́нку вы́зву.
Ой да́й менѣ сѣна по са́мій колѣна,
Дай менѣ воды́ по са́мій поводы́,
Ой да́й менѣ мо́чій по ка́рыи о́чій —
Тогдій гуля́й, Па́не, хоча́ до по́вно́чи!

24.

Ой га́лочки чорне́ньки́и крутý го́ру вкры́ли;
Молоды́и коза́ченьки жа́лю наробѝли.

Ой га́лочки чорне́ньки́и, по́дóйма́йтесь въ го́ру!
Молоды́и коза́ченьки, верта́йтесь до-до́му!

— Ой ра́дій мы по́дня́тися — тума́нъ налята́е.
— Ой ра́дій мы верта́тися — да Па́нъ не пуска́е.

25.

(Уланская вербунка.)

Въ Бердѝчовѣ, славно́мъ мѣ́стѣ,
Звербова́ли хло́пцо́въ двѣ́стѣ.
А чѣ́мъ-же и́хъ вербова́ли?
Зло́пыхъ гро́шей дарова́ли.

Въ Бердѝчовѣ, сла́вно́мъ мѣ́стѣ,
Звербова́ли хло́пцо́въ двѣ́стѣ;
И ко́нюхи, и писа́рій
Увъ ула́ны приставáли.

Приста́нь, Юрку, до вербу́нку,
Бу́дешъ ѣ́сти зъ ма́сломъ ку́рку,
Бу́дешъ ѣ́сти, бу́дешъ пи́ти,
Бу́дешъ якъ пано́къ ходи́ти.

Забу́дь та́та, забу́дь ма́му,
А са́мъ приста́нь увъ ула́ны!
Тепе́ръ ма́ешъ горёва́ти,
Лу́чше въ во́йську панова́ти.

А въ ула́нахъ даю́ть гро́шѝ,
Бу́дешъ бага́тый, хоро́шій;
Бу́дешъ ѣ́сти, бу́дешъ пи́ти
И хороше́ въ чѣ́мъ ходи́ти.

И хороше́ въ чѣ́мъ ходи́ти —
Довбе́шками во́ши би́ти.
И остроги́ побѣля́нѝ,
И чо́боты ваксова́нѝ.

Ки́тель бѣ́лый, ки́веръ чо́рный,
Хло́пецъ га́рный и мото́рный,
И чикчи́ры гаптова́нѝ,
Самы́ паны́ прибира́нѝ.

А зво́дко́ль вы? — Могиля́не.
А чія́ ты? — Ковалёва.
Ой я дѣ́вка мѣ́жъ дѣ́вками,
Черевѝчки съ по́дко́вками.

БУРЛАЦКІЯ.

26.

Гéй-же! — Да журбá менé скрушúла,
Да журбá менé зсушúла, — *да гéй!*
Гéй-же! — за чужúми волáми ходючú,
Да чужíи возы́ мажучú, — *да гéй!*
Да нýте, волы́, помáлу,
Да выпягáйте изъ я́ру. —
Ой крúкнули журавлú,
Да хóдючи по ролé:
Да лýчче рóля́ ранняя,
А нéжъ тáя пóзняя;
Щó на рáннéй женцú жнýть,
А на пóзнéй скотóмъ бью́ть. —
Ой крúкнули молодцú,
Да сúдючи въ корчомцé:
Да лýчче жóнка першáя,
А нéжъ тáя другáя;
Да щó зъ пéршою дѣтéй мáвъ,
А зъ другóю розóгнáвъ.
Да идéть дѣти служúти,
Чóмъ мáчусь годúти! —
Да одúнъ пóшóвъ до попá,
Другíй пóшóвъ до жúда,
Трéтій пóшóвъ до пáна —
Щобъ мáчуха пропáла!
Хóдить бáтько по валý,
Клúче дѣтéй до-домý:

Да идѣть дѣти до-дóму,
Не бýде вамъ розгóну!
— Живи́, ма́ту, якъ Бôгъ да́въ,
Коли́ ты на́съ розôгна́въ!
Мы бýдемо служи́ти,
За ма́тêрью тужи́ти!

27.

„Щýка рыба въ мóрѣ гуля́е до-вóлî,
А я́ коза́къ на чужи́нѣ да не ма́ю дóлî.

Вы́йду за воро́та, надѣвши сêмря́гу,
Ой хто́-жъ мене́ да приго́рне бѣ́дного нетя́гу!

Осѣдла́ю коня́ да пое́ду въ по́ле,
Проща́й, проща́й машусе́нько, моя́ рôдна не́нько!“

— Ой ты́ си́зый о́рле, высо́ко лѣта́ешъ,
Ой чи ча́сто мого́ сы́на у вôчî вида́ешъ?

„Сы́нъ твôй, ма́ти, въ по́лѣ, въ по́лѣ спочива́е,
Надъ ни́мъ сиди́ть си́зый со́кôлъ, въ голо́воньку
ськае.“

Да вда́рилась ма́ти объ по́лы рука́ми:
— Тепе́ръ-же я, мои́ дѣти, пропа́ла изъ ва́ми. —

„Сама́ себе́, ма́ти, сама́ провини́ла,
Що на́съ такихъ покоха́ла да й не пожени́ла.“

— Сыны́-жъ мои́ лю́бî, сыны́ вы мили́ньки,
Тымъ-же я ва́съ не жени́ла, що вы́ молоде́ньки!

28.

— Въ недѣлоньку ра́но розйгра́лося мо́ре :
Не одному́ сы́ну на чужи́нѣ го́ре !

Вы́йду за воро́та, ста́ну якъ сиро́та.
Нихто́ мене́ не займа́е! я бѣ́дный сиро́та! . . .

Да лети́ть оре́лъ си́зый, оре́лъ сизокры́лый :
„Чого́ стои́шъ-ту́жишъ, мо́й сы́ну еди́ный!“

— Да пора́дь менѣ́, о́рле! що́ ма́ю роби́ти :
Да поме́ръ опе́ць, ма́ти, вся моя́ роди́на. —

„Да и ты́ не зна́ешъ, да и я́ не зна́ю,
Покида́й сей кра́й, де ро́ду не ма́ешъ ;

Да йди́ на Вкраи́ну, тамъ зна́йдешъ роди́ну,
Тамъ зна́йдешь роди́ну, лю́бую дѣвчи́ну.“

29.

Журба́ мене́ су́шить, журба́ мене́ ва́лить,
Журба́-жъ мене́, ма́ти, ско́ро изъ но́гъ зва́лить!

А я́-жъ то́й журьбѣ́ да й не по́ддаю́ся —
По́йду́ до шинка́рки, горѣ́лки напью́ся.

Горѣ́лочка пьяна́, су́ча журба́ вряма́ ;
Горѣ́лочка су́мна, су́ча журба́ у́мна.

Чому́-сь менѣ́, бра́тце, горѣ́лка не пье́тся,
Би́ля мого́ се́рденька якъ га́дина вье́тся.

Ко́ло се́рдця, бра́тце, ко́ло се́рдця мо́го,
А коли́ не вѣ́ришъ, неха́й биля́ шво́го !

Були́ въ мене́ лу́ги, ста́ли жи́то жа́ти ;
Бувъ въ мене́ опе́ць и ро́дная ма́ти,
А тепе́ръ нѣ́кому пора́доньки да́ти !

Були́ въ мене́ лу́ги, высо́кіи вôльхи,
Були́ въ мене́ дядьки́ и рôдныи тêтки,
А тепе́ръ пора́доньки не ма́ю ни звôдкôль!

Да були́ въ мене́ лу́ги, були́ и копи́цî —
А тепе́ръ нѣ́кому пода́ть и води́цî.

Не да́й Бо́же сме́рти — на чужи́нѣ вме́рти;
Ой нѣ́кому догляну́ти тамъ мое́и сме́рти.

30.

Ой не шуми́, лу́же, дубро́вою ду́же,
Не завдава́й се́рдцю жа́лю, бо я́ въ чужôмъ кра́ю,

Ой я въ чужôмъ кра́ю якъ на пожари́нѣ,
Нихто́ мене́ не приго́рне при лихôй годи́нѣ!

Ой роблю́ я, роблю́, робо́та ни-за́-що,
Лю́ди ка́жуть и гово́рять: сирота́ леда́що!

Сирота́ леда́що, не хо́че роби́ти;
Ой отда́ймо вра́жа сы́на у вôйсько служи́ти!

Сирота́ втоми́вся, на ти́нъ похили́вся —
Лю́ди ка́жуть и гово́рять: вôнъ ма́буть упи́вся!

Ой пôйду́ я, пôйду́ на гору́ круту́ю,
Ой ста́ну-жъ я, подивлю́ся на рѣ́чку быстру́ю.

Ой рѣ́ченька, быстре́нькая! на е́и дивлю́ся,
Такî мене́ думки́ взно́сять: пôйду́ утоплю́ся!...

— Не топи́ся, коза́ченьку! ма́рне ду́шу згу́бишъ:
Тре́ба зъ не́ю въ свѣ́тѣ жи́ти, хочъ ếи не лю́бишъ!...

31.

Ой не шуми́, лу́же, ты зеле́ный га́ю,
Не завдава́й се́рдцю жа́лю, бо я́ въ чужо́мъ кра́ю!
Бо я́ въ чужо́мъ кра́ю ма́рне пропада́ю,
Ой тымъ-же я пропада́ю, що ро́ду не ма́ю. . .
Хочъ у ме́не и е́ ро́дъ — дале́ко одъ ме́не;
Ой я чую чере́зъ лю́ди, цура́ються ме́не.
Неха́й воны́ цура́ются, да якъ сами́ зна́ють,
Прі́йде та́я годи́нонька, що й мене́ згада́ють!

32.

Зъ по́ля ве́теръ ве́е,
За Лима́номъ завыва́е,
Ту́га-печа́ль налега́е. —
Ой я съ ту́ги, да зъ печа́ли
По́йду́ въ корчму́ погуля́ю.
Шинка́рочка молода́я,
Вона́-жъ мене́ давно́ зна́е,
Горѣ́лочки повѣря́е. —
Шинка́рочко молода́я!
Усы́пъ ме́ду и горѣ́лки,
Тепе́ръ въ ме́не нема́ жо́нки.
Въ ко́го жо́нка́, въ ко́го дѣ́ти,
Тому́ въ По́льщѣ до́бре жи́ти.
А я́ жо́ночки не ма́ю,
Я въ Оде́сѣ пробува́ю. —
А въ Оде́сѣ до́бре жи́ти,
Мѣшко́мъ хлѣ́ба не носи́ти,
На па́ньщину не ходи́ти,
Подушного не плати́ти.
Ни за плу́гомъ, ни за ра́ломъ,
Называ́ють мене́ па́номъ.

33.

Ой лужéчки да бережéчки да водá понялá;
Да вжé-жъ мою́ да голóвоньку журбá обнялá.

Охъ и я́ журбу́, охъ и я́ тоску́ да на ли́сту спишу́;
Охъ и я́ журбу́, охъ и я́ тоску́ на Дунáй пущу́.

Да плыви́, журбо́, да плыви́, тоскá, да по всѣмъ берегáмъ;
Охъ и роздáй, Бóже, мою́ печáленьку по всѣмъ ворогáмъ.

Да зелéный дýбъ, да зелéный дýбъ, да безъ сóнця завъя́въ,
Молодéнькому да козáченьку Богъ дóлѝ не дáвъ.

Да не дáвъ дóлѝ, да не дáвъ счáстя, да не дáвъ палана́,
Да куды́ я пôйду́, куды́ повернýся — по всé чужина́.

34.

Ой въ пóлѣ могúла зъ вѣ́тромъ говорúла:
Повѣ́й, вѣ́тре, ты на мéне, щобъ я́ не чорнѣ́ла.

Щобъ я не чорнѣ́ла, щобъ я не марнѣ́ла,
Щобъ на менѣ́ травá росла́, да щé й зеленѣ́ла!

И вѣ́теръ не вѣе, и сóнце не грѣе,
Тôльки въ степу́ при дорóзѣ травá зеленѣе!

Ой у степу́ рѣ́чка, черéзъ рѣ́чку кла́дка:
Не покидáй, козáченьку, рôднéнького бáтька!

Якъ бáтька покúнешъ, самъ мáрне загúнешъ,
Рѣчéнькою быспрéнькою за Дунáй заплúнешъ.

— Бо-да́й ша́я ре́чка ры́бы не плоди́ла:
Вона́ мого́ това́риша на-ве́ки вшопи́ла!
Бо-да́й ша́я ре́чка кошу́ромъ заросла́:
Вона́ мого́ това́риша за Дуна́й занесла́!

35.

Лете́въ соколо́нько, да й се́въ на дубо́ньку,
Схили́въ-склони́въ голово́ньку уни́зъ до-доло́ньку.
Кли́че ма́пи сы́на зъ корчмы́ до-домо́ньку:
Иди́, сы́ну, до-домо́ньку, пропье́шъ худобо́ньку.
„Мапи-жъ моя́, ма́пи, и са́мъ-же я ба́чу,
Що я́ свою́ худо́боньку усе́ ма́рне тра́чу.
Ой не по́йду́, ма́ти, до-до́моньку спа́пи:
Е на се́рдцѣ скорби́тонька, дале́ченько зна́пи.
Зна́ти ма́пи, зна́ти; ще́ знапне́йше бу́де,
Що́ учо́ра изъ-вечо́ра осуди́ли лю́де.
Не пакъ спарй лю́ди, якъ малы́и де́ти:
Доведе́ться одъ вороговъ въ кайдана́хъ сиде́ти!
Хочъ бу́ду сиде́ти, да зна́ному за́-що:
Неха́й зъ ме́не не смье́ться вся́кее леда́що!

36.

Ой са́мъ же я да не зна́ю, що роби́пи-спа́пи:
Запряжу́ чоты́рй волы́ да по́йду́ ора́ти!
Волы́ мои́ половы́и, чому́ не оре́те?
Ле́па мои́ молоды́и, чому́ ма́рне йде́пе?
„Якъ бы вы́ насъ поганя́ли, пакъ бы мы́ й ора́ли!
„Якъ бы вы́ насъ шанова́ли, пакъ бы ва́съ слуха́ли.“

Запряжу́ чоты́рî ко́нî, ко́нî вороны́и,
Да поѣ́ду доганя́ти лѣ́та молоды́и.

Ой догна́въ же лѣ́та свои́ въ кали́новôмъ мо́стѣ:
Вернѣ́теся, лѣ́та мои́, хочъ до ме́не въ гостî!

Лѣ́та-жъ мои́, лѣ́та мои́, лѣ́та молоде́нькî!
Коли́ до́ля несчастли́ва — бу́дьте короте́нькî!

37.

Летѣ́въ го́лубъ да все́ роско́шно;
Лѣ́та мои́ молоды́и пôшли́ розто́чно.

Летѣ́въ го́лубъ да й упа́въ на са́дъ:
Лѣ́та мои́ молоды́и, вернѣ́ться наза́дъ!

38.

Лети́ть оре́лъ по-на́дъ мо́ремъ по высо́кôй высо-
ко́стî:
Пла́че коза́къ старе́сенькій да по своêй молодо́стî.
— Лѣ́та-жъ мои́ молоды́и, де́ ся вы подѣ́ли:
Чи вы въ луги́, чи въ байра́ки геть одъ ме́не по-
летѣ́ли?
Лѣ́та-жъ мо́и молоды́и, де́ ся вы подѣ́ли? . . .
Завили́ся въ клено́вый ли́стъ, да въ лѣ́съ полетѣ́ли!
Коза́цькая здобы́ченька ма́рне пропада́е:
Ты́ждень коза́къ заробля́е, за оди́нъ дёнь пропива́е."

39.

Да йшо́въ коза́къ зъ До́ну, да зъ До́ну до-до́му,
Да й сѣ́въ надъ водо́ю, проклина́е до́лю:
— До́ле-жъ моя́, до́ле, чо́мъ ты не така́я,
Ой чо́мъ не така́я, якъ до́ля чужа́я?

Що лю́ди не ро́блять, да въ жупа́нахъ хо́дять,
А я́ роблю́, дба́ю — и свиты не ма́ю;
Що лю́ди гуля́ють и ро́скошї ма́ють,
А я́ роблю́, дба́ю — ничо́го не ма́ю! —
Обо́зветься до́ля по то́мъ бо́цѣ мо́ря:
„Коза́че-бурла́че! дурны́й ро́зумъ ма́ешъ,
Що ты́ свою́ до́лю ма́рне проклина́ешъ:
Ой неви́нна до́ля, ви́нна твоя́ во́ля —
Що ты́ зароблясшъ, то все́ пропива́ешъ,
Що въ де́нь загорю́ешъ, за́ но́чъ прогайну́ешъ,
А що́ запала́нишъ (174), то музы́ки наймешъ:
Ой гра́йте, музы́ки, изъ дво́ра до дво́ра,
Да щобъ не журилась стара́ не́нька до́ма!...
— Якъ музы́ки гра́ли, то й на́съ лю́ди зна́ли,
А я́къ переста́ли, то й ля́шки ста́ли! —

40.

Ой не спа́въ я но́чку темне́нькую,
Да не бу́ду спа́ти ще́ й другу́ю,
Да чому́-сь мене́ ну́дно
И на се́рденьку тру́дно,
Молоды́й коза́къ, са́мъ не зна́ю!

Да ве́ють ве́тры все бу́йныи,
Да иду́ть дожчи́ все дро́бныи,
Зе́млю розруша́ють,
И трано́ю устила́ють,
Кра́сным цве́томъ искраша́ють.

(174) Запала́ниши или закала́ниши — пріобрѣсть, нажить.

Да тепе́ръ рѣчки́ не глыбо́кіи
И на перево́зѣ не широ́кіи;
А луги́ изъ луга́ми,
Береги́ зъ берега́ми,
Де прохо́дятъ зъ корабля́ми.

А тепе́ръ не прохо́дятъ,
И бурла́къ не прово́дятъ
За вра́жими ворога́ми! . . .

ГАЙДАМАЦКІЯ.

41.

Наѣхали козаки́ до Мару́сѝ въ го́стѝ:
„Мару́сенько-па́нѝ! чи е́ твій панъ до́ма?
Коли́-жъ нема́ па́на, вы́йди до на́съ са́ма!“
Мару́сенька не по́зна́ла, въ черевѝчкахъ вы́йшла:
— Есте́ вы коза́ки, есте́ гайдама́ки! —

„Мару́сенько-па́нѝ! по чо́мъ ты по́зна́ла?
По чо́мъ ты по́зна́ла, пра́вдоньку сказа́ла?“

— По то́мъ я по́зна́ла, пра́вдоньку сказа́ла,
Що я свого́ па́на ко́ника по́зна́ла. —

„Мару́сенько-па́нѝ! не пра́вдоньку-жъ ка́жешъ:
Мы того́ ко́ника въ твого́ па́на купи́ли,
Въ зеле́но́й дубро́вѣ гро́шѝ полѣчи́ли,
Въ холо́дно́й крыни́цѣ могори́чъ запи́ли,
По́дъ гнилу́ коло́ду па́на по́дкопи́ли.

42.

(Галицкая).

„А що́ у тобо́й Чорного́рѣ за воро́нѣ ко́нѣ!
Ходѣ́мъ, бра́тце, въ гайдама́ки, чу́емо черво́нѣ.

Ой и чу́емо черво́нѣ въ па́на молодо́го...
Ой я́къ бы ихъ да ужи́пи зъ двора́ головно́го?“

— Ой я зна́ю, па́не-бра́тце, я́къ то їхъ ужи́пи:
Молодо́го того́ па́на до стѣны́ приби́пи!

Ой приби́пи ру́ки, но́ги, ще межи́ плечи́ма,
Да щобъ на на́съ во́нъ диви́вся чо́рными очи́ма!

43.

На́-що-жъ тобѣ́, па́не-бра́тце, торби́ну таска́пи?
Лѣ́пше тобѣ́, па́не-бра́тце, люде́й розбива́пи.

Чи зна́ешъ ты, па́не-бра́тце, що бу́демъ дѣ́яти:
Вырѣжемо вра́жихъ сыно́въ, бу́демъ панова́ти!

Чи ба́чишъ ты, па́не-бра́тце, за лѣ́сомъ моги́ла:
Чи ты́ умре́шъ, чи повиснешъ — разъ ма́ти роди́ла!...

ЧУМАЦКІЯ.

44.

Ой по гора́мъ снѣги́ лежа́ть,
По доли́намъ во́ды стоя́ть,
А по шляха́мъ маки́ цвѣпу́ть:
То не маки́, а чумаки́ —
Зъ Крыму иду́ть, рыбу везу́ть.

КІЕВСК

Ма́ти сы́на вызнава́ла,
Да не взна́ла — выкрика́ла:
— Иди́, сы́нку, до-до́моньку,
Змы́ю тобѣ́ голо́воньку! —
„Измы́й, ма́ти, сама́ собѣ́,
Або́ моёй ро́дно́й сестрѣ́:
Мене́ змы́ють — дро́бни́ до́жчи́,
А розче́шуть — гу́сти́ те́рны,
А просу́шить — ясне́ со́лнце,
А розку́дрють — бу́йни́ вѣ́тры! . . .“

45.

Чума́ченьки коза́ченьки ка́шу вари́ли,
А сами́ сѣда́ли, пѣ́сню спѣва́ли:
„Хо́дить пу́га по лугу́,
Гне́ться ту́ръ-во́лъ у дугу́.
Хо́дить пу́га по га́ю,
Кли́че дѣ́вку Га́лю.
Хо́дить пу́га по балка́хъ,
Пла́че пу́га по Козака́хъ.
Хо́дить пу́га по дубро́вѣ,
Що нема́е до́ли́, до́ли́!“

46.

Зацвѣла́ кали́на у лу́зѣ да попусти́ла квѣ́ты,
Не оди́нъ чума́нъ ки́да жо́нку и дро́бне́ньки́и дѣ́ты.
До́бре було́ да чумакова́ти по́ки всю́ды було́ ро́вно,
А то́ вже чере́зъ ти́и биле́ты да й ходи́ти не во́льно.
Гей въ степу́ глыбо́ка крыни́ця, то́льки вода́ блищи́тся;
Гей по́йшо́въ-бы я до жо́нки, дѣте́й — не ма́ю чѣ́мъ розплати́тьсѧ.

47.

Ой ходи́въ чума́къ сѣ́мъ рѣ́къ по Дону́,
Да не було́ приго́донькы никóли ёму́.

Ой ишóвъ чума́къ зъ Крыму до-дóму,
Ста́лась ёму́ приго́донька за всю́ доро́гу,

Ста́лась ёму́ приго́донька не въ де́нь, а въ ночи́,
Занеду́жавъ чума́ченько зъ Крыму идучи́,
При широ́кѣ́й доро́женьцѣ волы́ пасучи́.

Ой пѣ́йшóвъ чума́къ въ Сама́ръ на база́ръ,
Черво́ною хусти́ною голóвку звяза́въ.

Ой упа́въ чума́къ, упа́въ да й лежи́ть,
Нихто́ ёго́ не спита́е що́ въ ёго боли́ть.

Ой и боли́ть въ ёго се́рдце й голова́,
Помира́е чума́ченько, а ро́ду нема́.

Прiйшóвъ до ёго́ ота́манъ ёго́,
Бере́ его́ за ру́ченьку, жалу́е ёго́.

„Ота́мане мо́й, жа́луешъ мене́:
Скида́й жупа́нъ зъ мене́ да укры́й мене́.

Бери́ мои́ волы́-возы́ — похова́й мене́,
Бери́ мое́ сре́бло-зло́то — помина́й мене́.“

Изки́нувъ чума́къ сви́тку и кожу́хъ,
Припада́е къ сирѣ́й землѣ́, те́плый зво́де ду́хъ;

Изки́нувъ чума́къ изъ се́бе каптáнъ:
„Волы́ мои́ половы́и, хто́-жъ бу́де вамъ па́нъ?

Да вда́рили зъ-ра́зу у вели́кій дзво́нъ,
Се́-жъ по тому́ чума́ченьку що ходи́въ на До́нъ.

Да вда́рили зра́зу въ дзвоны́ уво всѣ:
Се́-жъ по тому́ чумако́вй, що ходи́въ по со́ль.

Ой ишли́ волы́ да въ во́смерику́,
Задзвони́ли въ усѣ дзвоны́ по то́мъ чумаку́.

Ревну́ли волы́ у ново́мъ ярмѣ;
Похова́ли чума́ченька въ чужо́й сторонѣ.

Ревну́ли волы́ степо́мъ идучи́;
Похова́ли чума́ченька, зъ Кры́му везучи́.

48.

Ой злетѣвъ пу́гачъ на ялиноньку, да якъ *пу́гу* да *пу́гу*!
Гей, дотяга́йте сла́вни чума́ченьки да до те́много лу́гу!

Ой ра́дибъ мы поспѣша́ти, да чума́къ занеду́жавъ.
Ой занеду́жавъ да чума́къ Мики́та да на во́зъ похили́вся,
Да пра́вою ру́ченькою за се́рдце ухопи́вся,
Ка́ренькими о́ченьками на во́ликѣ́въ подиви́вся.
„Ой волы́ мои, да половы́и! хто́ вамъ Па́номъ бу́де?
Ой я́къ мене́ чумака́ Мики́ты на свѣтѣ не бу́де?“
— Ой то́й надъ на́ми бу́де пановáти, хто́ насъ бу́де поганя́ти! —

Ой вы чума́ченьки, ой вы бурла́ченьки! ой вы лю́ди на все́ го́жи!
Ой изробѣ́те чумако́ви Мики́тѣ домови́ну зъ рого́жи.
Та вы́рыйте надъ чумако́мъ Мики́тою да высо́ку моги́лу;
Та посадѣ́те надъ чумако́мъ Мики́тою, да черво́ну кали́ну.

49.

Ой чума́че, чума́че!
Въ те́бе ли́чко коза́че.
Чомъ не ра́но зъ Кры́му йде́шъ,
Не всѣхъ чумако́въ веде́шъ?
— Ой я ра́но зъ Кры́му йду́,
Всѣхъ чума́ченько́въ веду́,
То́лько́жъ нема́ одно́го —
Мого́ бра́та родно́го! (а)
Шука́въ, шука́въ, не найшо́въ,
Запрѣгъ волы́ да й по́шо́въ.
Ѣхавъ, ѣхавъ — моги́ла,
Кра́й моги́лы — доли́на,
Та́мъ чумаки́ стоя́ли,
Та́мъ же и мы́ присто́ли.
Отама́не, ба́тьку на́шъ!
Пора́дь же ты тепе́ръ на́съ:
Що бу́демо роби́ти,
Чѣмъ во́лико́въ корми́ти?
— А ще, хло́пцѝ, не бѣда́!
Есть у по́лѣ лобода́:
Косѣть, хло́пцѝ, лободу́ —
Забува́йте сю́ бѣду́!
Косѣть, хло́пцѝ, пшени́цю —
Въ чи́сто́мъ по́лѣ метли́цю.
Ко́сѣть, хло́пцѝ, ве́сь спори́шъ —
Кормѣть воло́въ на бары́шъ.
Косѣть, хло́пцѝ ота́ву —
Пасѣть воло́въ на сла́ву.

Косѣпь, хлóпцѝ, щé ячмѐнь —
Поѣдемо въ Крымъ по сóль!
Косѣпь, хлóпцѝ, и овéсъ —
Поѣдемо у Одéсъ!
Косѣпь, хлóпцѝ, очерéтъ —
Навáримо вечеря́пь,
Укúнемо чабакá,
Да помянéмъ чумакá! . . .

(а) Вмѣсто сихъ стиховъ поютъ еще такъ:

Тóлькѝ одногó немá —
Вдóвиного Иванá:
Склáлась емý причúна,
Голóвоньку пробúла —
Поламáлись терезы́,
Сóль вáжучи ни возы́.

50.

Да идé чумáкъ да дорóгою,
Мéдъ-винó кружáе;
Да оглянется да чумáкъ назáдъ,
Ажъ волóвъ не мáе.

— Да бѣжúй, хлóпку, да бѣжúй, малы́й,
Давáй панáмъ знáти:
Да нехáй паны́, да нехáй воны́
Шлю́ть волóвъ шукáти! —

Ой у Кіёвѣ да на ры́ночку
У всѣ дзвóны дзвóнять. . .

Да огля́нется да чума́къ наза́дъ,
Ажъ во́ликôвъ го́няшь.

Да огля́нется да чума́къ наза́дъ,
Ажъ во́ликôвъ жену́шь;
А за вола́ми да за воза́ми
Бусурме́на веду́шь.

Да веду́шь, веду́шь да бусурме́на
На кругу́ моги́лу:
— Да диви́сь, диви́сь, да бусурме́не,
На свою́ краи́ну. —

„Да тепе́ръ менѣ, да ми́лiй бра́тья,
Краи́на не ми́ла:
Що розсерди́вся мôй отéць й ма́ти,
Ще й вѣрна дружи́на!“

51.

У по́лѣ крини́ченька, холо́дна води́ченька;
Тамъ чума́къ волôвъ напова́е:
Волы́ реву́шь, воды́ не пью́шь, доро́женьку чу́ютъ.

„Бо-да́й же васъ, сѣрiй волы́, да до Кры́му не зходи́ли!
Якъ вы мене́ молодо́го навѣкъ засмути́ли...“

Поме́ръ, поме́ръ чума́ченько въ недѣленьку вра́нцѣ;
Похова́ли чума́ченька къ зелено́мъ байра́цѣ.

Насыпа́ли чума́ченьку высо́ку моги́лу;
Посади́ли на моги́лѣ черво́ну кали́ну.

Прилете́ла зозу́ленька, да й сказа́ла: ку́-ку!
Пода́й, сы́ну, пода́й, о́рле, хочъ пра́вую ру́ку!

„Ой ра́дъ-бы я, моя́ ма́ти, обѣ-двѣ пода́ти;
Да налягла́ сыра́ земля́, не мо́жно по́дня́ти!“